

Санкт-Петербургский государственный университет

**С.Ю. Новикова
Н.А. Синеокая
Н.А. Трофимова**

**ГЕНДЕР
В ЗЕРКАЛЕ НЕМЕЦКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Коллективная монография

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2024

УДК 008
ББК 71.08(4Гем)
Н73

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ: ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Авторский коллектив:

Новикова С.Ю. (раздел 2.1.), Синеокая Н.А. (раздел 1.6),
Трофимова Н.А. (введение, раздел 1.1—1.5; раздел 2.2., заключение)

Под общей редакцией Н.А. Трофимовой

Рецензенты:

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Киселева С.В., доктор филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Новикова С.Ю.

Н73 Гендер в зеркале немецкой культуры : монография / Н.Ю. Новикова,
Н.А. Синеокая, Н.А. Трофимова ; под общ. ред. Н.А. Трофимовой. —
Москва : ФЛИНТА, 2024. — 152 с.

ISBN 978-5-9765-5390-3

В монографии представлены результаты эмпирического исследования компонентов гендерной ментальности в немецкой культуре: рассматриваются предпосылки гендерной проблематики, зафиксировано, с одной стороны, традиционное отношение к гендерным ролям, зафиксированное в языке и литературе, с другой стороны, показаны значительные сдвиги в содержании ментальности немцев в сторону эгалитарных гендерных норм.

Монография адресована исследователям гендерной проблематики и немецкой культуры, культурологам и лингвистам, преподавателям, студентам и аспирантам, а также широкому кругу читателей, интересующихся гендерной проблематикой.

УДК 008
ББК 71.08(4Гем)

ISBN 978-5-9765-5390-3

© Новикова С.Ю., Синеокая Н.А.,
Трофимова Н.А., 2024
© Издательство «ФЛИНТА», 2024

Специфическая гендерная представленность в языке и коммуникации — не миф: даже при поверхностном наблюдении очевидны определенные гендерные особенности речи, которые не определяются исключительно биологическим полом коммуникантов, а являются результатом комплекса психосоциальных процессов. Большое значение при этом имеют стереотипные представления о том, как говорят мужчины и женщины, так называемые назначенные обществом гендерные роли — ожидаемые от мужчин и женщин стили поведения. Гендерные отношения являются важным аспектом культуры, играют роль в функционировании общественных структур, государственных организаций, обуславливают методы принятия решений и образы мышления и т.д. Они накладывают отпечаток и на язык, поэтому гендерную специфику коммуникантов легко можно выявить при анализе их речи. Этот факт определяет значимость лингвистического анализа гендера, интерес к которому не иссякает уже на протяжении нескольких десятков лет. В течение этого времени сменились несколько парадигм исследования гендера в языке: дефицитарная парадигма (1970-е годы), дифференциальная парадигма (1980-е годы), языковое конструирование гендера (с 1990-х годов до сегодняшнего времени). Дефицитарный подход рассматривал женский стиль речи как следствие общественной дискриминации женщин. Эта исследовательская модель констатировала властное мужское коммуникативное поведение и языковую подчиненность женщин. Гендерная асимметрия, получившая название языкового сексизма, позволяет, по мнению исследователей, мужчинам доминировать в разговоре, женщины при этом вынуждены оказывать мужчинам почтение, слушая их, не прерывая, считать мужские темы разговора более важными, чем свои собственные. Ущербность

женщин в языке проявляется и в том, что мужской язык воспринимается как норма, а женский — как отклонение от нормы [Кириллина 2000; Гриценко 2005; Gottburgsen 2000; Hornscheidt 2009 и др.]. Такое положение вещей резко критикуется представителями радикальной феминистской лингвистики 1970-х годов, поскольку, по их мнению, равное положение мужчин и женщин в современном обществе непременно должно быть зафиксировано в языке. Примером критикуемых аспектов немецкого языка является априорное использование мужского рода для называния профессии или рода деятельности: утверждается, что «мужские» обозначения, как, например, *der Minister* или *der Student*, затрудняют представление женщины в соответствующей роли и тем самым укрепляют асимметричные роли мужчин и женщин в сознании носителей языка. Следствием большой дискуссии по этому поводу стало употребление в современном немецком языке альтернативных формулировок — нейтральных форм (например, *Studierende* для обучающихся обоих полов) и двойного обозначения пола (например, *Studentinnen und Studenten*).

Дифференциальная парадигма или парадигма различий рассматривает женский и мужской стили общения как две культуры — разные, но равные [Tannen 1990; Maltz and Borker 1982; Holmes 1993, Boxer 1993 и др.]. Многочисленные исследования различий в коммуникативных характеристиках мужчин и женщин и особенностях их поведения показали, что их не очень много: у мужчин более развиты пространственные и математические способности, а у женщин — вербальные. Социальное поведение мужчины характеризуется более высоким уровнем развития таких черт, как агрессивность и доминантность, в то время как женщины более дружелюбны и контактны [Massobu, Jacklin 1975; Bee, Mitchel 1984; Либин 2000]*.

* Согласно более поздним исследованиям [Крайг 2000], даже к общепризнанным различиям между мужчинами и женщинами по уровню агрессивности, математическим и вербальным способностям нужно подходить с большой осторожностью. Исследовав не одну сотню людей, Дж. Хайд пришла к заключению, что различия между средним мужчиной и средней женщиной обнаруживаются далеко не всегда [Hude 1984].

Как дефицитарная, так и дифференциальная парадигмы основываются на дихотомической концепции гендера: мужчины и женщины априори понимаются как постоянные величины, которые оказывают влияние на коммуникативное поведение. Третья парадигма — социальное конструирование гендера — разворачивает перспективу исследования в ином направлении и рассматривает специфическое гендерное речевое поведение как независимую переменную, в рамках которой создаются условия для восприятия себя и других как мужчин и женщин. Общение представителей разных полов не рассматривается с позиций доминирования, которое ограничивается только намерениями самого индивида, без учета некоего социального предопределения к тому или иному стилю поведения в коммуникации.

Настоящая монография представляет собой попытку взглянуть на гендер с лингвокультурологической точки зрения — еще мало разработанного — по сравнению с другими — направления исследований. В рамках этого подхода описывается наивная картина мира, где в неявном виде показаны взаимодействие культуры и языка, а также формы фиксации в языке культурно значимой информации [Кириллина 2004: 57]. Вопросами репрезентации гендера в языке с точки зрения лингвокультуры занимались А.А. Арестова [Арестова 2006], Д.А. Баранов [Баранов, Баранова и др. 2005], Н.В. Белая [Белая 2009], Е.А. Евграфова [Евграфова 2020], Н.В. Дутова [Дутова 2014], Н.Н. Колесникова [Колесникова 2007], Д.Ч. Малишевская [Малишевская 1999], А.М. Холод [Холод 1997] и др. Работы названных и оставшихся за рамками перечисления авторов посвящены рассмотрению гендерных особенностей национальных картин мира, гендерному аспекту традиционной русской, а также англосаксонской (английской и американской) культур, гендерной специфике невербального в коммуникативном поведении языковой личности в разных культурах, репрезентации гендера во фразеологический и, в частности, паремиологической национальной картине мира. Исследования проводятся, как правило, на материале русской или англо-американской культур. Целью авторов настоящей монографии является представить современное состояние гендерного вопроса в немецкой культуре, описать представления

о женственности и мужественности, зафиксированные в традиционных текстах культуры, и выявить их составляющие через анализ языковых единиц и структур, а также отдельных типов текста. В монографии объединены и обобщены исследования и публикации авторов в области гендерных особенностей немецкой культуры за период с середины 1990-х годов по настоящее время, а также значительный объем фактического материала.

Тематически работа распадается на две части: первая посвящена исследованию особенностей отражения гендера в языке, во второй части представлен взгляд на гендерный вопрос в приложении к творчеству двух очень разных авторов немецкоязычной литературы: Томаса Бернхарда и Ильдико фон Кюрти.

Авторы в полной мере отдают себе отчет в сложности поставленной ими задачи. Отдельные факты и параметры репрезентации гендера, описанные в нашей работе, могут вызвать несогласие и полемику со стороны лингвистов. Любая дискуссия в данной сфере приветствуется авторами и будет способствовать углублению и уточнению описания гендера в немецкой культуре.

Глава 1

ГЕНДЕР В ЗЕРКАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

1.1. Гендерные стереотипы

Поляризация гендерных различий способствует концептуализации гендерной идентичности как неизменной и статичной — это очевидно. Противопоставление мужчин и женщин по принципам власти, амбиций, покорности, вежливости, сдержанности, интеллекта / способностей и т.д. объясняет существование гендерных стереотипов как набора качеств, по природе присущих мужчинам и женщинам [Гриценко 2005: 94]. Вряд ли существование таких стереотипов можно считать научной истиной, но можно предположить, что гендер частично конструируется на основе стереотипных ожиданий. Языковые гендерные стереотипы образуют, следовательно, когнитивную основу интерактивного конструирования пола. На это ориентируются участники коммуникации, когда они воспринимают себя и других как мужчин или женщин.

Интерес к исследованию гендерных стереотипов не снижается вот уже несколько десятилетий, об этом пишутся монографии, издаются научные статьи (см., например: [Коврикова 1999; Рябова 2001; Ткачева 2020; Basow 1992] и др.), существуют даже специальные издания, посвященные рассмотрению гендерных стереотипов, например, журнал *Sex Roles: A Journal of Research*. Эти публикации выстраивают «мозаику» гендерных стереотипов, показывают их сущностные свойства, формируют своего рода социальную норму — представления о том, каким должен быть мужчина, какой должна быть женщина. Гендерные стереотипы устойчивы и стабильны: и сегодня релевантны пришедшие из Средневековья представления о женской эмоциональности, неразумности и беспомощности и противопоставленное им рациональное, разумное мужское начало [Рябова 2001: 4].

Приписывание гендеру определенных установленных обществом качеств и норм поведения осмысливается в категориях маскулинности и фемининности, под которыми понимается не только следствие воздействия природных факторов, но и категории, обусловленные культурной традицией [Кирилина 1999: 64]. Согласно И.С. Кону [Кон 2001: 565], маскулинность и фемининность определяются, с одной стороны, как совокупность поведенческих и психических черт, свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам и женщинам; а с другой стороны, как совокупность социальных представлений и установок о том, чем является нормативный эталон мужчины и женщины, какие качества приписываются им обществом.

Маскулинность и фемининность своими корнями уходят в мифологическое мышление, где мужское / маскулинное трактуется «как аполлоновское начало формы, идеи, инициативы, активности, власти, ответственности, культуры, личности, разума, абстрактного понятийного мышления, сознания, справедливости» [Рябов 1997: 29]. Женское / фемининное понимается как «дионисийское начало материи, пассивности, подчинения, природы, рода, чувства, инстинктивности, бессознательного, конкретного мышления, милосердия» [там же]. Такое мифообусловленное восприятие гендера становится общей категорией культуры и, следовательно, рамкой, по которой уже много столетий меряют реальных мужчин и женщин.

Обобщенные образы маскулинности и фемининности включают представления о том, какие качества, свойства характерны для мужчины или женщины, об их социальных ролях (в обществе и семье). Сравнение стереотипных образов мужчины и женщины приводит исследователей (см., например [Ashmore, Del Boca 1986; Vasow 1992; Lips 1997; Рябова 2001]) к построению ряда оппозиций качеств мужчины / женщины: решительность / нерешительность, ум / глупость, лидерство / зависимость, сила / слабость, предприимчивость / осторожность, ответственность / безответственность, властность / покорность, хладнокровие / истеричность, настойчивость / пассивность, целеустремленность / безволие, безрассудность / осторожность и т.д. Очевидно, что маскулинный образ (первый элемент пары) по сравнению с образом феминности

(второй элемент пары) имеет более позитивную оценку. Но вряд ли правильно ограничиться этим утверждением. Доминантность мужчин, их стремление к лидерству неизбежно приводят к вычлению второй группы оппозиций, «мужские» элементы которых порицаются, а женские (второй элемент пары) оцениваются положительно: грубость / нежность, черствость / добросердечие, развязность / скромность, резкость / мягкость, эгоизм / бескорыстие, бесчувственность / чуткость, агрессивность / добродушие. Разумеется, перечисленными чертами маскулинности и фемининности содержание гендерных стереотипов не исчерпывается, они включают значительно более широкий спектр аспектов жизни, в том числе социальные роли: маскулинность традиционно связывают, например, с публичной сферой — участием в жизни общества, а фемининность — с приватной сферой — семьей, домом, воспитанием детей [Рябова 2001: 7]. Важно при этом помнить, что содержание гендерных стереотипов не обязательно должно подтверждаться при описании каждого реального лица — мужчины или женщины, поскольку это содержание может трансформироваться в зависимости от статусных позиций описываемых лиц, от их возраста и принадлежности к социальной группе.

Гендерные стереотипы фиксируются в языке и определяют особенности речи мужчин и женщин, в том числе и ожидания речевого поведения представителей полов. Иначе говоря, при лингвистическом рассмотрении вопросов гендерных стереотипов обращается внимание на формы и условия коммуникации полов, на используемые средства конструирования гендерной идентичности, на экстра- и интралингвистические факторы формирования коммуникативной ситуации и речевого поведения [Кириллина 2000: 112].

Существующие гендерные стереотипы утверждают, что мужчины и женщины используют в речи различный набор лингвистических средств. Мужчины выбирают из языкового репертуара инструменты, которые обеспечивают им больше власти и авторитета. Женщины предпочитают основываться на совместных решениях, создавать положительную эмоциональную атмосферу, важную для достижения успехов.

Взгляд на языковые гендерные стереотипы показывает, например, что мужчины значительно чаще, чем женщины, используют директивы в форме императива, создавая иерархию в общении и утверждая в ней свой более высокий статус, дающий им право отдавать распоряжения: *Himmeldonnerwetter, jetzt stell dich doch nicht gar so an!* (Steingruber, 36); *Steh auf, sonst mach ich dir Beine!* (Steingruber, 45). Такие синтаксические формы придают речи мужчин тон, не терпящий возражений, демонстрируют их авторитет по отношению к другим. Мужчины не сомневаются в правильности изъясляемых желаний и предъявляемых требований, поэтому вербализуют их сразу, без дополнительных прелюдий и не особенно заботясь о форме их выражения. Поэтому мужской стиль речи характеризуется короткими, сконцентрированными на сути предложениями с четкой структурой (четкость достигается числительными наречиями *erstens, zweitens* и под.): несложным началом, фактами в центре предложения, заключением в конце: *Erstens mein Lieber, lass die Finger von Klaudius, er gehört mir und zweitens, ich würde nie etwas tun, was ihn in Gefahr...* (Sandtown).

Совсем иначе дело обстоит у женщин, в среде общения которых исключена иерархичная организация. Женщины обращаются ко всем присутствующим, приглашая к совместному действию, солидарно включая себя в число его исполнителей (например, в первом лице множественного числа), не доминируют в разговоре, приписывая себе особый статус, позволяющий предъявлять к партнерам по разговору какие-то требования. Часто значение включенного императива смягчается модальными глаголами *wollen* и *lassen*: *Lasst uns alle gemeinsam ans Meer fahren. Wir können über unsere Pläne sprechen* (Habicht, 10); *Wollen wir uns besaufen? <...> Wollen wir? Bitte, bitte, bitte* (Chase, 212). Такие речевые формы превращают приказы, запреты, указания женщин в вежливые замечания, советы и вопросы о мнении или желании партнера. Кроме включенного императива и модальных глаголов, в речевой арсенал женщин включаются формы конъюнктива, модальные слова, способствующие достижению основной цели коммуникации — созданию приятной атмосферы разговора и поддержанию хороших отношений с партнером: *Du solltest eine Wand streichen.*

Oder gleich alle vier (Louis, 323); *Daddy, du könntest mich hier rausholen* (Pierce); *Du singst und spielst wirklich toll. Könntest du mir Unterricht geben?* (Lilienblom, 66); *Es würde mich glücklich machen, wenn Sie morgen mit mir zusammen frühstücken wollten!* (Freitau v. Esch, 27).

Еще одним распространенным стереотипом речевого поведения мужчин и женщин является специфика способа выражения мысли. Считается, что особенностью речи женщин являются косвенность, избегание прямых форм выражения, особенно если речь идет о побуждении к действию. Косвенные формы выражения служат цели сохранения лица партнера, позволяют скрыть разногласия, избежать ситуаций конфронтации в разговоре. Если мужчина, например, спросит: *Gehst du bitte einkaufen?* (прямая вежливая просьба), то от женщины можно услышать: *Oh, ich brauche unbedingt ein paar Sachen vom Supermarkt, aber ich bin so müde!* (косвенная просьба сделать необходимые покупки). Или пример многословного предложения женщины купить дырокол взамен сломанного: *Der Locher funktioniert nicht mehr richtig. Wollen wir vielleicht einen neuen bestellen? Wir brauchen sowieso Kopierpapier. Da könnten wir ihn gleich mitbestellen, was meinst du?* Мужской вариант для такого предложения выглядит следующим образом: *Der Locher ist kaputt. Ich kaufe einen neuen* [Konrad 2018].

Косвенная форма выражения служит женщине инструментом поддержания отношений: категоричным требованием достигается только статусный успех и превосходство в разговоре, поскольку партнером исполняется воля говорящего; а успешные отношения строятся в случае, если партнер «случайным образом» хочет того же, что предлагает говорящий. И тогда в отношениях нет ни превосходства, ни подчинения, коммуниканты находятся в отношениях согласия и стремятся к достижению единой цели. Если косвенная форма интерпретируется правильно, то, по сути, нет скрытого смысла — просьба очевидна: *Wenn du dich jetzt bitte zurückziehen würdest, damit ich mich für den Abend fertig machen kann...* (Freitau v. Esch, 37) (прямая форма побуждения была бы *Lass mich jetzt bitte allein!*)

Третий стереотип речевого поведения мужчин и женщин представляет речь женщины очень эмоциональной, избыточной разнообраз-

ными стилистическими фигурами, а речевое поведение мужчины характеризуется «топорностью», неспособностью услышать суть, скрытую в интонации и изящных формах. Пример такого разговора «мимо сути»:

Она: *Du hast immer etwas auszusetzen an dem, was ich sage!*

Он: *Was soll das heißen, immer. Deinen letzten Argumenten habe ich doch zugestimmt, oder etwa nicht?*

Она: *Das sagst du jedes Mal, wenn ich das Thema anschneide!*

Он: *Das ist doch gelogen! Ich sage das nicht jedes Mal!*

В этом диалоге камнем преткновения становится гипербола, которая придает речи женщины эмоциональность: слова *immer*, *jedes Mal* означают не совсем то, что она хочет сказать, она преувеличивает, чтобы воздействовать на партнера, который принимает их за чистую монету и реагирует соответственно.

Высокая эмоциональность речи женщин достигается использованием метафор, эпитетов, сравнений, эвфемизмов, различных междометий и междометных выражений, таких как *Oh Gott!*, *Bewahre!*, *Behüte!* Эти языковые средства кажутся мужчинам несерьезными, но помогают женщине достигнуть цели разговора и выразить свои чувства, эмоции, настроения, волеизъявления, не называя их прямо: *Oh Gottogott!* *Oh Gottogott! Ich habe nur sechs Tischdecken! (Glöckner, 64); Ich werde nie... puh, nein, Gott bewahre... ich werde sie nie wieder küssen (Hamsun); Ja, Herrgott, das bin ich auch! (Hamsun).*

Различные образы мышления, интересы, жизненные ценности, цели разговора ведут к различным темам разговора у мужчин и женщин. Исследования установили: мужчины говорят в основном о работе, о различных технологиях, машинах и всевозможных приборах. Вторая по частотности тема разговора у мужчин — это еда. Далее следуют спорт и хобби, очень редко речь заходит о семье. Женщины говорят в первую очередь о людях, и не о коллегах, а, скорее, о родственниках, детях, друзьях. Следующими по частотности темами для разговоров являются работа и затем здоровье, включая диету и еду [Pawlik 2022].

Сказанное выше доказывает, что мы живем стереотипами, которые отражаются в языке. Но все-таки это стереотипы, а не строгие

правила без исключений. Было бы большой ошибкой утверждать, что все мужчины в мире думают и говорят по одной схеме, а все женщины — по другой. Специфические языковые признаки, которые накладывают отпечаток на мужской и женский стили общения, характеризуют примерно 60% мужчин и женщин. Ведь пол не единственный фактор, определяющий особенности языка и речи, значимыми являются социальные роли, профессиональный статус, образование участников коммуникации, а также их индивидуальные особенности и коммуникативная ситуация. В современном обществе женщины добиваются многого, они компетентны, умеют логично мыслить, говорить прямо, без обиняков. Но такой стиль поведения все еще часто квалифицируется как агрессивный и неженственный. А нерешительные, неуверенные в себе мужчины рискуют тем, что их маскулинность будет подвергнута сомнению. Поэтому каждый из нас во избежание недоразумений пытается приспособиться к привычным для всех стереотипным представлениям и по их же проявлению судить о других.

Таким образом, гендерные стереотипы, сформированные в культуре, в значительной степени определяют социальные цели, ценности и нормы, приписываемые полам сегодня. Наиболее достоверную информацию об этих стереотипах представляют пословицы, вобравшие в себя всю многовековую мудрость народа, отражающие характерные черты его быта, нравов, способов суждения и особенностей воззрения. Поэтому в следующем разделе мы обращаемся к немецким паремиям как носителям неповторимых этноценностей, служащих достоверным материалом для анализа сформированного в немецкой культуре представления о характерных особенностях женщины и мужчины.

1.2. Гендер в зеркале немецких паремий

Пословицы как текст, отражающий менталитет народа, его культурные ценности, являются своего рода аккумулярованным в течение столетий знанием о коллективном авторе, выражением мнения о

происходящем в обществе, о реалиях жизни, репрезентацией системы представлений и стереотипов народного самосознания, которые дают широкий простор для самоидентификации [Телия 1996: 45].

В паремиях запечатлен в том числе и сложившийся в обществе взгляд на представителей гендерных групп и на отношения полов. Поучения гендерных паремий направлены на определенные характеристики полов, их поведение в той или иной ситуации, они подвергаются переосмыслению и по-своему отражают действительность. В таких гендерных паремиях наблюдается четкий перевес в сторону представления женского образа. Это происходит, вероятно, потому, что, как было сказано выше, мужское принимается за точку отсчета, за норму, а норма в описании, как правило, не нуждается. А женское — (потенциальное) отклонение от нормы, которое фиксируется или предупреждается в пословицах.

Что говорят паремии о мужчинах*? О внешности: мужчине не нужно быть красавцем (Ein Mann muss nicht schön sein), достаточно того, что он немного отличается от пугала: Ein Mann braucht nur so schön zu sein, dass sein Pferd nicht scheut. Внешность для мужчины — дело третьестепенное, заботиться о своей внешности — задача женщины, поскольку для того, чтобы быть выбранной (выбор жены сравнивают с покупкой коровы, например), ей нужно выглядеть здоровой и привлекательной. А у мужчины есть другие задачи: например, зарабатывать деньги: Geld macht den Mann (Federn machen den Vogel flügg, das Geld den Mann; Des Mannes Sinn ist sein Gewinn). И если мужчина успешен в материальном отношении, то все остальное становится несущественным, любой промах рассматривается как случайность: Reiche Männer machen keine Fehler. И наоборот — если мужчина не состоялся материально, то интерес к нему пропадает: Armer Mann, unwertiger Gast (Wenn einer Geld hat, kann er dem Teufel Beine machen, wenn er keines hat, kommt nicht einmal der Mann, den er ruft). Иначе говоря, взрослый мужчина должен соответствовать представлениям общества об успешности (деньги, «правиль-

* Отбор паремий с компонентом *Mann* проводился методом сплошной выборки с сайта <https://www.gutzitiert.de/>

ная» жена) — непростая задача, требующая терпения (An der Geduld erkennt man den Mann), справиться с которой удастся не каждому.

Кстати, о достатке: он в пословицах представляется более важным достоинством мужчины, чем даже его сословный титул: Besser ein reicher Bauer, denn ein armer Edelmann. Народная мудрость (в лице, вероятно, девушек на выданье и их родителей) показывает здесь свою прагматичность — какой смысл в титуле супруга, если он неспособен обеспечить семью самым необходимым?!

О возрасте: в пословицах выражается почтение по отношению к мужчине преклонного возраста, считается, что возраст делает мужчину мудрее: Alter Mann, guter Rat. Более того, не следует возраст считать приговором и исключать немолодого мужчину из активной жизни (Ein alter Mann führt nicht unbedingt einen alten Pinsel). С другой стороны, отмечается несостоятельность мужчины почтенного возраста в исполнении супружеского долга: Alter Mann macht junger Frau Freude wie der Floh im Ohr (Junges Weib bei altem Mann ist bei Tag Weib und bei Nacht Witwe). Но при этом мужчине все равно — седина в бороду, бес в ребро — приписывается желание получать плотские наслаждения с молодыми женщинами (скорее всего, не женами), которые буквально «питают» его энергией и жизнелюбием: Alter Fisch und junges Fleisch nähren den Mann am besten (Ein Mann ist oft zu jung, um zu heiraten, aber nie alt, um zu lieben).

Молодой мужчина представляется в немецких паремиях довольно редко, в них подчеркивается его неопытность и в этой связи некоторая «непрозрачность» его будущего — неизвестно, сможет ли он стать опорой потенциальной супруге и детям: Ein Mann, dem keine Barthaare sprießen, ist nur mit Vorsicht zu genießen (Ein Mann ohne Bart ist wie ein Brot ohne Kruste; Ein bärtiger Mann ist ein wahrhafter Mann). Характерно, что возраст и опыт измеряется наличием / отсутствием бороды, что можно объяснить, вероятно, временем появления паремии — периодом в истории культуры, когда борода была показателем возраста и символом социального статуса.

Молодому мужчине в немецких пословицах приписывается скромность, некичливость: Es ziemt sich für einen jungen Mann, bescheiden zu

sein. Это правило не соответствует образу эталонной маскулинности с точки зрения поведенческих кодексов, но можно предположить, что, с одной стороны, здесь вербализуются христианские ценности, которые могут быть отнесены и к женщине, а с другой стороны, это правило направлено на воспитание самодостаточности мужчины, важного личностного свойства, выражающегося в нежелании привлекать к себе внимание, демонстрировать свои преимущества, отказе от стратегии бесцеремонности, нетактичности, вседозволенности в отношениях с другими людьми

О привычках и поведении мужчины без указания на его возраст немецкие поговорки говорят только, что настоящему мужчине свойственно употребление горячительных напитков, причем это занятие оценивается положительно и рассматривается как своего рода инициация мужчины: *Wer niemals hat 'nen Rausch gehabt, der ist kein rechter Mann*. Проверка алкоголем (количеством выпитого) показывает, на что способен мужчина: крепко ли он стоит на ногах, способен ли он здраво рассуждать: *Was der Mann kann, zeigt der Wein an (Ist das Bier im Manne; ist der Verstand in der Kanne)*. После такой инициации социальной группой принимается принципиальное решение об отношении к иницируемому, это решение может значительно повлиять на дальнейшую жизнь человека в социуме.

Разгульный образ жизни мужчины (увлечение противоположным полом и шумные попойки) прекращается после женитьбы, когда наступает время самостоятельных решений и ответственности за других: *Alter und Ehe zähmen Mann und Biest*. Группа поговорок, касающихся семейной жизни мужчины, представляет его взрослым, серьезным, хозяйственным (*Eines weisen Mannes Ernte währt das ganze Jahr*). Важным аспектом является отношение к супруге: несмотря на существующий стереотип мужского доминирования в семье, поговорки регламентируют правила поведения мужчины-супруга, устанавливают рамки дозволенного: *Dem Mann ist es keine Ehre, eine Frau zu schlagen*. Настоящий, «правильный» мужчина умеет владеть собой в любой ситуации (*Der ist der Mann, der sich selbst regieren kann*), он немногословен, ему достаточно взгляда, чтобы дать оценку происходящему

(*Schweigend Mann, lobend Mann*), он умеет держать данное слово (*Ein Mann, ein Wort*) и умело ориентируется в меняющихся обстоятельствах (*Der weise Mann fügt sich den Verhältnissen wie das Wasser sich der Form des Gefäßes fügt*). К сожалению, этот положительный стереотип, как это обычно бывает, «разбавляется» ложкой дегтя, поскольку не все женатые мужчины соответствуют идеалам мужественности (не право сильного, а сила правого). И тогда в поговорках отражается сибаритствующий мужчина, ориентированный на удовольствия разного рода (*Wer im Bette liegt, ist ein braver Mann*), но относящийся к супруге без любви и уважения: *Wenn ein Mann auch vielleicht kein Herz hat; so hat er doch bestimmt einen Magen*.

Что еще говорят поговорки о мужчинах? Они слабее женщин и скорее теряют оптимизм в жизни (*Ein Mann kann sich eher zu Tode grämen als eine Frau*). Разумеется, мужчина гораздо важнее и значительнее, чем женщина, один мужчина стоит десяти женщин (*Ein Mann wiegt zehn Weiber auf*). Нам встретилась даже поговорка, специально подчеркивающая достоинство и благородство именно немецкого мужчины: *Deutscher Mann, Ehrenmann*.

А что женщины? Немецкие поговорки* описывают женщину как средоточие недостатков, наиболее осуждаемым из которых является ее болтливость (*Wo Weiber, da Märlein; Viele Frauen, viele Worte*). При этом чрезмерная разговорчивость часто определяется как злословие, склонность к распространению сплетен — качество, оцениваемое отрицательно, но принимаемое как данность, которую нельзя изменить (*Die Frau sei fleißig oder faul, sie hat ein Lästermaul*). Считается, что женщины просто не могут не суесловить (*Die Frauen platzen, wenn sie schweigen sollen*), особенно болтливы женщины преклонного возраста (*Alte Weiber und Frösche quaken viel*).

Поговорки отражают очевидное недоверие к женщинам из-за их лукавства, способности к обману (*Die Frauen sind die Schlaunen; Die Frauen sagen wohl die Wahrheit — aber nie ganz*). Женщина всегда имеет

* Отбор поговорок для анализа проводился методом сплошной выборки из словарей [Петлеваный, Малик 1980; Beyer, Beyer 1985].

что-то «себе на уме» (*Frauen sind schwer zu durchschauen*), она сравнивается с дьяволом, даже превосходя последнего в его «темных» умениях (*Eine Frau, sei noch so klein, stellt dem Teufel ein Bein*). Особенно опасны немолодые женщины (*Wo der Teufel nicht hin mag, da schickt er ein altes Weib*), но не следует доверять и юным и миловидным, на первый взгляд, особам (*Junge Frauen sind lieblich zu schauen, aber es ist ihnen wenig zu trauen; Die Mädchen in der Welt sind falscher als das Geld*), и даже самым набожным представительницам женского пола (*Frömmelnden Frauen ist nie zu trauen*).

Еще одной характерной чертой женского характера называется эмоциональность, доминирующая над интеллектом (*Die Frau liebt mit dem Herzen, der Mann mit dem Kopfe*) и выражающаяся в чрезмерной слезливости: женщины плачут много, по каждому возможному поводу: *Die Frauen haben Tränen genug, sie weinen vor Schmerz, aus Sehnsucht und Betrug*. Однако в пословицах подчеркивается «дешевизна» женских слез, свидетельствующая о поверхностности и недолговечности женских эмоций (*Die Frauen haben ein kleines Herz, es hält nicht lange Freud' und Schmerz*).

Умственные способности женщин оцениваются в пословицах невысоко, часто констатируется факт их практического отсутствия (*Die Weiber haben lange Röcke und kurze Gedanken*), а способность хотя бы к минимальной мыслительной деятельности идентифицируется с коварностью (*Wenn eine Frau denkt, so denkt sie Schlimmes*). Но сообразительность женщины и не приветствуется (*Die Henne, die zur Frühmesse geht, und das Weib, das Latein versteht, nehmen nie ein gutes Ende*), поскольку женщина воспринимается в первую очередь как некто, предназначенный для заботы о доме и хозяйстве, а посторонние занятия, размышления о чем-либо отвлекают ее от решения основных задач. При этом отмечается настойчивость женщины, преодолевающей любые преграды на пути к задуманному (*Wenn die Frau will, kann sie alles; Der Finger einer Frau zieht stärker als ein Paar Ochsen*).

Многочисленна группа пословиц о внешности женщины, акцент делается при этом на разные аспекты. Приятная внешность оценивается, с одной стороны, положительно: представляется, что красота

женщины является ее оружием — вероятно, при завоевании сердца мужчины (*Eine schöne Frau hat ihre Waffen bei sich*), важным аргументом при определении правоты женщины в разных житейских вопросах (*Eine schöne Frau hat immer recht*), в отдельных случаях она выступает даже как инструмент достижения материального достатка (*Eine schöne Wirtin macht einen teuren Gasthof*). Однако красивая женщина считается непостоянной, склонной к изменам, поэтому за ней нужен глаз да глаз (*Wer eine schöne Frau hat, muss mehr als zwei Augen haben; Alte Kleider und schöne Frauen bleiben überall hängen*). Кроме того, красота обманчива: за внешней привлекательностью скрывается часто неприглядное содержание (*Frauen sind wie Kastanien: außen schön und innen schlecht*) либо дурной характер (*Ein schönes Weib hat den Teufel im Leib*). Поэтому при выборе жены лучше руководствоваться не внешностью (*Mit den Ohren such dir eine Frau, nicht mit den Augen*), а иными критериями, поскольку красота преходяща (*Weiber Schönheit, das Echo im Wald und Regenbogen vergehen bald*). Красота женщины не всегда определяется чертами внешности, ее красит и ее умение хранить домашний очаг (*Die Frau ist zu Hause am schönsten*).

Важнейшим аспектом в жизни женщины является материнство, поскольку стремление к продолжению рода заложено в женщине на подсознательном уровне. В немецких пословицах тематизируется нежная забота матери о детях (*Der Mutter Herz ist immer bei den Kindern*), материнская любовь (*Mutterliebe altert nie*) и волнение за судьбу детей (*Wer das Kind bei der Hand greift, greift der Mutter ans Herz*), незаменимость матери (*Eine Mutter kann man verlieren, aber nicht wiederfinden*), степень влияния матери на формирование личности ребенка (*Wie die Mutter, so die Tochter*).

В супружестве женщина отождествляется с домом, домашним очагом, жизненным пристанищем (*Wer kein Weib hat, hat auch kein Haus*), пословицы указывают на тесную взаимосвязь супругов (*Mann ohne Weib, Haupt ohne Leib*), образно выражающуюся в сравнении их с частями тела: лексемы *Haupt, Leib* в приведенных примерах, *Auge* в пословице *Die Frau soll im Hause das linke, der Mann das rechte Auge sein*.

Но женщина-жена играет подчиненную роль в семье, часто над ней совершается насилие, которое поощряется (*Frauen und Koteletts werden um so besser, je mehr man sie klopft*) и признается естественной нормой жизни, отсутствие которой в семье должно вызывать подозрение у самих женщин (*Liebe dein Weib von ganzem Herzen, schüttle es, dass die Glieder schmerzen*).

Замужняя женщина представляется, как правило, сварливой женой, которую следует опасаться, как пожара (*Eine launische Frau ist das Fegefeuer im Hause*). Скверный характер жены напрямую влияет на жизнь мужа, делая ее невыносимой (*Drei Dinge treiben den Mann aus dem Hause: Rauch, ein übel Dach und ein böses Weib*), причем подчеркивается, что страшен образ именно злой супруги (*Die Frau macht oft ein böses Gesicht und der Mann verdient es nicht*), т.е. безобидность девушки до свадьбы не предполагает ее кротость после замужества (*Nichts als gute Mädchen und überall böse Frauen*).

Такие жены характеризуются как расточительницы, не умеющие вести домашнее хозяйство (*Eine Frau kann mit der Schürze mehr aus dem Hause tragen, als der Mann mit dem Erntewagen einfährt*) или не желающие им заниматься (*Nicht jede Frau, welche das Feuer anbläst, will kochen*). Причина неумения / нежелания женщины сосредоточиваться на кухне и детях — неумеренное внимание к своей внешности (*Eine Frau, die immer im Putz, ist dem Haus kein Nutz*) или излишняя мечтательность (*Eine Frau, die nach den Sternen sieht, vergisst den Küchentopf*).

Пословиц об умной и доброй жене значительно меньше, они называют роль положительных качеств жены, их влиянию на характер мужа (*Eine kluge Frau macht erst den Mann vernünftig*), на его материальное состояние (*Eine gute Frau macht aus einem Achtziger einen Vierziger, eine böse aus einem Vierziger einen Achtziger*), на общий психологический климат в семье (*Wer eine verständige Frau hat, ärgere sich nicht, wenn sein Haus nicht reich ist*). Такая жена дорогого стоит (*Eine gute Frau ist Goldes wert*). Поэтому жену следует выбирать осознанно, действуя примерно так же, как при покупке домашнего скота (*Pferde und Frauen muss man genau beschauen*).

Функция женщины, как уже было отмечено, определяется однозначно — ведение домашнего хозяйства (*Wer seine Frau lieb hat, lass sie zu Hause*). Нередко, наряду с ограничением свободы женщины стенами дома, вместе с определением места женщины в доме упоминается и ограничение ее свободы в принципе (*Allzu viel Freiheit verdirbt auch die beste Frau*). Положение женщины в семье значительно хуже, чем положение мужчины, она вынуждена много работать и не имеет притязаний (*Eine Frau, die heiratet, muss ein Schweinsmaul und einen Eselsrücken haben*). В пословицах, характеризующих женщину как хранительницу домашнего очага, отмечаются такие качества, как трудолюбие (*Eine Frauenhand findet immer zu tun*), чистоплотность (*Einer reinlichen Frau fehlt es nie an Wasser*), хозяйственность (*Frauen machen aus Pfennigen Taler, Männer aus Talern Pfennige*), правильная стратегия управления (*Die Hausfrau hat fünf K zu besorgen: Kinder, Kammer, Küche, Keller, Kleider*). Женщина — центр домашнего мироздания (*Wer kein Weib hat, hat auch kein Haus*), домоправительница (*Wo keine Frau ist, da fehlt's am besten Hausrat*).

Лидерство женщины в семье не приветствуется, что свидетельствует о недоверии к женщине, об отношении к женщине как к человеку, неспособному успешно вести хозяйство (*Wo Weiber führen das Regiment, da nimmt's selten ein gut' End*). В доме, где главенствует жена, положение мужа незавидно (*Nährt das Weib den Mann, muss er ihr Spielball sein*).

Таков общий образ мужчины и женщины в немецкой традиционной культуре: он — не обязательно приятной наружности, но ухоженный хорошей женой, мудрый, рассудительный, гибкий, глава семьи, имеющий право в назидание «побивать» жену, она — хорошая хозяйка (если только не слишком увлечена собой), не обязательно приятной внешности, ограниченная (в противном случае коварная), неприхотливая, заботящаяся о членах своей семьи, покорно принимающая насилие над собой. Несмотря на очевидную архаичность этого образа, он дает возможность проследить за развитием типических возвышающих мужчин и дискриминирующих женщин характеристик от древних времен до сегодняшних дней, когда четко сформулированы идеи женской эмансипации.

1.3. Гендер в зеркале немецких анекдотов

В настоящем разделе мы обращаемся к тексту анекдота как специфическому явлению народного творчества, своего рода фольклорному тексту смеховой культуры — его художественная ценность определяется способностью вызвать улыбку или смех, даже если это «смех сквозь слезы» [Каган 1002: 6]. Но анекдот при всей его внешней комичности внутренне серьезен. Ведь в нем отражается не случайное событие, а прецедент, калейдоскоп наблюдений, он является зеркалом морали, системы ценностей народа, рассказывающего его, общественного самосознания в целом. Несколько анекдотических строк могут рассказать нам о проблемах общества больше, чем иные научные труды, за представленным в анекдоте юмористическим восприятием жизни стоит, как правило, весьма далекое от веселья эмоциональное состояние, порождаемое неоднозначным (порой драматичным!) решением вопроса гендерных ролей и семейных отношений. Гендерная проблематика представлена в большой серии юмористически осмысляющих существующее положение дел, а по сути своей весьма грустных, анекдотов, к рассмотрению которых мы приступаем далее*.

Женщины в немецких анекдотах

Анекдоты о женщинах представляют в первую очередь жизненную позицию мужчин и существующее стереотипное отношение к женщинам, которые уже давно ничем не отличаются от представителей так называемого сильного пола: они богаты и ездят на дорогих и быстрых автомобилях, они властны и жестоки в карьерной борьбе, они покоряют космос и играют в футбол, они ведут войны и создают историю — очевидно, что положение и отношения полов кардинально

* Материалом для анализа послужили пятьсот анекдотов категории *Frauenwitze* / анекдоты о женщинах и пятьсот двадцать анекдотов категории *Männerwitze* / анекдоты о мужчинах, размещенные на специальных страницах сети Интернет (см. Источники языкового материала).

меняются на наших глазах. Но такое развитие, вероятно, опять не совсем то, что ожидали женщины, начиная борьбу за эмансипацию. Они получили равные права с мужчинами, но побочным эффектом стало появление категории женоподобных мужчин, не умеющих и не желающих принимать серьезные решения, слабых, недееспособных. Представители вот такой гендерной категории сидят вечерами перед телевизором, смотрят на женщин-менеджеров, женщин-президентов и премьер-министров и с тоской рассуждают о том времени, когда все было наоборот и женщина была там, где ей положено быть — на кухне. Поэтому большинство анекдотов пронизаны мизогинистским отношением к женщине, роль женщины в них редуцирована зачастую до инструмента удовлетворения физиологических потребностей, некоего аналога резиновой куклы — без индивидуальности, без имени и возраста, просто женщины-самки. Анекдоты на эту тему грубы и вульгарны, они без стеснения называют процессуальные подробности: *Frauen sind wie Schrotflinten! Man kann sie umknicken und von hinten laden!*; *Frauen sind wie Steckdosen! Wenn du in das falsche Loch kommst, bist du im Arsch!*

Добыв социальную (и вместе с ней сексуальную) свободу, женщина перестала подчиняться мужчинам, она превратилась в «кошку, которая гуляет сама по себе». Этот факт создает мужчинам массу неприятностей, в первую очередь, морально-нравственных: наиболее часто встречающийся в анекдотах образ женщины — распутница, неверная жена, изменяющая супругу при каждом удобном случае: — *Wann nennt eine Mutter ihr Kind GABRIELE? — Wenn sie nicht mehr weiß, ob es vom GAsmann, BRiefträger oder ELEktriker ist.*

Тема супружеской измены совсем не нова, она поднималась еще в средневековых анекдотах — шванках. Смех над обманутым мужем был своего рода психологическим вентилем в обществе, в котором браки заключались не по любви, а на основе конвенций, по договору. Понятно, что там, где нормой является моногамия, сатира рождается при нарушении ее правил. Логично, что рога носец был объектом насмешек, но основной интерес касался все-таки жены, ее измена была важнее, чем измена мужа, поскольку она встречалась реже и не разумелась

сама собой. Причина такой социальной асимметрии кроется в общественном устройстве, ведь в патриархальном мире жена находилась под покровительством мужа, являлась, так сказать, его собственностью. А женатый мужчина, изменяя жене с незамужней женщиной, не нарушал права собственности. Прошло много столетий, сменилось много поколений, но отношение к женщине осталось во многом прежним — измена мужу и сегодня подвергается значительно большему осуждению, чем мужское приключение на стороне.

С другой стороны, в анекдотах представлен образ замужней женщины, для которой интимные отношения не представляют интереса, — она озабочена скорее домашним хозяйством: — *Was denkt ein 18-jähriges Mädchen, eine Nutte und eine Ehefrau beim Sex? — Die 18-jährige: „Hoffentlich bekomme ich kein Kind!“, die Nutte: „Hoffentlich zahlt er gut!“, die Ehefrau: „Die Decke sollte auch mal wieder gestrichen werden!“*. Для того чтобы избежать тяжелой обязанности исполнять супружеский долг, женщина придумывает причины, самой тривиальной из которых является мнимая головная боль, ставшая притчей во языцах. Она является неким эвфемизмом, почти клишированной формулой отказа. Безусловно, обе стороны хорошо понимают, в чем дело. Мужчин выводит из себя не только сам факт саботирования женщиной своих обязанностей, но еще и нежелание приложить усилия для придумывания какой-то более реальной причины, это возмущение выливается в сарказм анекдота: *Ein Ehepaar besucht den Zoo. Plötzlich greift ein Gorillamännchen durchs Gitter, zieht die Frau in den Käfig, reißt ihr die Kleider vom Leib und will sich über sie hermachen. „Was soll ich tun?“, schreit sie in höchster Not. Da brummt ihr Mann: „Sag ihm wie üblich, du hättest Kopfschmerzen!“*. Мужчина в этом анекдоте выступает триумфатором, он нашел, наконец, возможность отомстить жене за ее «некооперативность». Но, к счастью, среди мужской братии встречаются и более находчивые представители, которые вместо того, чтобы злобно наблюдать за унижением жены, ищут варианты и добиваются таки своего не мытьем, так катаньем: *Der Ehemann weckt seine Frau mitten in der Nacht: „Liebling, hier Deine Kopfschmerztablette“. Darauf sie: „Aber ich hab doch gar keine Kopfschmerzen“. Mann: „Na, dann...“*.

При таком повороте событий женщина вынуждена подчиниться требованию супруга. Но ситуация в целом все равно складывается не в его пользу: принуждение не рождает желание, жена не проявляет большой интимной активности, продолжая дремать или думать о неотложных делах (что же время попусту терять!). Такое положение дел мужчинам тоже не по душе, и вот анекдот: *Treffen sich zwei Freunde. Sagt der eine: — Du, ich glaube, meine Frau ist tot. — Ach was, wie kommst du denn darauf, fragt der andere. — Naja, sagt der erste, im Bett ist alles so wie immer, aber die Küche sieht aus wie Sau.*

Таким образом, налицо амбивалентность женского образа в анекдотах. С одной стороны, она грех во плоти, не упускающая случая «сходить налево», с другой стороны, глыба льда, никак не реагирующая на тщетные усилия супруга «разбудить» ее. И в этой амбивалентности четко вырисовываются характеристики, ценимые мужчинами в противоположном поле: сексуальная свобода и умение доставить наслаждение, но и верность жены, ее привязанность к дому и преклонение перед «самым-самым» — своим супругом.

Следующая по величине группа анекдотов высмеивает умственные способности женщины. В роли иронического насмешника опять выступает мужчина, который никак не может определиться в своих пристрастиях и предубеждениях: с одной стороны, темой анекдотов является ограниченность женского ума, которая в целом представляется нормой, *locus communis*, с другой стороны, сарказм мужчин направлен на умных, эмансипированных женщин, занятых своей карьерой.

Женщина глупа по определению, от природы, считают авторы анекдотов (— *Warum sagt man nicht dumme Frau? — Man sagt ja auch nicht tote Leiche*). Или по-другому: она умна там, где мужчинам хочется, чтобы она была умной (кухня, стирка, уборка и прочая проза). В других областях жизни она несостоятельна и противопоставляется, естественно, сильному и умному, ему — мужчине. Умная женщина подобна снежному человеку: о нем говорят, что он, возможно, существует, но никто его не видел: — *Was ist der Unterschied zwischen einer intelligenten Frau und Yeti? — Yeti hat man schon mal gesehen*. Любимым приемом анекдотов является обыгрывание идеи о полном отсутствии мозговой

массы в голове женщины, в таких текстах мужчины в полной мере проявляют свои творческие способности: — *Was ist der Unterschied zwischen einer Frau und einer Chappi-Dose? — Chappi gibt es jetzt auch mit Hirn; — Was ist schwerer zu bauen, ein weiblicher oder ein männlicher Schneemann? — Ein weiblicher, denn da muss man den Kopf aushöhlen!*

Считается, что женщина не может обладать красотой и умом одновременно, возможность объединения обоих качеств в одной представительнице женского пола — миф. Только мужчины, по мнению анекдотистов, способны быть по-чеховски прекрасными («и лицо, и одежда, и душа, и мысли»): — *Warum können Frauen nicht hübsch und gleichzeitig intelligent sein? — Dann wären sie ja Männer!*

Наиболее показательными анекдотами этой категории являются всем известные анекдоты о блондинках, в которых они изображаются особами с чрезвычайно ограниченным кругом интересов и низким уровнем интеллектуального развития: — *Was sieht man, wenn man einer Blondine tief in die Augen sieht? — Die Rückwand vom Kopf.* Такой вот тотальный «блондинизм», история возникновения и причины которого являются вот уже несколько лет предметом изучения социологов и психологов. Блондинки совершают глупые и нелогичные поступки: — *Was macht eine Blondine mit heißem Wasser? — Einfrieren! Heißes Wasser kann man immer brauchen.* Они неспособны сообразить, что означает надпись на входе в кинотеатр: — *Warum lädt die Blondine immer eine ganze Gruppe von Leuten ein, um sich einen Film anzuschauen? — Es heißt doch: „Freigegeben ab 18!“.* Ограниченный интеллект блондинок делает их наивными, по-детски воспринимающими жизнь «здесь и сейчас»: — *Warum macht eine Blondine ihren Pudding schon im Laden auf? — Weil auf dem Deckel steht: hier öffnen; — Warum geht eine Blondine in der Dusche hin und her? — Weil auf der Verpackung steht: Wash & Go.* Но как и предполагалось, не обладающие вселенским умом женщины-блондинки имеют то, что ценится мужчинами больше всего, — огромный эротический потенциал, в анекдотах они представляются центром мужских устремлений и искусными жрицами любви: — *Woher weiß man, dass eine Blondine im Büro arbeitet? — Ein Bett im Büro, und alle Bosse lächeln; — Wie nennt man eine 1,20 m große Blondine? — Standgebläse.*

С блондинками все понятно. Но, как уже было сказано, и умная женщина не привлекает мужчин, она является для них приговором, поскольку несет как знамя стремление к независимости, эмансипацию. *Emanze* — придуманное для нее пейоративное обозначение. Правда, следует оговориться, что это слово употребляется в отношении к женщине, которая хотя изображает себя свободной и выполняет традиционно мужские функции, но действует тем не менее вразрез с действительными лозунгами эмансипации. Типичные эмансипе демонстративно подчеркивают свое освобождение от подчинения мужчинам, но их заверения имеют нечто поверхностное и иррациональное, не касающееся сути дела, они «врачуют» только внешние проявления болезни, о сути они, по-видимому, не имеют ни малейшего понятия. Поэтому поэт Фриц Ройтер использовал по отношению к женщинам такого типа слово эмансипуляция (эмансипация + манипуляция). Проявление эмансипуляции как, например, настаивание на формах женского пола при названиях профессий как гендерная ревальвация тоже является темой анекдотов: *Sitzen zwei Emanzen am Frühstückstisch. Sagt die eine: „Reich mir doch mal bitte die Salzstreuierin“.*

Современная женщина, с головой ушедшая в работу, обвиняется в том, что она как будто бы забывает о своей главной роли — роли жены и матери. В анекдотах отражается горячее желание мужского населения вернуть жену из офисов и правительственных зданий на кухню: *Frauen an den Herd, Emanzen in den Herd.* Такая своего рода тоска по маскулинно-ориентированному укладу общества, где он — мужчина — был бы царем и богом, центром мироздания. Женщине предписывается работа у плиты, она не должна иметь увлечения за пределами кухни: — *Wieso können Frauen nicht Skifahren? — In der Küche schneit ja nicht.* Кухонное «рабство» налицо, анекдоты актуализируют образ женщины, прикованной цепями к своему рабочему месту: — *Was ist die Ursache, wenn die Hausfrau im Wohnzimmer Fernsehen guckt? — Dann ist die Kette aus der Küche zu lang!* Как видим, ей не положены даже маленькие радости, такие как телевизор, женщина имеет право только на короткую прогулку из кухни в спальню для исполнения супружеского долга и обратно: — *Warum brauchen Frauen keinen*

Regenschirm? — Schon mal gehört, dass es zwischen Küche und Schlafzimmer regnet? И даже факт нахождения женщины на космическом корабле ничего не меняет в ее социальном положении: — *Was machen Frauen im Raumschiff? — Putzen.*

Среди анекдотов данной категории встречается немало однотипных анекдотов, показывающих женщин с негативной стороны — как плохих хозяек — в них высмеивается нежелание или неумение современных женщин заниматься домашним хозяйством: — *Was passiert wenn man eine Granate in die Küche wirft? — Das Chaos bleibt, aber das Meckern ist weg.* Но проблема, вероятно, не только в нежелании жен заниматься домом и семьей. Женщины сегодня вообще не считают нужным обременять себя брачными узами (расхожая поговорка «Хорошую вещь браком не назовут»), они легко могут организовать свою жизнь без каких бы то ни было обязательств перед партнером: *40% der Frauen heiraten nicht mehr! Endlich haben sie begriffen, dass es sich für ein Stück Wurst nicht lohnt, das ganze Schwein zu nehmen!* И конечно, они легко расстанутся с наскучившим мужем, «использованным» и не представляющим больше никакого интереса: *Sagt ein Mann zu seiner Frau: „Ich mache dich zur glücklichsten Frau der Welt“. Sagt sie: „Ich werde dich vermissen“.*

С другой стороны, в анекдотах отражается недовольство меркантильностью и излишней прагматичностью тех женщин, жизненная цель которых заключается в выгодном замужестве (безбедная жизнь, отсутствие необходимости работать, блистание в высшем свете), которое наиболее привлекательно, если есть возможность вскоре стать богатой вдовой: — *Treffen sich zwei Freundinnen nach vielen Jahren wieder. Sagt die eine zur anderen: „Na hast du geheiratet?“ „Ja, sagt die Andere und Du?“ „Ich habe den Mann mit den Idealmaßen 80/60/42 für mich gefunden“. Die andere schaut etwas unwissend und wird daraufhin aufgeklärt: „Mein Mann ist 80 Jahre alt, hat 60 Millionen auf der Bank und 42 Grad Fieber“.*

Вызывают сочувствие мужчины — герои анекдотов, женатые на особах, способных извратить и вывернуть наизнанку даже самое положительное: *Er: Du bist mein Goldfischlein! Sie (nachdenklich): Goldfisch...*

Goldfisch ist ein Fisch, der Fisch ist ein Hai, der Hai ist ein Raubtier, ein Raubtier ist der Wolf, ein Wolf ist doch ein Hund, ein Hund ist eine Hündin, eine Hündin ist... ...Leute! Er hat mich 'ne läufige Hündin genannt!!! Приведенный анекдот «в самую точку» характеризует суть этой специфической категории женщин, капризных, сосредоточенных на себе, уверенных в своей неотразимости. Показанный в анекдоте пример ни на чем не основанного домысливания сказанного есть средство наступления на партнера, здесь важны скорость и напор. Важно вызвать раскаяние мужчины, ему ни в коем случае нельзя давать опомниться и сообразить, что, собственно, происходит. Его «рыбка» бьется в истерике, тут уже не до разбирательств, что он сказал и как. Чтобы исключить развитие ссоры, он готов на все. И тогда в гардеробе женщины появляется очередная обнова или ее шкатулка с драгоценностями пополняется еще одной блестящей штучкой. Примечательно, что такие капризы и нахождение неинтенциональных смыслов в безобидных высказываниях партнера встречаются, скорее всего, в ситуациях слепого обожания мужчиной своей жены, женщины умело умеют пользоваться мужскими слабостями.

Особая фигура в анекдотах — теща, злобный элемент, этакий сержант в юбке. Она безапелляционно отдает приказы, любое нарушение установленной ей дисциплины карается со всей строгостью: *Ein Kollege fragt: — Woher hast du das blaue Auge? — Ach, als wir gestern beim Tischgebet „...und erlöse uns von dem Übel“ gebetet haben, habe ich zufällig meine Schwiegermutter angeguckt.* Поэтому теща рассматривается как наказание: *Beim Examen wird der Jurist gefragt: „Was ist die Höchststrafe für Bigamie?“ — „Zwei Schwiegermütter...“* И самое лучшее средство от доставляемых тещей неприятностей — автомат: — *Was machst du, wenn deine Schwiegermutter wankend auf dich zukommt? — Hand ruhig halten, nachladen und nochmal schießen.*

Таков стереотип замужней женщины в немецких анекдотах: бесхозяйственная, но руководящая своим мужем, упрямая, капризная и глупая (— *Warum nennen die Männer ihre Frauen so oft „Schatzi“? — Weil sie sich nicht entscheiden können, ob sie Schaf oder Ziege sagen sollen*), не представляющая сексуального интереса (— *Warum werden Männer*

so dick, wenn sie verheiratet sind? — Der Junggeselle kommt abends nach Hause, geht an den Kühlschrank, nichts Anständiges drin, dann geht er ins Bett. Der Ehemann kommt abends nach Hause, geht ins Bett, nichts Anständiges drin, dann geht er an den Kühlschrank), со скверным характером, относящим ее к категории тех, кто летает на метле (Der Ehemann kommt spätnachts angetrunken nach Hause. Seine Frau erwartet ihn schon mit dem Besen hinter der Tür. Als er sie sieht fragt er: „Kehrst du gerade zusammen oder willst du gerade wegfliegen?“).

Если представить себе такую жену, то понятна логика огромного количества анекдотов о браке как о страшном наказании мужчины, по сравнению с которым военный плен кажется приятным отпуском: *Zur goldenen Hochzeit wird ein Mann gefragt: Was waren die schönsten Jahre in Ihrer Ehe? — Antwort: Die fünf Jahre russischer Kriegsgefangenschaft.*

Говорят, что мужчина любит глазами. Правильность этого утверждения доказывается наличием анекдотов, высмеивающих непривлекательных, с мужской точки зрения, женщин, обладающих избыточным весом: *Fragt eine ganz dicke Frau den Spiegel: Spieglein, Spieglein an der Wand, wer ist die schönste im ganzen Land? Da sagt der Spiegel: Geh mal zur Seite, ich kann nichts sehen!; Eine sehr dicke Frau geht gerade noch so bei Grün über die Ampel, wird jedoch beinahe von einem Lastwagen angefahren. Regt sie sich auf: „Können Sie nicht um mich herumfahren?!“ Ein dürres Männlein kurbelt die Scheibe des LKW herunter: „Nein, sonst wäre mein Tank leer!“ Мужчины не нравятся и чрезмерное увлечение женщин своей внешностью, макияжем: *Entsetztes Aufkreischen der Ehefrau: „Oh Mein Gott, die Waage zeigt schon wieder zwei Kilo mehr an!“ Ehemann: „Aber so beruhige dich doch Liebling, du bist ja noch gar nicht abgescminkt“.**

Что еще не нравится мужчинам? Они считают, что женщины чрезмерно болтливы, они много говорят, по поводу и без повода: *Fritz hat mal 2 Jahre nicht mit seiner Frau gesprochen. Er wollte sie nicht unterbrechen!; Die Männer würden den Frauen gern das letzte Wort lassen wenn sie sicher sein könnten, dass es wirklich das letzte ist.* Они ведут бесконечные разговоры с подругами по телефону: *Die meisten Frauen nehmen nur beim Telefonieren ab.* О чем говорят женщины? Содержание их разго-

воров — сплетни без конца и начала: — *Drei Männer sind auf einer einsamen Insel, über was reden sie? — Sport, Auto, Frauen. — Drei Frauen sind auf einer einsamen Insel, über was reden sie? — Zwei Frauen schließen sich zusammen und quatschen über die Dritte!*

Мужчины смеются над неспособностью женщины быть пунктуальной (*Nicht die Männer kommen zu schnell, die Frauen sind zu langsam*), над нечестностью женщин, их умением обвести бедного доверчивого мужчину вокруг пальца (— *Was hat eine Frau und einem Wirbelsturm gemeinsam? — Erst wird ein bisschen geblasen, dann ist das Haus weg!*), над неумением женщин водить машину и парковаться (— *Was erklärt man einer Frau wenn sie 10 Jahre ohne Unfall gefahren ist? — Wie man den 2 Gang eingibt; — Wenn Gott gewollt hätte, dass Frauen Auto fahren, hätte er ihnen Gehirn gegeben!; Er: „Wo hast Du unser Auto geparkt?“ Sie: „An der Ruine unseres Gartenhauses“.* Er: „Ruine? Das war aber vorhin doch noch ganz“. Sie: „Mag sein. Aber inzwischen habe ich dort geparkt“.), смеются над отсутствием чувства юмора (*Warum können Frauen keine Witze reißen? — Hast du schon mal ein Biest mit Humor gesehen?*).

За все прегрешения женщин им придумано справедливое наказание, которое они должны терпеть и принимать как должное, заслуженное: — *Warum bluten Frauen einmal im Monat? — Weil sie es nicht anders verdient haben!*

Таков портрет современной женщины, нарисованный неудовлетворенными, недовольными своим положением мужчинами. За образами высмеиваемых блондинок и эмансипе совершенно очевидно просматривается мужская мечта о женщине, сексуально свободной, но не распущенной и хранящей мужу верность; в меру образованной, но не сконцентрированной только на своей карьере; уважающей и понимающей мужа, мягкой; хозяйственной, бережливой; заботливой, сосредоточенной на семье и муже, но не «женщине-посудомойке», вечно торчашей на кухне; внешне привлекательной, с красивой фигурой, красивой естественной красотой; не болтушке и не сплетнице; умеющей водить и правильно парковать машину. Положительный, соответствующий разумным требованиям образ женщины.

Содержание анекдотов о женщинах свидетельствует, однако, о несопадении желаемого и реального. С одной стороны, грустно становится при мысли о плачущих и смиренно терпящих побои мужчинах и гордо попирающих их новых амазонках. С другой стороны, понимаешь, что увеличение степени свободы «осмеливающихся» женщин способствует их становлению, позволяет им не страдать от ограничений и социальных предрассудков. И тогда становится понятной важность гендерных анекдотов о женщинах, по-своему способствующих формированию рефлексивной позиции каждой женщины по отношению к жизни в целом, к семье и мужу в частности.

Мужчины в немецких анекдотах

Пока мужчины все еще развлекаются очередным пересказом скабрзностей о глупых блондинках и супруге со скалкой, все реже вызывающих смех окружающих, современная женщина находчиво парирует глупые шутки. Она самоуверенна и не боится больше ни жесткого сарказма мужчин, ни самоиронии. Женским темам в анекдоте (свекровь и блондинка) нет мужского соответствия, поэтому женщинам приходится быть изобретательными. Обзор «мужских» тем, над которыми смеются немецкие женщины, дает нам возможность познакомиться с творческими возможностями современного прекрасного (сильного!) пола и «нарисовать» портрет отвергаемого мужчины и далее на его основе, методом «от обратного», образ мужчины, которого женщины хотели бы видеть рядом с собой.

Наиболее многочисленная группа немецких анекдотов о мужчинах касается их умственных способностей (29% отобранного для анализа материала). Они совершенно очевидно созданы эмансипированными женщинами, которые, мягко говоря, не очень высокого мнения об этом аспекте личности противоположного пола. В этих анекдотах невежество мужчин противопоставляется интеллекту женщин (— *Warum lieben intelligente Frauen Männer? — Weil Gegensätze sich anziehen*), в них обсуждается скудость мужского ума (— *Wie nennt man einen Mann*

mit einem IQ von 50? — Begnadet!; — Was ist das kleinste Gefängnis der Welt? — Das Gehirn eines Mannes. Es hat nur zwei Zellen; — Woran stirbt der intelligente Gedanke eines Mannes? — An Einsamkeit!) или его полное отсутствие (— *Warum haben Männer einen Kopf? — Damit sie das Stroh nicht in der Hand tragen müssen!*). Мужчины теряют способность трезво мыслить, потеряв супругу (— *Wie nennt man einen Mann, der 90% seiner Denkfähigkeit verloren hat? — Einen Witwer*), но это и понятно, поскольку жена подобна начальнику генерального штаба, она должна все учесть, все просчитать наперед, все успеть.

Женщины не только более сообразительны от природы, они, согласно анекдотам, еще и лучше образованы (— *Was ist ein Mann zwischen zwei Frauen? — Eine Bildungslücke*). Ну и разумеется, еще одна важная характеристика, высмеиваемая женщинами, — факт, что мужчина часто думает совсем не головой, а другой частью тела. Вот один из замечательных анекдотов на эту тему:

Eine einsame kleine graue Zelle kommt in das Gehirn eines Mannes. Dort ist es stockfinster und grabesstill. Die kleine Zelle ruft „Huhuu, ist denn hier niemand?“ Es antwortet niemand. Die kleine Zelle ruft wieder „Huhuuuuuu, hört mich denn keiner?“ Wieder keine Antwort. Da kommt eine andere kleine Zelle vorbei und fragt: „Was machst du denn hier so ganz alleine, komm doch mit, wir sind alle unten“.

Следующий анекдот менее иносказателен, он называет вещи своими именами: — *Wie nennt Frau einen Mann, dem 99% seines Gehirns amputiert wurden? — Eunuch*. Такой ориентированный на животный инстинкт образ мышления отличает мужчин от женщин, обладающих здравым умом, как считают авторы анекдотов: — *Warum haben Frauen keinen Schwanz? — Weil sie ihr Hirn im Kopf haben*.

Кстати, о сексе. Это исключительно важная тема анекдотов о мужчинах. Казалось бы, здесь мужчина должен быть героем. Но нет, женщине опять приходится самой организовывать свою интимную жизнь, поскольку мужчина в анекдотах (типичный!?) либо не заинтересован в сексе, либо неспособен по разным причинам исполнять супружеский долг. Женщины возмущены эгоизмом мужчин в интимных делах, их нацеленностью только на собственное *Ego* (— *Wie beruhigt ein Mann*

seine Freundin, die ängstlich wird, als sie zum ersten Mal miteinander ins Bett gehen? — „Keine Sorge, Schatz, es dauert höchstens eine Minute“). В анекдотах высмеивается половое бессилие мужчин, эта тема поднимается сексуально неудовлетворенными супругами, как правило, немолодого возраста: — *Warum schwitzen Männer ab 50 zwischen dem ersten und zweiten Geschlechtsakt immer so? — Weil der Sommer dazwischen liegt!* Мужчинам кажется, что все причины их сексуальных неудач на семейном фронте кроются в привычке к жене, ее предсказуемостью, отсутствием в ней интриги. Они жаждут приключений, притока адреналина в кровь. И когда они готовы отправиться на поиск новых впечатлений (*Die Ehefrau sieht ihren Mann die Koffer packen und fragt ihn, was das denn solle. Sagt der Mann: „Ich habe gelesen, dass Mann auf einer Insel im Indischen Ozean für jedes Mal Sex mit einer Frau 25 EURO bekommt. Da fliege ich jetzt hin“*), здравомыслящие женщины опускают их на землю, реально оценивая их потенциальные возможности как химеру (продолжение анекдота: *Die Ehefrau fängt an, ebenfalls einen Koffer zu packen. Fragt der Mann, was das nun solle. Sagt die Frau: „Ich komme mit. Ich möchte zu gern sehen, wie DU mit 25 EURO im Monat auskommst“*).

Неудовлетворенная женщина не ждет, когда, наконец, супруг сочтет возможным / необходимым обратить свое внимание на нее и ее физиологические потребности. Темой большой группы анекдотов (15%) является измена жены, которая, вероятно, решила пойти мичуринским путем («Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача»). Пример: *Der Ehemann kommt nach Hause und findet seine Frau mit seinem besten Freund im Bett. „Was macht Ihr denn da?“ brüllt er. „Siehst du“, sagt sie zu ihrem Liebhaber, „ich habe dir doch gesagt, dass er blöd ist“*. В приведенном анекдоте жена не только не сожалеет об измене, она не скрывает своего пренебрежительного отношения к супругу, открыто, в его присутствии заявляя о его умственной несостоятельности. Такое нескрываемое уничижение — тоже факт нового «обертона» женского образа: женщина не считает больше нужным скрывать свои любовные связи на стороне (ср.: *Er: Schatz, warum lässt Du mich nicht spüren, wenn Du einen Orgasmus bekommst? Sie: Weil Du nie dabei bist* или *Ein Mann sagt zu seiner Frau: „Ich wette, Du schaffst es nicht, einen*

Satz zu sagen, der mich gleichzeitig fröhlich und traurig werden lässt!“ Die Frau antwortet wie aus der Pistole geschossen: „Schatz, du hast den größten Penis der ganzen Nachbarschaft!“). В этом факте отражаются произошедшие в последние десятилетия изменения социального положения женщины — она больше не зависит от мужчины материально, она успешна в профессии. Даже детей она может родить без помощи мужчин. Что же говорить о свободе ее сексуальных отношений!

Но есть и другая группа анекдотов (скорее малочисленная, всего 5%), героем которых является мужчина-мачо со всеми его атрибутами, сосредоточенный на сексуальном покорении прекрасного пола, романтика и представление о любви у которого ограничивается постелью: — *Was ist die männliche Definition eines romantischen Abends? — Sex; — Was nennt ein Mann wahre Liebe? — Eine Erektion*. В этом и подобных анекдотах говорит все та же неудовлетворенная женщина, но это неудовлетворенность другого рода (отчасти спровоцированная эмансипированностью самих женщин) — это тоска по почти ушедшим в лету временам романтических встреч и робких поцелуев, когда первое знакомство не вело напрямую в спальню, когда действующие лица любовной игры ждали встреч, вздрагивали от прикосновений и краснели только при мысли о физическом наслаждении друг другом.

Только несколько приведенных примеров анекдотов об отношении мужчин к сексу свидетельствуют о представлении женщин об идеальном партнере — умном, образованном, хорошо воспитанном, достойном человеке, мозг которого располагается там, где ему положено быть, с одной стороны, и романтичным, внимательным к настроению женщины, всегда готовом к исполнению супружеского долга, с другой стороны (*Wie nennt man einen gutaussehenden, intelligenten und sensiblen Mann? — Ein Gerücht!*).

Мужчины не любят и не умеют вести домашнее хозяйство (готовить, убирать, стирать и т.д.), оказывать жене помощь по дому, констатируют анекдоты, составляющие 10% от общего количества проанализированных. Это совсем не вызывающая удивления особенность представителей мужского пола, она является следствием некоррект-

ной гендерной социализации детей и подростков, которым изначально прививаются полярные социальные роли, представления о гендерном разделении труда. В результате мужчины либо просто неспособны сделать что-либо полезное (*— Warum kochen Männer nicht? — Es wurde noch kein Steak erfunden, was in den Toaster passt; Wir versuchen, ihn von der Küche fernzuhalten. Das letzte Mal, als er gekocht hat, hat er den Salat anbrennen lassen*), либо не хотят хоть как-то проявиться в этом отношении: *— Wenn ein Mann einen Stapel Teller in einer Stunde abwaschen kann, wie viele Stapel Teller können 4 Männer in 2 Stunden abwaschen? — Keinen. Sie setzen sich zusammen und schauen sich im Fernsehen Fußball an.* Мужчина в анекдотах ленив, главное место его дислокации — диван, его основной инструмент — пульт от телевизора, все остальные приборы остаются вне его компетенции и желания: *— Warum machen Männer keine Wäsche? — Weil die Waschmaschine und der Trockner nicht mit der Fernbedienung funktionieren.* Такой анекдотический образ мужчины нарисован «многорукими» женщинами-домохозяйками, все еще живущими по правилам домостроя, на плечах которых кухня, дети и сам муж, которого нужно обстирать, накормить, напоить и пр. Она выполняет возложенные на нее обязанности честно и беспрекословно, но выливает свое недовольство в таких историях-анекдотах, являющихся для нее своего рода катарсическим вентилем.

В жестком современном мире с перераспределением функций между мужчиной и женщиной (женщина все чаще является «кормилицей», осуществляющей общее руководство в семье, но продолжающей при этом исполнять семейно-бытовые обязанности) умение добиваться своих целей имеет первостепенное значение. Для успешной женщины ценность лежащего на диване мужа из анекдота приравнивается к ценности тряпки: *Kleines Mädchen in der Badewanne: „Mami, wo ist denn der Waschlappen?“ Mami: „Der ist nur schnell Zigaretten kaufen!“*; он презрительно награждается самыми нелюбимыми обозначениями: *Was macht die Frau morgens mit ihrem Arsch? — Sie schmiert ihm ein Brot und schickt ihn zur Arbeit.* Перед глазами возникает образ мужчины в майке и в трико с «пузырями» на коленях, «разговаривающего с телевизором». Иначе говоря, мужчина абсолютно бесполезен

(7% анекдотов): *— Was ist der Unterschied zwischen einem Mann und einem Q? — Da gibt es keinen! Männer sind auch Nullen mit einem Schwänzchen.* Он сравнивается с подержанной вещью, доступной, дешевой, но ненадежной: *— Was haben ein Mann und ein Gebrauchtwagen gemeinsam? — Beide sind leicht zu kriegen, billig und unzuverlässig.* Отношение женщины к такому «сокровищу» соответственное — она не дорожит им, легко может от него отказаться при первом удобном случае: *Die Frau rennt ins Haus, schmeißt die Türe hinter sich zu und schreit: „Liebling, pack Deine Sachen, ich habe im Lotto gewonnen!“ Der Ehemann: „Großartig! Soll ich fürs Meer oder fürs Gebirge packen?“ Die Ehefrau: „Ist mir wurscht. Verschwinde nur so schnell wie möglich!“*

У женщин есть и другие причины пренебрежительного отношения к представителям противоположного пола, об этом они говорят в анекдотах: мужчины беспомощны, они не могут сами о себе позаботиться и поэтому зависимы от супруги (*— Was weißt du sofort über einen gut gekleideten Mann? — Seine Frau ist gut im Aussuchen von Kleidern*), они неряшливы (*— Wie sortieren Männer ihre Wäsche? — In zwei Stapeln: „Dreckig“ und „Dreckig, aber tragbar“*). Всем знакомы особые отношения мужчин и их носков, почему-то всегда оказывающихся не там, где им положено быть: *— Wo findet man die größte Auswahl an Männersocken? — Auf dem Schlafzimerboden.*

Авторы антимаскулинных анекдотов считают также, что мужчины бесчувственны (*— Warum zeigen Männer so selten ihre wahren Gefühle? — Sie haben keine*), они не уважают женщин и не умеют с ними обращаться (*— Wann gilt ein Mann heute schon als Gentleman? — Wenn er beim Küssen die Zigarette aus dem Mund nimmt!*), неспособны быть приятными собеседниками (*— Was ist der Unterschied zwischen einem Mann und einem Papagei? — Dem Papagei kann man beibringen, nette Sachen zu sagen*). И при всем при этом они самоуверенны (15% *der Männer glauben, ihr Penis sei zu kurz. Die übrigen 85% denken, dass mit dem Lineal irgendwas nicht stimmt*) и не выносят критики, особенно касающейся их мужского достоинства (*— Warum heiraten Männer am liebsten eine Jungfrau? — Weil Männer keine Kritik vertragen können*). Изменить мужчин, привить им приличные манеры не представляется

возможным (— *Was haben Männer und das Wetter gemeinsam? — Es ist nicht möglich, sie zu ändern*).

А как выглядят мужчины? 3,3% анекдотов высмеивают плохую спортивную форму мужчины, т.е. его лишний вес и «пивное брюхо»: — *Was ist der Unterschied zwischen einem Ehemann und einem Liebhaber? — Etwa 30 kg; Bierbauch: die männliche Scheinschwangerschaft!* Совершенно очевидно, что измена такому непривлекательному мужчине не может рассматриваться в качестве чего-то предосудительного.

Само существование категории анекдотов о мужчинах с пивным брюхом говорит о недовольстве женщины такой увлеченностью пивом, которая порой превращает супруга в животное: — *Was ist der Unterschied zwischen Männern und Schweinen? — Schweine verwandeln sich nicht in Männer, wenn sie betrunken sind*. Сосредоточенный на алкоголе мужчина теряет последнюю способность трезво соображать (— *Wie stellst Du fest, dass Du Dich mit einem wirklich dummen Mann zum Essen verabredest hast? — Er überlegt, welcher Wein zum Bier passt*) и интерес к чему бы то ни было, кроме иллюстрированных журналов и пива: — *Was versteht ein Mann unter einem 7-Gänge-Menü? — Ein Sixpack Bier und die Bildzeitung oder Ein Sixpack Bier und einen Hot-Dog*.

Злые женские языки не упускают возможность в анекдотах о внешности мужчины уколоть их еще раз указанием на их сексуальную недееспособность (которая неувидительна при образе жизни «телевизор — диван — пиво»): — *Warum haben viele Männer einen Bierbauch? — Damit der arbeitslose Zwerg wenigstens ein Dach über'm Kopf hat*. И опять грубое сравнение мужчин с тем, на чем мы обычно сидим: — *Warum wachsen den Männern Bärte? — Damit man das Gesicht vom Arsch unterscheiden kann*.

Что еще возмущает женщин? Любовь мужчин к своему автомобилю, которому он, судя по анекдотам, уделяет больше внимания, чем женщине: — *Warum finden Männer Frauen in Lack, Leder und Gummi so erregend? — Die riechen wie ein neues Auto!*

Наконец, еще одна группа анекдотов (4%), отличающаяся от предыдущих уже тем, что авторами саркастических замечаний здесь являются, скорее, сами мужчины. Это анекдоты о нетрадиционной сексуальной

ориентации у мужчин, т.е. о гомосексуализме. Грубые наименования их главных героев — *Homo, Schwul, Schwuler* — свидетельствуют о неприятии этого типа отношений мужчинами. Свидетельством тому, что эти анекдоты сочиняют мужчины, является их грубая форма и вульгарные намеки на физиологические подробности интимных отношений их героев: — *Wie viel Sperma hat ein Schwuler? — Den ganzen Arsch voll!*; — *Wie nennt man den Ex-Freund eines Schwulen???* — *Ex-Po!!!* Содержанием анекдотов этой категории часто является принуждение не очень сообразительных мужчин к гомосексуальной любви:

Alex geht in die Sauna. In der Umkleidekabine findet er einen Zettel: „Achtung, wir warnen vor Homos!“ Da ihn niemand belästigt, denkt er sich nichts dabei und beschließt, zu bleiben. An den Wänden der Duschen und an der Saunatur die gleichen Schilder, aber nichts passiert. Erleichtert betritt er die Sauna und sieht einen Zettel auf dem Boden liegen. Er bückt sich und kann gerade noch lesen: „Wir haben Sie drei Mal gewarnt!“

Таким образом, мозаика сложилась. Антипод настоящего мужчины, осмеянный в немецких анекдотах, имеет низкий уровень интеллекта, самоуверен без меры и безнравственен, в общении с представительницами противоположного пола (но не супругой!) он мыслит интимной частью тела; женившись же, он перестает интересоваться женой как женщиной, опускается внешне (пивной живот и лишний вес), не снисходит до выполнения каких бы то ни было домашних обязанностей. Он ленив, неудачлив, не способен не только сделать карьеру («тряпка»), но и просто позаботиться о себе. Он бесчувственен, лжив, скуп на комплименты, дорожит больше машиной, чем любимой женщиной. Иначе говоря, он не оправдывает ожиданий женщины, но доволен собой и не желает меняться.

Нарисованный в анекдотах портрет мужчины непривлекателен, он не может вызывать ни интереса, ни уважения. Каждая женщина, прочитав / услышав один из подобных анекдотов, «примеряет» этот образ к своему спутнику и находит (к сожалению!) сходства или (к счастью!) различия. И каждая мечтает о мужчине, в котором сочетались бы ум, хорошее образование и воспитание, достоинство. Ей хочется, чтобы он был сексуально активным, но чувствительным, чтобы он всегда был ей верным и знал границы, которые переходить нельзя. Она представ-

ляет себе мужчину «с руками», трудолюбивого, действующего, а не рассуждающего, решающего все возникающие проблемы, за которым она была бы как за каменной стеной. Мужчина должен быть стильным, стройным, привлекательным. Он должен быть готов поменять свои привычки и взгляды на жизнь ради любимой женщины, которая для него всегда стоит на первом месте.

Таков комплекс требований к представителю сильного пола, но он вряд ли может быть реализован в одном человеке, образ идеального мужчины тоже является проявлением стереотипного мышления. Мы мыслим стереотипами — вывод тривиален, но эта тривиальность подтверждает чрезвычайную важность изучения гендерных стереотипов в целом и мужского в частности. Ведь обращая более пристальное внимание на проблемы, связанные с традиционной мужской ролью, мы сможем более полно понять картину душевного здоровья мужского населения и способы его регулирования. Изучение традиционного восприятия типично мужских особенностей поможет найти корни некоторых социальных проблем, например, мужского насилия над женщинами (не секрет, что с детского возраста мальчики воспитываются в убеждении, что именно они должны быть сильными и властными, сильная женщина воспринимается как угроза мужскому началу). Изображенный в анекдотах образ мужчины является отражением гендерных изменений в обществе: сильных женщин становится все больше, изменения женской традиционной роли сопровождаются изменениями в мужской. Осознание этого факта исключительно важно для того, чтобы не поддаваться воздействию стереотипов на восприятие жизни и жизнедеятельность.

1.4. Гендерный аспект оскорблений

Данный раздел посвящен анализу гендерных репрезентаций в высказываниях инвективного характера*, нередко встречающихся в повседневном общении. Эту форму агрессии рассматривают как речевое пове-

* Языковой материал отобран методом сплошной выборки из словаря Аман [Аман 1995].

дение, негативно воздействующее на коммуникативное взаимодействие, поскольку оно всегда направлено на минимизацию и даже деструкцию языковой личности адресата, на его подчинение автору высказывания. Сравнительный анализ «мужских» и «женских» инвективных предпочтений позволит сделать вывод о существующих в обществе гендерных стереотипах.

Первый результат анализа, обращающий на себя внимание, — преобладание количества инвективных лексем в адрес мужчин (191 против 151 в адрес женщин). Кроме того, инвективы, обращенные к мужчине, встречаются почти в 7 раз чаще, чем инвективы, обращенные к женщине. Этот факт означает, что ролевые ожидания в «мужской» сфере значительно более дифференцированы и речевой акт оскорбления более релевантен для мужчин, чем для женщин: вероятно, социально гораздо важнее «развенчать», умалить значение мужчин, чем женщин.

Для реализации иллокутивной цели инвективного речевого акта говорящий должен задеть его чувство собственного достоинства, найти его слабое место и именно его сделать мишенью оскорбления. Универсальные инвективы нацелены на личность адресата в целом, они представляют собой общую отрицательную характеристику адресата: *Du Miststück, verlogene Schlange, Hexenweib!* Однако предметом оскорбления могут быть отдельные особенности, типичные для адресата, признаки, которые инвектант рассматривает как изъяны (умственные, физические) или как отклонение от его собственной «нормальности». Наш анализ позволил объединить инвективные лексемы, называющие поводы для оскорбления, в несколько тематических групп.

Самым частым поводом для оскорбления является внешность адресата, его физиологические особенности. Инвективы этой тематической группы адресованы в первую очередь женщинам (*Brett, Bügelbrett, Brillenschlange, Dampfwalze, Dickmadam, Eule, Graue Maus, Häßliches Entlein, Hippe, Mannweib, Matrone, Mauerblümchen, Pferd, Püppchen, Schlachtschiff, Spitzmaus, Tittenmonster, Tonne, Vogelscheuche* и др.), что свидетельствует о принципиальной важности этого критерия именно для женщин: существует некий женский идеал, упрек в несоответствии

которому в определенных ситуациях рассматривается как оскорбление. Однако и мужчины не совсем безразличны к внешности: набор «мужских» инвектив этой группы довольно значителен: *Dickwanst, Fettwanst, Fettsack, Fuzzi, Gartenzwerg, Halbe Portion, Halbes Hemd, Kraftprotz, Mickerling, Muskelprotz, Spargeltarzan, Wicht*).

Внутренняя структура тематической группы показывает, что у обоих полов критикуется как физическая полнота (*Dickmadam, Dickwanst, Fettwanst, Fettsack*), так и чрезмерная худоба, отсутствие привлекательных женских округлостей (*Brett, Bügelbrett, Spargeltarzan*). Интересно, что среди «женских» инвектив представлены такие метафоры, как *Dampfwalze* и *Schlachtschiff*, которые полноту женщин связывают с чем-то угрожающим. Среди «мужских» инвектив подобных метафор не встретилось.

Только «женскими» инвективами представлен критерий «внешняя безобразность» (*Häßliches Entlein, Vogelscheuche*). Если отталкиваться от этих инвектив и построить из их антонимов идеальный образ женщины, то перед нами будет не толстая и не худая женщина, не высокая и не слишком маленького роста, приятной наружности, с привлекательными формами (но не чересчур крупными: *Tittenmonster*) и без очков (*Brillenschlange*).

«Мужские» инвективы этой группы опираются на другие стереотипы. Например, характеристика «низкорослость» (типична только для мужчин, поскольку маленький рост женщин не является предметом отрицательной оценки) представлена лексемами *Gartenzwerg, Wicht*. Идеал мужчины, выводимый из анализа инвектив этой группы, — не слишком полный (*Dickwanst, Fettwanst, Fettsack*), не слишком худой (*Spargeltarzan, Schmales Handtuch*), не слишком мускулистый (*Kraftprotz, Muskelprotz*), не слишком маленького роста (*Gartenzwerg, Halbe Portion, Halbes Hemd*), приятной внешности (*Frankenstein*), имеющий определенный социальный статус (*Fuzzi*).

Второй по величине тематической группой инвектив является группа, лексемы которой обозначают чрезмерную сексуальную активность (14% инвектив в адрес женщин, 12% — в адрес мужчин: *Hure, Nutte, Pritsche, Schickse, Schnalle, Vamp, Matratze, Ficksau, Fotze, Bumsklumpen,*

Bückstück, Bitch и др. против *Bock, Ficker, Hurenbock, Stecher* и др.). Частое использование таких оскорблений в адрес женщин показывает высокую степень отрицательной оценки неразборчивости половых связей последних, можно предположить, что за этим отвержением поведенческой распушенности женщин стоит мужская потребность в верной жене, в женщине, которая принадлежит только одному мужчине.

Для мужчин критерий чрезмерной сексуальной активности как повод для оскорбления является менее релевантным, «мужские» инвективы этой группы (*Frauenheld, Lüstling, Lustmolch, Playboy, Schürzenjäger*) в определенных контекстах могут даже имплицитно означать положительную оценку. За таким употреблением стоит амбивалентное отношение к доминантности мужчин в интимной сфере, которая не только осуждается, но и одобряется. В основе этой амбивалентности лежит дифференциация по полу говорящего: если эти инвективы используются женщинами, то они имеют скорее отрицательное значение, если их использует мужчина, то он вкладывает в них положительную оценку.

В отношении женщин подобную амбивалентность мы обнаружили только в двух инвективах — лексемы *Betthäschen* и *Nymfchen* встречаются в контекстах, в которых сексуальная доступность женщин оценивается положительно, вероятно потому, что эти лексемы используются мужчинами. Большая часть инвектив этой тематической группы, используемая женщинами, является реальными оскорблениями с отрицательной оценкой соответствующего поведения.

Анализ позволил установить еще одно различие между инвективами в адрес женщин и мужчин: многие «мужские» инвективы обозначают активную сексуальную деятельность: например, лексемы *Ficker, Schürzenjäger, Stecher* образованы от глаголов, описывающих активные действия (*ficken, jagen, stechen*), слова *Frauenheld, Playboy, Weiberheld* также предполагают активность мужчин в любовной сфере. Нам не встретилось инвектив, представляющих мужчин как объект для плотских утех женщин, значит, их (мужчин) не следует рассматривать как таковой. И наоборот, среди оскорблений в адрес жен-

щин в этой тематической группе нет ни одного, которое описывало бы активную женскую роль, женщины представляются, как правило, в качестве объектов действий сексуального характера (*Fickschlampe*, *Fickschlitz*). Особенно наглядны инвективы-метафоры, сравнивающие женщин, например, с предметами, используемыми в качестве подстилки для лежания (*Matratze*, *Pritsche*), или редуцирующие суть женщины до названия полового органа (*Fotze*, *Fickschlitz*) или выполняемой им функции (*Spermarutsche*, *Entsaftungsstute*).

Среди «мужских» инвектив рассматриваемой тематической группы следует обратить внимание на группу лексем, объединяемых по признаку «гомосексуальность» (*Homo*, *Schwuchtel*, *Tunte*, *Warmer Bruder*, *Arschficker*, *Schwanzlutscher*, *Analsonde* и др.). Эти инвективы не имеют соответствий среди «женских» оскорблений (за исключением одной — *Lesbe*). Большое количество лексем этой подгруппы показывает отрицательное отношение общества к гомосексуальности и, следовательно, ярко выраженное ожидание мужской гетеросексуальности. Это ролевое ожидание в отношении женщин не выражено столь же ярко, поскольку лексема *Lesbe* часто критикует не столько гомосексуальность женщины, сколько ее нерасположенность к общению с мужчинами.

Далее следует отметить, что для женщин не играет роли такой повод для оскорбления, как мастурбация, для мужчин, напротив, часто используется лексема *Wichser*, которая не только отрицательно оценивает мастурбирующего мужчину, но и в общем обозначает упрек в глупости (*jemand hat sich dumm gewichst*).

Следующая по величине тематическая группа инвективных лексем описывает умственную несостоятельность, глупость. «Мужские» оскорбления этой группы наиболее многочисленны (60%), они отличаются высокой степенью негативности оценки: *Affe*, *Armleuchter*, *Arsch mit Ohren*, *Blödian*, *Blödmann*, *Depp*, *Dummschwätzer*, *Esel*, *Flachwichser*, *Flasche*, *Heini*, *Hornochse*, *Idiot*, *Vollidiot*, *Ochse*, *Penner*, *Pfeife*, *Prolet*, *Rindvieh*, *Schwachkopf*, *Trottel*. Количество «женских» инвектив значительно меньше (11%): *Blondchen*, *Blondine*, *Dummchen*, *Gans*, *Huhn*, *Kuh*, *Pute*, *Schnepfe*, *Tippse*, *Tussi*, *Ziege*, причем диминутивность некоторых из них (*Blondchen*, *Dummchen*) показывает, что к глупости жен-

щин общественное сознание относится более терпимо, чем к глупости мужчин, «неумность» женщин порой даже приветствуется. При такой уменьшительно-ласкательной инвективности работают стереотипы, существующие много столетий, считающие женщину «скотинкой непонятливой и глупой, но зато забавной и милой, дабы она своею бестолковостью приправила и подсластила тоскливую важность мужского ума» [Роттердамский].

Для мужчины же упрек в глупости есть реальное средство для нанесения ему серьезного оскорбления, поскольку считается, что одним из главных достоинств мужчины является его способность логически мыслить, мужчина одарен «крупницей разума», которая возвышает его над слабым полом.

Достаточной объемной является тематическая группа, включающая инвективы, поводом для которых служит склочность, сварливость адресата, они направлены в первую очередь женщинам (9%): *Besen*, *Drachen*, *Furie*, *Gewitterziege*, *Kratzbürste*, *Meckerziege*, *Schreckschraube*, *Xantippe*, *Zicke*, *Zimtziecke*, следовательно, такой тип поведения можно категоризировать как типично женский. Лексеммы этой группы являются инвективным обозначением женщин, не подчиняющихся воле партнера (они используются, как правило, мужчинами), спорящих, иначе говоря, женщин, которые готовы высказывать свое мнение и пойти на конфликт, если они недовольны ситуативным положением дел. Под отрицанием такого поведения явно просматривается угроза мужской доминантности: идеал, который стоит за оскорблением посредством лексем этой группы, — образ спокойной, невозмутимой, мягкой и нежной женщины, никогда не возражающей мужчине.

7% инвективных лексем в адрес женщин обвиняют их в чрезмерной разговорчивости: *Klatschbase*, *Klatschweib*, *Labertante*, *Plaudertasche*, *Quaselstrippe*, *Tratsche*, *Tratschweib*, *Waschweib*. Отсутствие подобных оскорблений в адрес мужчин также свидетельствует о существовании стереотипа болтливой женщины, отрицательно оцениваемого обществом. Однако гендерные исследования показывают, что именно мужчины отличаются доминантным поведением в разговоре, управляют его развитием, прерывают женщин или вообще не дают им слова [Горошко].

Иначе говоря, напористое речевое поведение мужчин типично, оно не является естественной реакцией на некоторое положение дел, а имеет целью заставить женщин замолчать в принципе: самостоятельное мнение женщин, противоречащее взглядам мужчин, неприятно последним, поскольку оно представляет собой угрозу святому для них — их авторитету и поэтому оспаривается или совсем игнорируется.

Противоположностью описанным являются лексемы, объединенные на основе признака «грубость», «жестокость» (5%). Эта тематическая группа представлена как чисто «мужская»: *Flegel, Grobian, Lümmel, Rabauke, Radaubruder, Raufbold, Rowdy, Rüpel*. Исключительная маскулинность данной тематической группы не вызывает сомнения — нам встретилась всего одна инвектива в адрес женщин *Flintenweib*. Но и при ее использовании играют роль «мужские» стереотипы — суровость, жесткость, воинственность, они считаются нетипичными для женщин и поэтому принципиально не употребляются по отношению к ним. Грубое поведение мужчин воспринимается общественным сознанием как их естественный признак. За осуждением этой характеристики стоит идеал вежливого, доброго мужчины, обладающего самоконтролем.

Заслуживает внимания тематическая группа инвектив, поводом для которых являются неадекватные возрасту внешность и поведение (8% — в адрес женщин и 9% — в адрес мужчин). К ним относятся, например, «женские» инвективы *abgetakelte Fregatte, Alte, Alte Jungfer, Alte Schachtel, Hutzelweib, Schabracke, Schrulle, Spinatwachtel, Vettel*, которые, как мы видим, называют заметность внешних признаков возраста. В этой группе интересна инвектива *Alte Jungfer*, которая, с одной стороны, включает доминирующий стереотип *alt*, а с другой стороны, осуждает сексуальную невинность женщины: поведение недотроги рассматривается как неадекватное женскому предназначению. Здесь проявляется противоречие между желаемым сексуальным поведением женщины (чрезмерная сексуальная активность женщины порицается!) и отрицанием ее чрезмерной робости в интимных отношениях.

Можно привести еще примеры амбивалентных инвектив из других тематических групп: *Glucke* или *Mutttertier* (упрек в чрезмерной материнской заботе) и *Rabenmutter* (упрек в недостаточно выражен-

ном материнском чувстве), *Hausmütterchen, Heimchen am Herd* (упрек в том, что женщины видят свое единственное предназначение в ведении домашнего хозяйства, упрек в подчиненности) и *Emanze, Karrierefrau* (упрек в доминантности в профессии и общественной жизни и, значит, забвении таких аспектов, как дом и дети). Налицо двойственное ожидание, предъявляемое к женщинам: с одной стороны, критикуется женская независимость, ее ангажированность в общественной жизни, с другой стороны, ее упрекают в ориентации на традиционную роль, которая отличается подчинением мужчине.

Далее следует назвать тематические группы с гендерно-нейтральными инвективами, предполагающими некоторое уравнивание гендерно-ролевых ожиданий. Примечательно, что в большинстве своем лексемы этих тематических групп изначально задуманы как инвективы в адрес мужчин и не имеют форм женского рода. Их использование по отношению к женщинам свидетельствует об активном противодействии гендерному неравенству: современные женщины занимают традиционно мужские социальные позиции. Гендерно-нейтральными поводами для оскорбления являются, например, покорность, раболепство (*Schleimer / -in, Streber / -in*), хвастовство, кичливость (*Angeber / -in, Besserwisser / -in, Klugscheißer / -in*), трусость (*Angsthase, Duckmäuser, Feigling, Hasenfuß, Memme*), бездарность (*Niete, Null*), несостоятельность (*Drückeberger, Lusche*).

Гендерно-нейтральными лексемами представлена группа, называющая такой повод для оскорбления, как тщеславие. Эту группу инвектив можно назвать мужской: если к тщеславию женщин в обществе относятся толерантно, то тщеславие представителей сильного пола рассматривается социальным сознанием как немужское качество. «Женские» инвективы этой группы *Modepuppe* и *Modezicke* критикуют чрезмерное увлечение модой. Контраст к ним составляют «мужские» инвективы, поводом для которых является недостаточная чистоплотность адресата (*Ferkel, Sau, Schmutzfink, Dreckschwein, Stinkstiefel, Stinktiefel*). Следовательно, нормой является нечто среднее: определенная мера ухоженности считается приемлемой для мужчин, а чрезмерная ориентированность на внешность и одежду отрицательно оценивается и порицается.

В первую очередь «мужскими» инвективами представлена группа, объединяющая лексемы по признаку «несостоятельность» (*Drückeberger, Lusche, Looser, Muttersöhnchen, Nichtsnutz, Pantoffelheld, Pisser, Schlappschwanz, Schwächling, Softie, Versager, Waschlappen, Weichei*). Большой репертуар этой группы свидетельствует об осуждении мужчин, не соответствующих традиционным ролевым ожиданиям (способность эффективно и производительно работать и принимать серьезные решения в сложной ситуации). Внутренняя структура этой группы включает интересный стереотип ориентированности на женщин (*Muttersöhnchen, Pantoffelheld*), вербальная представленность которого показывает, что подчинение женщине (матери, жене) также рассматривается мужским мировоззрением как несостоятельность. Подчинение, покорность вообще не в чести у мужчин: за использованием инвектив *Schleimer, Streber, Arschkriecher, Kriecher, Schleimschleißer, Speichellecker* стоит ролевое ожидание доминантного мужчины, способного достигать свои цели в социальной и профессиональной сферах. Но с другой стороны, опять налицо противоречие: даже успешные мужчины не должны хвастаться и кичиться своими достижениями (ср.: *Angeber, Besserwesser, Klugschleißer, Aufschneider, Blender, Bonze, Großkot, Großmaul, Maulheld, Wichtigtuher*). В противоречии этому ожиданию находятся инвективные лексемы, критикующие мужчин, показывающих свое превосходство: *Chauvi, Macho, Macker, Pascha*. Таким образом, налицо двойственность мужских ролевых ожиданий: мужчина не должен быть слишком слабым (*Softie*), но он не должен быть и слишком доминантным (*Macker*).

При сравнении инвектив разных тематических групп бросается в глаза, что лексемы, имеющие отношение к сфере профессиональной и общественной жизни, играют более значительную роль для мужчин, чем для женщин. Это, например, лексемы *Krummer Hund, Schlitzohr, Schweinepriester*, обвиняющие адресата в фальшивости и лицемерии; *Angeber, Besserwesser, Klugschleißer, Aufschneider, Bonze*, поводом для которых является кичливость, хвастовство; *Schleimer, Streber, Arschkriecher, Schleimschleißer, Speichellecker* — оскорбления по поводу покорности, раболепства. Для женщин инвективы из сферы профессиональной и общественной жизни играют скорее второстепенную роль, более важ-

ной для них является сфера семейной, домашней жизни: об этом говорят, например, инвективы *Hausmütterchen, Heimchen am Herd*, обвиняющие женщину в чрезмерной покорности, *Glucke, Hausdrachen, Muttertier* (слишком доминантное поведение), *Rabenmutter* (материнская несостоятельность). Это преобладание различных аспектов жизни в «мужских» и «женских» инвективах является подтверждением тезиса о существующем до сегодняшних дней классическом распределении ролей: основная роль женщины концентрируется вокруг семьи и домашнего очага, именно эта сфера подвергается нападкам в адресованных женщине оскорблениях; на мужчин накладываются основные обязательства в профессиональной и общественной жизни, этот аспект является мишенью для «мужских» инвектив.

Таким образом, можно отметить, что за инвективами в адрес мужчин и женщин стоят традиционные ролевые ожидания. Факт отрицательной оценки физической и умственной несостоятельности мужчин предполагает мнение о том, что мужчина должен быть работоспособным и достигать высоких результатов и целей в любом виде своей деятельности. Он должен настаивать на своем, не показывать слабость. Но с другой стороны, его доминантное поведение, в том числе и физическое насилие, а также кичливое указание на мужскую силу тоже оцениваются отрицательно. Налицо противоречивость требований к мужчинам, за которым стоит уже несколько запылившийся мужской идеал.

Инвективы в адрес женщин основываются на ролевых ожиданиях, соответствующих в первую очередь традиционному представлению: женщина не должна спорить и конфликтовать, ее мнение не имеет значения. Женщина должна хорошо выглядеть, не быть сексуально распушенной, но быть, с другой стороны, принципиально доступной. Наблюдается и некоторая деформация (опять же противоречивая) классических ролевых ожиданий: критикуется чрезмерная покорность и несамостоятельность женщин, с другой стороны, осуждается ярко выраженное доминирование женщин и их стремление к успеху. Изменения стереотипов свидетельствуют о постепенном входе женщин в мужские домены, что вызывает резкую отрицательную оценку мужчин, в том числе и в форме инвектив.

1.5. Ласкательные вокативы: гендерный аспект

В этом разделе обратимся к вопросу гендерной выраженности противоположной инвективам категории лексем — ласкательным вокативам или филонимам, как их называет Михаил Эпштейн [Эпштейн 2018: 504]. Филоним представляет собой результат новонаречения партнера ласковыми именами, которые в риторике влюбленных звучат как музыка сфер: влюбленные все время повторяют их, наслаждаясь их звучанием. Ласкательными вокативами могут быть оценочные слова или имена собственные, «приправленные» уменьшительно-ласкательными суффиксами, они сопровождаются притяжательным местоимением первого лица и прилагательными *klein, lieb, süß*: *Annilein, mein Liebes. Schau mich an, mein kleiner Liebling (Uhl)*. Такое сочетание притяжательного местоимения, прилагательного и оценочного существительного или имени собственного представляет собой законченное высказывание в общении влюбленных, оно самодостаточно и не требует каких бы то ни было дополнений: *Ach, du mein kleines süßes Engelchen! (Tyran)*; *Meine liebe Frau, die Sonne meines Lebens! (Tyran)*. Выбор вокатива всегда индивидуален, главное для говорящего — выделить близкого человека из повседневности, поднять его «над суетой».

Исследования последних лет выявили гендерную асимметрию при употреблении ласкательных вокативов: диминутивные филонимы чаще используются при обращении к женщине [Nübling 2014: 108, 110], а уменьшительно-ласкательные имена собственные доминируют в обращении к мужчине (9 из 10) [Dammel et al. 2018: 163]. Опросы выявили топ десять ласкательных вокативов (ЛВ) в немецкой культуре общения влюбленных пар [Grieger 2013: Folie 15]:

ЛВ для женщин

1. *Schatz* 31,2%
2. *Maus* 9,4%
3. *Hase* 6,5%
4. *Engel* 2,9%
5. *Süße* 2,4%

ЛВ для мужчин

1. *Schatz* 21,9%
2. *Hase* 9,9%
3. *Bär* 7,1%
4. *Maus* 2,5%
5. *Schnucki* 2,3%

6. *Liebling* 2,1%
7. *Spatz* 1,9%
8. *Kleine* 1,5%
9. *Schnecke* 1,4%
10. *Schnucki* 1,4%
- 1—10 всего 60,7%**

6. *Spatz* 1,5%
7. *Baby* 1,4%
8. *Liebling* 1,2%
9. *Engel* 1,0%
10. *Süßer* 0,9%
- 1—10 всего 49,7%**

Анализ результатов опроса показывает, что ЛВ *Schatz* безоговорочно доминирует в списке, далее с большим отрывом следуют зоометафоры, гендерно специфичными из которых являются *Schnecke* для женщин и *Bär* для мужчин. Употребление второго из названных ЛВ интуитивно понятно: за зооморфизмами, обозначающими крупных хищных опасных животных (аналогично *Tiger, Löwe*), обязательно скрывается глубинное семантическое согласование — такая метафорическая номинация «приручает» мужчину, большого и сильного во внешнем мире, способного за себя постоять в жизни, превращает его в отношениях с женщиной в безобидного «зверя» [Трофимова 2014: 96]. Что движет мужчиной при использовании номинации *Schnecke* по отношению к женщине, остается загадкой — является ли этот ЛВ кулинарной метафорой (женщина как сдобная булочка — ароматная, аппетитная, ср. *Zuckerschnecke*) с эротической коннотацией (аналогичные ЛВ: *Süße / Süßer* или просто *Leckerchen*). Или эта метафора отсылает к внешнему сходству женской вагины с улиткой — эта номинация тоже из сферы эротических отношений полов. Либо же эта номинация иронично указывает на факт, что адресат-женщина всегда все свое носит с собой (как улитка носит с собой свой домик) — все нужные и ненужные мелочи. Во всех названных вариантах интерпретации использования ЛВ мужчина играет главенствующую роль в отношениях: он рассматривает женщину как объект, приносящий удовольствие (*Zuckerschnecke*), выступает как субъект, обладающий правом оценивать женщину (*Schnecke* в ироничном употреблении), как лицо, от природы наделенное возможностью доминирования (наличие физических показателей как большой размер, сила и под.) и потому по умолчанию подчиняющее женщину в отношениях, сводя-

щее женскую суть только к удовлетворению разного рода потребностей мужчины.

«Заточенными» на гендер являются в приведенном списке также субстантивированное прилагательное *Kleine* для женщин и существительное *Baby* для мужчин. Все остальные ЛВ, по мнению авторов, показывают гендерную симметричность (*Schatz, Spatz, Hase, Süße/r, Liebling, Maus*). Наш анализ употребления ЛВ из этой части списка свидетельствует о том, что некоторое разделение по гендерному признаку есть и среди ЛВ этой семантики, оно происходит при использовании диминутивных суффиксов (*Schatz — Schatzi, Hase — Hasi*), лексических вариантов (*Kater — Kätzchen*) или параллельных номинаций (скромно-ироничное *Hübscher* для мужчин — милое *Süße* для женщин, грубо-фамильярное *Stinker* для мужчин — ласковое *Pupsi* для женщин). Показательным в этой связи является исследование еще одной группы авторов [Antje, Niekrenz et al. 2018], разделивших результаты опроса по гендерным категориям «однозначно / скорее женские ЛВ», «однозначно / скорее мужские ЛВ» и «подходит для мужчин и для женщин». Материал исследования четко указывает на гендерный сдвиг в номинациях — диминутивы практически не используются по отношению к мужчинам (два примера из 37 ЛВ: *Bärchen, Strolchi*). А для ласкательного обозначения женщин используются метафоры с диминутивным суффиксом, основой переноса в которых является устанавливаемая эмпирическим путем общность ощущений от восприятия двух объектов. Так, для зоометафор *Biene (Bienchen), Goldkäferchen, Häschen, Betthäschen, Hummel (Hummelchen), Knuddelente, Maus (Mausi), Mäuschen, Mausezweg, Motte, Schmusekatze, Spätzchen, Wächtelchen* аспектом сравнения является небольшой размер (суффикс добавляет скорее ласкательность), сравнение создает образ и порождает новый смысл: названные ЛВ приобретают формальное значение «маленькое безобидное существо, нуждающееся в защите и заботе». Таким образом, женщины опять выступают в роли зависимой части в отношениях полов, мужчины берут на себя функцию покровительства и защиты — традиционные гендерные роли, определенные многовековой историей культуры.

Еще один интересный факт, не отмеченный авторами опроса: в семантической группе ЛВ «сладости» нет вариантов, предназначенных только для мужчин, налицо очередной гендерный «перекос» в сторону мужского доминирования: женщина, как уже указывалось выше, рассматривается как объект потребления, как предмет для получения удовольствия, как нечто сладкое, аппетитное (как правило, в диминутивной форме) — *Sahnetörtchen, Sahnetrüffelchen, Zimtfischchen, Kürbiskernchen, Butterflöckchen, Käsekrümelchen, Honey, Marmeladenherz, Zuckerbohne, Zuckermäulchen*. О том же говорит отсутствие в группе мужских ЛВ единиц с сексуальной референцией, которые есть в женской группе (*Betthäschen*) и которые совершенно однозначно воспринимаются в любых условиях коммуникации (*Na, mein Betthäschen, hast du dich schon für mich hergerichtet und die Beine breit gemacht? (Schmidbauer, 2003)*) и как таковые определяются в словаре, причем с пометой *abwertend: weibliche Person mit sehr sinnlichen Reizen (als Partner für den Geschlechtsverkehr)* [DWDS: *Betthase*]. ЛВ такого типа и факт отсутствия мужского аналога можно считать атавизмом прошлого, когда женщина рассматривалась только как инструмент получения удовольствия.

В отдельных случаях диминутивный суффикс ведет к уменьшению ценности в семантике ЛВ, ср. *Götterfunke* для мужчин и *Fünkchen* для женщин. Возможно, в изолированном употреблении женский ЛВ звучит мило и с удовольствием принимается адресатом-женщиной как гипокористика, но в сравнении мужского и женского ЛВ очевидно неравенство значений, маленькая, в каком-то смысле неполноценная искорка для обозначения женщины, с одной стороны, и настоящая божественная искра для обозначения мужчины — с другой. Возможно, в таком употреблении проявляется обусловленное традициями восторженное подчинение любящей женщины. Возможно, роль играет и грамматический род существительного *der Funke*, который слишком маскулинизирует женщину, диминутивный суффикс несколько смягчает восприятие гендера (ср. частое *Sternchen* вместо *Stern*). Как бы то ни было, неосознанное гипокористическое обозначение лица приводит к такой в некотором смысле обидной гендерной асимметрии

(как было сказано выше, мужские ЛВ, как правило, не имеют диминутивных суффиксов).

Ну, и несколько слов о нейтральном наименовании друг друга без явного указания на пол (группа ЛВ, подходящая для мужчин и для женщин), к таким единицам участники опроса [Antje, Niekrenz et al. 2018] отнесли следующие: *Äffchen, Hase (Hasi), Froschi, Käferchen, Junikäfer, Knuffelratte, Spatz (Spatzel), Tierchen, Zebra, Banane, Cookie, Drops, Fruchtzwerg, Gummibärchen, Honigsemmel, Zuckerkeks, Knabberbacke, Knusperkopf, Krümel, Nudel, Schmatzepuffer, Torti, Glibberschnute, Glupschi, Hühnerbeinchen, Käsefüßchen, Knubbelnäschen, Baby, Bebito, Herz, Hüpfen, Kind (Kindchen), Königskind, Schatz, Oberschatz, Mon Amour, Träumchen, Wirbelwind Apfelbaum, Knopf, Knutschkugel, Luftballon, Öfchen, Paketchen, Schneeball, Bauzi, Hascherl, Kamuffel, Jogi, Knötchen, Knuffi, Muckelchen, Nufnuf, Nupsi, Ömmelchen, Puff, Schnuck, Schnudl, Schubbel* и др. С отнесением некоторых из них к категории нейтральных можно согласиться (*Schatz, Herz, Schnuck* и некот. др., особенно зоометафоры), по поводу других возникают сомнения. Например, метафтонимические единицы, основанием для переноса в которых являются эротически привлекательные части тела, относятся совершенно очевидно к женским ЛВ: *Luftballon, Öfchen, Paketchen*, в них мы видим сведение сути женщины к понятиям телесного и определение сферы коитального как основной для женщины. Кроме того, к женским следует отнести и специфические наименования, такие как *Hühnerbeinchen, Käsefüßchen, Knubbelnäschen*, образованные на основе метонимического переноса *pars pro toto*, называющие часть животного — его лапку, хвост, ухо или даже зуб (еще примеры: *Hasenpfötchen, Hasenöhrchen, Hasen- / Mausezähnen, Hasenzeh, Mausechwänzchen, Mauseherzchen, Mausefüßchen, Mausebeinchen, Igelschnäuzchen* и под.). Рационально объяснить такой необычный выбор лексемы для называния любимой женщины вряд ли невозможно. Вероятно, одной из причин может быть уже упомянутое выше стремление влюбленного мужчины стать большим и сильным, чтобы защищать свою избранницу от всех жизненных невзгод и напастей: женщина рассматривается как объект опеки и покровительства, маленькое беспомощное существо, вызывающее

бесконечное умиление, при обращении к которому требуется крайняя диминутивность. Вряд ли такое наименование можно применить к взрослому мужчине.

И еще одно замечание к приведенному списку: наименования женского рода (*Zebra*) тоже невозможно определить как ЛВ для мужчин, поскольку, согласно авторитетному мнению исследователей [Wyss 2000: 196], мужчины неохотно «примеряют» даже безобидные слова женского рода на себя, не желая терять даже часть своей маскулинности.

Таким образом, большинство ЛВ включают гендерно специфические элементы, атавистически напоминающие о наследстве патриархального общества, т.е. о силе, воле, некоторой агрессивности мужчин и слабости, покорности и зависимости женщин. В этом гендерном отражении любви закодирована предопределенная иерархия социальных ролей мужчин и женщин.

1.6. Феминитивы как тенденция к феминизации в современном немецком языке

К сегодняшнему дню феминистская лингвистика успешно преодолела период дефицитарной парадигмы, когда язык женщин хоть и считался более выразительным, чем язык мужчин*, но рассматривался при этом как простой и непретенциозный. Как образно писал О. Есперсен в начале прошлого века, женщины идут проторенной дорогой языка, а мужчины часто поддаются искушению свернуть на узкую боковую тропу или даже проложить новую дорогу [Jespersen 1925 (2003): 231]. Первые исследования в рамках дефицитарной парадигмы рассматривали женский стиль общения и видели в нем сигнал более низкого социального статуса женщин, показателями кото-

* Об этом писал, например, еще В. Фон Гумбольдт: женщины изъясняются, как правило, более естественно, более нежно и тем не менее более выразительно, чем мужчины. Их язык есть правдивое зеркало их мыслей и чувств [Humboldt 1827—1829: 205].

рого являются специфический тематический спектр — дети, домашнее хозяйство, мода; специальные языковые средства для ослабления коммуникативной силы высказывания [Lakoff: 1975: 53—56]. По мнению исследователей этого периода, женский стиль общения был причиной тому, что женщин не воспринимали серьезно в разговоре, где мужчины всегда доминировали.

Дефицитарная парадигма сменилась дифференциальной парадигмой, в рамках которой язык женщин рассматривался как самостоятельный и самобытный, не требующий вмешательства и изменений. И затем, в 1990-е годы произошел переход от констатации особенностей коммуникативного поведения женщин к критике форм представленности женщины в языке и к социальному конструированию гендера — *doing gender*.

Социальное конструирование гендера стало попыткой преодолеть сексизм в языке, понимаемый как индивидуальная или коллективная дискриминация на основе пола (особенного женского пола мужским), форма насилия посредством языка [Kegyesné Szekeres 2005: 25, 27]. Задачей исследователей этой парадигмы является выявление дискриминационных факторов в системе и в функционировании языка. С. Трёмель-Плётц — идеолог социального конструирования гендера в Германии — пишет о необходимости преодолеть бесправность, невидимость и периферийность, обделенность и деградацию женщины в языке [Trömel-Plötz 1979: 6]. Утверждается, что немецкий язык есть патриархальный язык, в котором доминируют мужчины, а женщины вопреки их общественной роли недостаточно репрезентированы и частично даже невидимы [Bickes / Brunner: 1992: 4]. К особенностям «мужского» немецкого языка относятся, например, использование обобщающего мужского рода, семантическая асимметрия мужских и женских обозначений лиц, более низкий ранг женского рода по сравнению с мужским (например, *Gouverneur* (губернатор) — *Gouvernante* (губернантка)), а также факт, что обозначение женщины существительным мужского рода интерпретируется как повышение оценки, обратный случай воспринимается как понижение (*Sie steht ihren Mann* по сравнению с *Er benimmt sich wie ein Mädchen*) [Hellinger 1985: 4].

Одним из центральных элементов феминистской рефлексии языка является критика его андроцентричности: мужское обозначение рода одушевленного лица является нейтральным, исходным и может использоваться и для обозначения женщин. Но не наоборот: женские обозначения одушевленных лиц не могут замещать мужские, например, слову *Hebamme* женского рода нет соответствия мужского рода, представитель профессии мужского рода обозначается другим словом — *Entbindungshelfer* [Pankow 1998: 171]. Иначе говоря, система рода в обозначениях одушевленных лиц имеет сильную асимметрию в пользу мужчин. Речь при этом идет не только о субстантивном, но и о местоименном обозначении лиц, например, *Jemand hat hier seinen Kugelschreiber vergessen* — неопределенное местоимение *jemand* согласуется с притяжательным местоимением в форме мужского рода *seinen*.

Напомним, что в немецком языке есть два правила согласования: а) грамматическое согласование, при котором род анафорических местоимений уподобляется роду определяемого существительного, б) согласование по биологическому полу, при котором род анафорического местоимения соответствует полу обозначаемого лица [Oelkers 1996: 4]. Исследования обозначения лиц с конфликтом между грамматическим родом и биологическим полом (между генусом и сексусом), как, например, в предложении *Das Mädchen spielt mit seinem / ihrem Hund*, доказывают, что в немецком языке имеется тенденция скорее к согласованию по биологическому полу, чем к согласованию по грамматическому роду определяемого существительного [Frank 1992: 129]. Иначе говоря, при обозначении одушевленных лиц естественный пол играет ключевую роль [Duden 2005: 155].

Гендерно-асимметричной особенностью немецкого языка, как уже было сказано выше, является обобщающее использование мужских форм существительных и местоимений. Обобщающий мужской род встречается в ситуациях, когда род обозначаемых лиц неизвестен или нерелевантен, или если делается обобщающее высказывание [Braun et al. 1998: 265], например: *Dieses Buch wird den Leser nicht enttäuschen; Jeder Deutsche trinkt durchschnittlich 1,347 Liter Bier am Tag*. Эта язы-

ковая норма с конца 1970-х годов является объектом критики феминистской лингвистики, поскольку, по мнению ее представителей, при использовании обобщенного мужского рода у реципиентов появляются ассоциации скорее с мужчинами, чем с женщинами. Основанием для этого утверждения служит факт, что при обозначении лица грамматический род и биологический пол чаще всего совпадают, что создает ассоциативную связь между обеими категориями. Следовательно, обобщенные формы понимаются не нейтрально, а как формы, которые указывают на лицо мужского пола [Klann-Delius 2005: 26f; Ängsäl 2020: 67], что имеет следствием приоритетную репрезентацию мужчины в языке* [Braun 1993: 207].

Есть мнение и о том, что семантический признак «мужской» в обобщенном использовании мужского рода нейтрализован и поэтому не следует смешивать грамматическую категорию рода с естественным полом [Braun et al. 2002: 78].

Причину проблематики, по мнению исследователей, следует искать не столько в грамматике, сколько в менталитете носителей языка. Когнитивные исследования доказывают, что обобщенный мужской род действительно интерпретируется не нейтрально [Irmen / Köhncke 1996: 163]: даже при наличии концепта «женщина» его активация при использовании формы обобщенного мужского рода требует больше времени, чем активация концепта «мужчина». Обобщенный мужской род создает, таким образом, ментальную репрезентацию, содержанием которой является мужчина как более типичный экземпляр для обозначения формой мужского рода [Irmen / Köhncke 1996: 163]. Очевидно, что языковой сексизм обусловлен не столько правилами языка, сколько восприятием его носителей, в сознании которых зафиксировано преобладание мужского при обозначении одушевленных лиц [Klann-Delius: 2005: 31].

* Факт, что обусловленная обобщенным мужском родом «невидимость» женщин имеет конкретные негативные последствия для них, показывает избирательное право Швейцарии: женщины Швейцарии до 1971 г. не имели права избирать, поскольку законодательные документы предоставляли такое право только швейцарцам, но не швейцаркам [Braun et al. 1998: 266].

Объектом феминистской критики языка является и прием мовирования, под которым понимается процесс производства существительных другого грамматического рода от основы, обозначающей лицо или животное [Doleschal 1992: 22]. С суффиксами мовирования существительные одного гендерного класса переходят в другой гендерный класс, как правило, это касается существительных женского и мужского рода: наиболее частотное образование женского соответствия существительному мужского рода, например, *Schwimmer* → *Schwimmerin*. Это производство существительного женского рода на основе существительного мужского рода первоначально критиковалось в феминистской лингвистике, поскольку оно представлялось языковой реализацией тысячелетней зависимости женщины от мужчины [Pusch 1984: 59]. Создание мужской формы существительного от женской представляет собой редкое исключение. Если существительное женского рода все-таки становится исходным обозначением, то это не означает автоматически, что от него будет образовано мужское соответствие. Так, мужским соответствием лексеме *Krankenschwester* является не лексема *Krankenbruder*, как можно было бы предположить, а лексема *Krankenpfleger*, которая опять допускает производную женскую форму *Krankenpflegerin* [Hausherr-Mälzer 1990: 106f.].

Гендерная асимметрия четко проявляется, по мнению феминисток, в формах вежливого обращения. Объектами критики является, во-первых, факт, что в немецком языке нет мужского соответствия обращению *Fräulein*. Во-вторых, критикуется обращение *Herr*, которое используется как при обращении к нескольким лицам (*Meine Damen und Herren*), так и при индивидуальном обращении (*Herr Schmidt*), тогда как при индивидуальном обращении к женщине допустима только форма *Frau Schmidt*, но не *Dame Schmidt*. Из этого делается заключение, что вежливое обращение предназначено исключительно для мужчин, вежливость и уважение по отношению к женщинам в обращении отсутствуют [Klann-Delius 2005: 25]. Форма обращения *Fräulein* является, как считают исследователи, дискриминирующей, поскольку в ней отражается общественное различие «замужем / не замужем» и, следовательно, женщина представляется зависимой от мужчины [Samel 2000: 139].

Некоторые ученые относятся к претензиям феминисток в отношении форм обращения критически, признавая, с одной стороны, асимметрию в пользу мужчин (*Herr Meier*), но указывая, с другой стороны, и на наличие обидной асимметрии в пользу женщин (*Fräulein*) [Klapp-Delius 2005: 26].

В области местоимений мишенью феминистской критики языка является неопределенно-личное местоимения *man*, значение которого связывается с репрезентацией мужского начала [Samel 2000: 90]. Речь идет об этимологической близости местоимения к существительному *Mann*: оно является производным от формы именительного падежа единственного числа существительного *Mann* в значении *Mensch*, применявшегося по отношению к обоим полам (иде, *manu- или *monu-, *Mensch*, *Mann*; гот. *Manna*, двн., свн. *man*) и до сегодняшнего дня сохраняющего это обобщающее значение [Hoffmann 1979: 64].

Наряду с местоимением *man* критикуются и местоимения *wer* и *jemand*, а также правила их согласования. Несмотря на то что их употребление распространяется на оба пола, они согласуются только с местоимениями в «мужской» форме (например, притяжательными), например, *Wer kann mir seinen Kugelschreiber leihen?* Феминистки считают неприемлемым обозначение мужского рода для лиц женского пола, особенно в специфических «женских» контекстах [Pusch 1984: 86].

Критика гендерного неравенства в языковой репрезентации не остановилась, разумеется, только на констатации асимметрии, были разработаны и определенные стратегии феминизации языка с четкими приемами создания «видимости» женщин.

Устранение языковой дискриминации предлагается, например, исключением обобщающего мужского рода. Эта стратегия реализуется особенно четко в сплиттинге — назывании одновременно обоих полов. Приемы сплиттинга делятся на гендерно-маркированные и гендерно-нейтральные. При гендерно-маркированной референции используются следующие приемы:

- к определяемому слову добавляются определения *männlich* и *weiblich* (*weibliche / männliche Studierende*),
- используются гендерно-специфичные окончания (*Arzt / Ärztin*),

- при субстантивированных прилагательных и причастиях используется артикль для указания на род (*die / der Angestellte*),
- используются слова с гендерно-маркированным значением (*Bankkauffrau / Bankkaufmann*).

В случае гендерно-нейтральной референции, которая распространяется на оба пола, рекомендуется использование полной пары слов (или долгий сплиттинг (*Studenten und Studentinnen*) [Hellinger: 2004: 279]. Из целей экономии наряду с полной парной формой используются различные короткие формы, к которым относятся:

- двойные формы с написанием через косую черту (*ein/e Lehrer/in*),
- написание с включением заглавной буквы *I* (*LehrerIn*),
- написание с включением различных знаков внутри слова (*Lehrer/-innen*, *Lehrer(innen)*, *Lehrer: innen*, *Lehrer_innen*, *Lehrer*innen*),
- использование скобок (*der / die Lehrer(in)*) и написание варьированных элементов с заглавной буквы — производное от заглавного написания буквы *I* (*jedeR LehrerIn*) [Pusch 1999: 14].

Формы с включенными символами изначально предполагались для использования на письме и визуального восприятия, но сегодня гендерные формы вербализуются посредством небольшой паузы в месте разрыва слова. В целом применение таких форм возможно при условии, что текст не становится трудночитаемым, загроможденным символами и что при удалении косой черты остается правильный грамматический вариант [Hellinger 2004: 280].

Стратегия феминизации действует и в отношении неопределенно-личного местоимения *man*: во избежание называния себя местоимением, ассоциируемым с мужским родом / полом, было создано новое неопределенно-личное местоимение *frau*, которое стало одним из наиболее провокативных языковых новшеств феминистской критики языка.

При обращении со старым и новым неопределенно-личным местоимением следует различать три случая: местоимение *frau* заменяет местоимение *man* в чисто «женском» контексте (*Wenn frau stillt, muss sie mehr essen*). Если употребление касается как мужчин, так и женщин, то предлагается употреблять параллельно оба местоимения (*man /*

frau): *Über das Cafe Rosa am besten goggeln. Vorher aber hinsetzen, denn was frau / man da erfährt, haut eine/n um.* А чисто «мужской» контекст должен маркироваться существительным *Mann*, написанным со строчной буквы (*mann*) [Hoffmann: 1979: 64f.]. В грамматическом отношении местоимение *frau* ведет себя иначе, чем местоимение *man*: в именительном падеже оно может замещаться местоимением *sie* (например, *Wenn frau stillt, muss sie / frau mehr essen*). Поскольку местоимение *frau* образовано от существительного, то и в семантике они близки, иначе говоря, местоимение *frau* может замещаться существительным *Frau* (например, *Wenn (eine) Frau / frau stillt, muss sie mehr essen*) [Samel 2000: 93].

Тенденция к феминизации не ограничилась созданием нового неопределенно-личного местоимения *frau*. От местоимений *jedermann*, *jemand* и *niemand* тоже были образованы женские альтернативы *jedefrau*, *jefraud* и *niefraud* [Samel 2000: 92—94]. Местоимение *jedefrau* уже включено в нормативный словарь Дуден: *Alfons Schuhbeck betreibt am Platzl einen Eisladen, wo es gefrorenen Kaiserschmarrn gibt, ein Lokal, das sauteuer ist, aber für jedermann und jedefrau sein soll <...>*. Варианты употребления других местоимений показывают следующие примеры: *Kann mir jemand / jefraud sagen wie alt die Leute bei Blumfeld so sind...; Kann mir jefraud / -mand helfen, meine Bildungslücke zu schließen und mir erklären, was „antiheteronormativ“ bedeutet?; weiß jemand oder jefraud, wie ich die doofen Wörter wieder aus meinem Keyboardwörterbuch löschen kann?; Solange unsere Politiker*innen nicht hochmäÙig sondern eher hochnäsiger sind, kann niemand, kann niefraud irgendwie erwarten, dass sich das Bildungsniveau heben würde.*

Общая тенденция к феминизации слов распространяется и на синтаксическое согласование в предложении, т.е. при употреблении вопросительного местоимения *wer* или неопределенного местоимения *jemand* синтаксическое согласование происходит посредством местоимения в «женской форме»: *Wer kann mir ihr Fahrrad leihen?* или *Ist da jemand, die mir ihr Fahrrad leiht?* (если обращение адресовано лицам женского пола). Такие предложения нарушают, конечно, существующие грамматические правила согласования, но зато они соответствуют требованиям феминистского движения [Samel 2000: 95].

Еще одной стратегией феминизации немецкого языка является предложение Л. Пуш [Pusch 1990] ввести обобщенный женский род как альтернативу обобщенному мужскому роду: все обозначения лиц мужского рода предлагается трансформировать в обозначения женского рода, если они касаются женщин. Трансформация рекомендуется даже для композитов, частью которых является обозначение лица [Häberlin et al. 1992: 102].

Л. Пуш не считает концепт обобщенного женского рода применимым во всех случаях использования языка, это, по ее мнению, скорее политическая языковая мера [Pusch 1990: 93]. Даже спорадическое публичное использование таких форм позволит, считает Л. Пуш, показать андроцентризм немецкого языка.

Дискриминирующие выражения в языке предлагается устранить также с помощью принципа нейтрализации в контекстах, где пол референта нерелевантен и/или в которых мужчины и женщины равно функционируют как референты [Bußmann / Hellinger 2003: 154]. Прием нейтрализации является, например, создание сложных слов с гендерно-нейтральным элементом для обозначения лиц обоих полов: *Ratsmitglied* вместо *Ratsherr* или *Ratsfrau*. Другим приемом нейтрализации является использование субстантивированных причастий вместо существительных, указывающих на пол, например, *Studierende* вместо *Studenten* и/или *Studentinnen* [Sieburg 1997: 27]. Еще один прием нейтрализации предложила Л. Пуш [Pusch 1984] в самом начале дискуссии о гендерной политкорректности в немецком языке*: устранить окончания женского рода, но оставить обозначения лица женского рода (*die Professor* вместо *die Professorin*), а для обозначений мужчин и женщин использовать средний род (*das Professor* вместо *die Professorin* или *der Professor*) [Pusch 1984: 61—66]: *Sie ist eine gute Student. Ihre Leistungen sind beachtlich und ihre Professor ist sehr zufrieden mit ihr. Früher war sie übrigens Sekretär bei einer Architekt* [Pusch 1984: 62]. Л. Пуш признавала, что такое преобразование языка вряд ли возможно, она ставила

* Л. Пуш называла этот прием сумасшедшим предложением — *verrückter Pusch-Vorschlag* [Pusch 1984].

своей целью скорее обратить внимание общественности на существующую проблему [Häberlin et al. 1992: 102].

Современные лингвисты-последователи идеи гендерно «правильного» языка придумывают свои варианты обозначения пола. Например, Л. Хорншайдт — небинарная личность — предложил для обозначения лиц использовать формы, оканчивающиеся на *x*: *Lehrx, Studierx, Profx / Professx* (*sehr geehrtx Profx Lann Hornscheidt*), а также использовать новое гендерно-нейтральное личное местоимение *ens* (буквосочетание из слова *Mensch*), определенный артикль *dens* и вопросительное местоимение *wens* [Hornscheidt 2021].

Другой креативный германист Т. Кроншлэгер из технического университета Брауншвейга призывает использовать как средство нейтрализации «гендерности» обозначения лиц словообразовательный элемент *-y*: *Lesy* (вместо *Leser / Leserin*), *Arzty* (вместо *Arzt / Ärztin*), и далее: *Lehry, Schüly, Professory*. Множественное число, по его мнению, могло бы гендерно нейтрально образовываться с помощью суффикса *-s*: *Lehrys, Schülys, Professorys*. В речи это должно выглядеть примерно так: *Montag war ich beim Bäcky, Dienstag beim Friseur-y. Ich schrieb an Kollegys, telefonierte mit Informantys und traf ein altes Freundy* [Neubacher].

Не каждый из предложенных феминистской лингвистикой вариантов подходит для гендерного «лечения» немецкого языка. Структура немецкого языка, например, существование полной грамматической системы рода, а также продуктивных «женских» моделей словообразования допускают в целом реализацию стратегии феминизации [Hellinger 2004: 278f.], в рамках которой наиболее подходящим приемом симметричного распределения оказывается называние обоих полов. Использование заглавной буквы *I*, по мнению исследователей, может привести к чрезмерной ментальной репрезентации женщин — при использовании такого приема существительное становится формально ближе к женскому роду [Hellinger 2004: 289]. С другой стороны, нейтрализация невозможна, например, в таких словах как *Bürger* или *Passagier*, этот факт тоже является объектом критики стратегии нейтрализации. Критикуют нейтрализацию еще и потому, что она не соответствует цели

сделать женщин «видимыми» в языке. Напротив, она часто ведет скорее к вуалированию пола, что опять имеет отрицательные последствия для женщин [Sieburg 1997: 27]. Кроме того, нейтрализация не решает проблемы симметричного распределения полов в языке.

Подводя итог приведенному обзору мнений и решений гендерного вопроса в современном немецком языке, следует отметить, что реализации цели достижения гендерного равенства больше всего соответствует принцип «креативного решения», который предполагает комбинирование различных альтернатив в зависимости от контекста. К введению радикальных мер гендерной трансформации языка, таких как отказ от мовированных форм или использование обобщенного женского рода, языковое сообщество вряд ли готово, и поэтому нельзя ожидать, что оно будет следовать такому решению в обозримом будущем (хотя теоретическая возможность такой трансформации в немецком языке существует) [Samei 2000: 7]. Кроме того, следует учитывать, что все радикальные предложения были придуманы не столько как генеральные рекомендации, сколько как провокации, чтобы способствовать осознанию проблемы [Häberlin et al. 1992: 101—103].

Как обстоят дела с практикой решения гендерного вопроса в языке сегодня, в начале третьего десятилетия XXI в.? Главной задачей представители гендерной лингвистики в Германии по-прежнему видят задачу преодоления языковой дискриминации. Появившаяся еще в 1990-е годы методичка *Richtlinien für einen nichtsexistischen Sprachgebrauch* (Рекомендации по устранению сексизма в языке) [Hellinger, Bierbach 1993] актуальна сегодня как никогда, на уровне правительств федеральных земель разрабатываются рекомендации по использованию гендерно-корректного языка. Примером такого рода документа может служить изданное отделом по делам женщин и равноправию федеральной земли Нижняя Саксония пособие *Empfehlungen für eine geschlechtergerechte Verwaltungssprache* [Empfehlungen... 2019]. В нем авторы рекомендуют замены для устранения гендерного дуализма, например, *Redeliste* вместо *Rednerliste* («список докладов» вместо «список докладчиков»), *antragstellende Person* вместо *Antragsteller* («заявляющее лицо» вместо «заявитель») и др. Подобные рекомендации были разработаны и

в других федеральных землях (см., например, [Demarmels / Schaffner 2011]). При Министерстве внутренних дел ФРГ был создан даже специальный «женский» отдел (*Frauenreferat*) для разработки стратегии и тактики гендерного преобразования немецкого языка. Результатом деятельности такого рода организаций является факт, что статьи в средствах массовой информации, учебники, формуляры, законы, правила, церковные проповеди, а также речи в Бундестаге пишутся сегодня с обязательным упоминанием лиц женского пола (например, *Bürgerinnen und Bürger*) либо с заменой подходящим причастием (*Beschäftigte* вместо *Arbeiterinnen und Arbeiter*) (подробнее об этом см. [Ситникова / Смолоногина 2021]). Сегодня можно утверждать, что в Германии сформировалась нормативно-правовая база, обеспечивающая реализацию гендерной языковой политики, насчитывающая многие десятки законодательных и нормативных актов как обязательных для исполнения, так и носящих рекомендательный характер.

Гендерно-нейтральный язык активно внедряется и в немецких вузах: на сайтах большинства университетов размещены рекомендации по использованию гендерно-нейтральных номинаций лиц: для описания рода деятельности теперь рекомендуется использовать причастия или глагольные конструкции. Вышеупомянутый документ содержит и другие рекомендации по гендерно-корректным формулировкам [Empfehlungen... 2019].

Несмотря на активную деятельность лингвистов и политиков, работа по созданию и внедрению в обиход гендерно-корректных формулировок еще далека от завершения. Не все из созданных форм встречают отклик у читающих / слушающих, сопротивление новым формам объясняется насильственностью, неестественностью их введения в обиход — как известно, искусственно созданные формы часто отторгаются языком*. Однако эксперты считают, что странные на взгляд сегодняшнего говорящего формы уже завтра могут стать нормой [Diewald 2018: 207].

* Подробное изложение причин отторжения новых языковых форм см., например, [Слинина, Нифонтова 2021].

1.7. Маскулинность и фемининность современной политической коммуникации

Изменения в современном обществе диктуют новые условия коммуникативного взаимодействия во всех типах дискурса. Не является исключением и политический дискурс, где его равноправными участниками являются как мужчины, так и женщины [Синеокая 2017: 128]. Данный факт подтверждается лидирующими позициями женщин-политиков в современной Европе: Англии (Т. Мей), Германии (А. Меркель), в Дании (Т. Шмидт), Ирландии (М. Макэлис), Литве (Д. Грибауйскайте), Норвегии (Э. Сольберг), Финляндии (Т. Халонен); в Северной и Южной Америке: Аргентине (К.Ф. Де Киршнер), Бразилии (Д. Русеф), США (Х. Клинтон), Канаде (К. Кэмпбелл), Чили (М. Бачелет), а также в Индии (П. Патиль), в Корее (Пак Кын Хе); в Либерии (Э. Джонсон-Серлиф), России (В. Матвиенко, Э. Набиуллина) и многих других странах. При этом именно политическая арена в Германии достаточно ярко демонстрирует многообразие политических взглядов у женщин-лидеров (ХДС — А. Меркель, У. Фон дер Ляйен, Ю. Клэкер; партия Левых — С. Вагенкнехт, Я. Висслер, К. Киппинг, К. Лэй; СПГ — Ю. Зайферт, А. Налес, М. Швезиг; Альтернатива для Германии — М. Мерц, Ф. Петри, Б. Шторх).

Необходимо отметить, что женский политический дискурс в Германии претерпел долгий поступательный процесс своего становления, где значительное влияние на процесс вовлечения женщин в политику оказало феминистское движение по всему миру [Синеокая 2017: 128]. Рассмотрим женский политический дискурс и его особенности.

Для начала обратимся к историческим источникам зарождения женского политического дискурса и посмотрим, когда политическая арена стала доступна и для женщин.

К участию женщин в политической жизни страны привело феминистское движение, выступающее за коллективные стремления женщин в группах, организациях и сетях по обеспечению гендерного равенства на социальном, культурном, правовом, экономическом и политическом уровнях с учетом различий между полами [Gerhard 1999:

87]. Изучением феминистского движения занимались или занимаются ученые в области лингвистики [Белик 2003; Каракулова 2017; Мясникова 2012; Цветкова 2013; Connell 1987; West, Zimmerman 1991; Abbot, Wallace 1997], философии [Воронина 1995; Хитрук 2015], истории [Будде 1999], политологии [Айвазова 2007; Овчарова 2012; Dörfler, Kaindl 2019], социологии [Досина 2010; Рабжаева 2002; Richter 2006], психологии [Бендас 2006; Берн 2002; Eagly, Karan, Makhijani 1995 и др.].

Анализ истории феминистского движения позволил выделить следующие три этапа его развития в Германии:

- «экофеминизм» — 1840—1920 гг.,
- «женская революция» — 1960—1970 гг.,
- «постфеминизм» — 90-е годы XX в.

Рассмотрим эти этапы подробнее.

История феминистской мысли в Германии началась с публикации работы Т. фон Гиппеля «Об улучшении гражданского положения женщин» (1792), в которой автор требовал равноправия для обоих полов и предлагал мужчинам достичь этой цели, поскольку женщины воспитаны с мыслью о том, что они неспособны заниматься политической деятельностью [Hirpel, 1979]. Середина XIX в. характеризуется организованным женским движением за права женщин. Этот период считается «первой волной» феминизма, на его развитие большое влияние оказала, как и в других странах, национальная духовная культура, преимущественно ее естественнонаучные достижения. Поэтому феминизм в Германии получил название *экологического*, или *экофеминизма* [Künzel 2009: 21]. Экофеминизм базируется на рассмотрении таких противоположностей современного общества, как естественно-искусственное (техническое, властное, политическое), а также природно-культурное. Патриархат, следуя логике немецкого феминизма, организует войну против природы и против женщины.

Следует заметить, что, несмотря на конституционно-монархический строй, политическая общественность в Германии подчинялась многочисленным государственным нормам: запреты на свободу ассоциаций и собраний, свободу прессы и свободу выражения мнений. Большинство этих положений были смягчены или полностью отменены с

образованием Рейха в 1871 г. С этих пор запрет на политическую деятельность распространялся сначала только на женщин, а позже и на рабочий класс [Paulus 2007].

Начало «первой волны» феминизма датируется революцией 1848 г. В 1860-х годах возникло два основных направления женского движения: либеральный и марксистский феминизм. Организованное либеральное женское движение началось с основания «Всеобщей ассоциации немецких женщин» (АДС) в 1865 г., наиболее активными представителями движения были А. Шмидт (1833—1902), Г. Гольдшмидт (1825—1920) и Л. Отто-Петерс (1819—1895), последняя из которых является основательницей движения. Либеральное женское движение выступало за доступ женщин к высшему образованию и за их право на труд в существующем классовом обществе [Dehnavi 2016]. Яркими представителями «либерального феминизма» являются Мэри Уолстонкрафт («Защита прав женщин», 1792), Джон Стюарт Милль («Зависимость Женщины», 1851), Гарриет Тейлор, Элизабет Кэди Стэнтон («Декларации позиций и резолюций», 1848), Люси Стоун, Сьюзан Энтони, Джозефин Батлер, Бетти Фридан.

В последней трети XIX в. возникало все больше и больше рабочих объединений, в том числе «Ассоциация защиты интересов трудящихся», которая боролась за улучшение условий труда и равную заработную плату для обоих полов. Внутри марксистского женского движения возникла борьба интересов между революционным и реформаторским лагерями [Wurms 1998: 65—81]. Известным защитником марксистского женского движения был А. Бебель (1840—1913), который отстаивал необходимость освобождения женщин как условие равноправного социалистического общества [Bebel 1979]. Выдающимся представителем марксистского и одновременно критиком либерального женского движения считалась К. Цеткин [Dehnavi 2016].

В то время как марксистское женское движение рассматривало себя как часть рабочего движения и критиковало существующий капиталистический экономический порядок, либеральное движение боролось за равные права женщин. Х. Ланге (1848—1930) выступала с конца XIX в. за школьное образование для девочек и допуск женщин к учебе.

С 1894 г. некоммерческие женские ассоциации среднего класса объединились в «Ассоциацию немецких женских союзов», чтобы бороться за улучшение положения женщин на экономическом, правовом, социальном и интеллектуальном уровнях. Радикальное крыло «Ассоциации за права женщин» (среди его представителей были А. Аугспург (1857—1943) и Х. Штёкер (1869—1943)) боролось за право женщин голосовать. Не менее важными аспектами борьбы были защита сексуальности и материнства для незамужних женщин [Hamelmann 1992]. Б. Паппенхайм (1859—1936) основала Союз еврейских женщин Германии (1904), который считался одной из наиболее значимых организаций феминистского движения и боролся за выдвижение женщин на руководящие посты в ведущих еврейских организациях Германии и за изменение статуса женщин. Наиболее масштабными были либерально-феминистские организации в Германии (как и в Швеции, Дании, Исландии и Японии), но менее масштабными по сравнению с США и Великобританией; средними по масштабу были женские организации в Канаде, Франции, Голландии, на Кубе и в Мексике.

Основная задача «экофеминизма» была решена к 20-м годам XX в. В результате Ноябрьской революции 1918—1919 гг. женщины Германии получили избирательное право. Женщины могли выбирать и представлять свою кандидатуру на выборах. 19 января 1919 г. в числе избирателей были 17 миллионов женщин и 15 миллионов мужчин. Участие в выборах приняли 82,3% женщин и 82,4% мужчин, 310 женщин было выдвинуто кандидатами в депутаты в Национальное собрание, что составляло 9,6% от общего числа женщин-депутатов. Для сравнения: в первом Рейхстаге в 1920 г. из 459 депутатов было 36 женщин (8%). В восьмом Рейхстаге в 1933 г. из 647 депутатов было 29 женщин (3,9%) [Paulus 2007]. Несмотря на то что количество мужчин во всех политических органах Германии значительно превосходило количество женщин, все же с получением избирательного права одна из главных целей женского движения была достигнута и его популярность снизилась.

Следует упомянуть четырех женщин, благодаря которым в Германии впервые в истории на законодательном уровне было закреплено гендерное равенство: Э. Зельберт, Ф. Надиг, Х. Вебер и Х. Вессель. «Муж-

чины и женщины имеют равные права» — часть статьи 3 Основного закона Федеративной Республики Германия была принята по инициативе социал-демократа, доктора Э. Зельберт. Ее просьба включить пункт о равенстве в Основной закон была первоначально отклонена Парламентским Советом. Поэтому Э. Зельберт призвала женские ассоциации, профсоюзных активистов и женщин-членов Ландтага к публичным протестам. Консервативные женские ассоциации также присоединились к этим протестам. Тот факт, что дополнение к статье 3 в конечном итоге получило одобрение партии ХДС в 1949 г., объясняется тем, что положения о равенстве оставались расплывчатыми. Таким образом, соблюдение гендерного равенства стало одной из задач немецкого государства [Eysen 2019: 156].

Итак, получив право избирать, женщины не остановились на своих требованиях, и после Второй мировой войны одной из важнейших задач женского движения становится борьба за фактическую реализацию прав женщин, признанных в законодательном порядке. Протестные выступления 1960—1970-х годов в Европе и США приводят к массовому феминистскому движению, которое называется **«женская революция»**. Общее требование феминисток — борьба за право не только избирать, но самим входить во властные структуры. Родоначальницей и теоретиком «второй волны» стала Симона де Бовуар [Бовуар 1997]. Размышления о сходстве и различии полов в ее книге «Второй пол» повлияли на развитие женского движения. В отличие от женского движения первой волны, феминизм второй волны решал проблемы, связанные с фактическим неравенством, сексизмом, оплатой труда и репродуктивными правами. Ключевым требованием было «право выбора»: женщины стремились сами распоряжаться собственной жизнью. Борьба женщин велась за право на работу, равенство возможностей продвижения по ступеням карьеры, равную оплату за равный труд. Выдвигалось требование отмены дискриминационных по отношению к женщинам законодательных актов.

18 декабря 1979 г. была принята Конвенция ООН, направленная на защиту прав женщин и вступившая в силу 3 сентября 1981 г. В ней женщина признается таким же полноценным субъектом истории,

как и мужчина, а ее личность оценивается выше, чем ее «природное назначение», в ней подчеркивается, что рождение детей, продолжение рода — право, а не обязанность женщины. Феминистское движение вынудило власть допустить, наконец, и женщин к сфере управления обществом. Сфера политики из мужской стала превращаться в «смешанную».

«Женская революция» изменила взгляды на роль женщины в современном обществе. Несмотря на значительный прогресс в отношении положения и правовой защищенности женщин, вторая волна не добилась реализации своих целей в полном объеме. Однако именно «вторая волна» навсегда разрешила проблему экономической незащищенности женщин — они, наконец, получили свободный выход на рынок труда, что привело к совершенно новому представлению о реальной гендерной политике.

Чуть позже, в 1989 г., женщинам социалистических и социал-демократических партий в Европе удалось совместно создать манифест левых женщин Европейского сообщества. Это был призыв к своим партиям содействовать равноправию женщин по мере развития единого европейского рынка. В шестистраничном документе, который был опубликован перед выборами в третий Европейский парламент, были сформулированы все важные требования и критика общества, разделенного по половому признаку. Он был направлен на изменение национальных экономик с упором на вопросы, связанные с занятостью женщин. Требования были следующими:

- равные возможности в мире труда и работы,
- поддержка женщин,
- меры по совмещению работы и семейной жизни, такие как преобразование декретного отпуска в отпуск по уходу за ребенком, дневной уход с гибким графиком работы и сокращение рабочего времени для отцов,
- декриминализация аборта,
- классификация изнасилования в браке как уголовного преступления,
- правовой запрет сексуальных домогательств на работе,

- независимое от брака право на проживание для иностранок,
- меры против растущей бедности женщин,
- меры по экологически чистой энергетической политике,
- меры по всеобъемлющей политике мира, которая включает борьбу с эксплуатацией, голодом, обездоленностью и особый учет интересов женщин в процессе развития,
- международная солидарность [Eysen 2019: 269].

В связи с неразрешенностью ряда проблем, поднятых феминистками второй волны, наметилась «третья волна» феминизма, которая обращает внимание не столько на женщин, сколько на понятия гендера и гендерной самоидентификации. «Третья волна» феминизма — «постфеминизм», начало которого связывают с 90-ми годами XX в. Дискурс феминизма сегодня по большей части занимается проблемами психологического комфорта, экономической и физической защищенности, социальной ролью женщины. Вопросы женщин и гендера рассматриваются в контексте политики, экономики и права [Dackweiler 2000; Lenz 2004: 672—674; Wichterich 2007]. С каждым годом все большее число женщин входит во власть, и женщины активнее реализовывают свое право на политическую деятельность. Посмотрим цифры, показывающие вовлеченность женщин в политику.

В Германии доля женщин с мандатами бундестага до 1987 г. была менее 10%. В выборах бундестага в 1987 г. число женщин-депутатов возросло до 15,4%. Участие женщин в деятельности ландтагов и местных органов власти в среднем было выше, чем в бундестаге [Fuhmann 2005: 99]. В 1961 г. пост федерального министра впервые заняла женщина — Элизабет Шварцхаупт, министр здравоохранения. Политическая мобилизация женщин в новом женском движении 1970-х годов изначально не проявлялась в более сильном парламентском и исполнительном представительстве. Партия Зеленых — единственная партия, которая в 1986 г. решила, что женщины должны занимать не менее 50% всех должностей в различного рода комитетах. В СДПГ в 1988 г. было также принято положение о квотах, которое предусматривало квоту для женщин не менее 40% и не более 60%. Тем не менее доля женщин осталась ниже 30%. До 1990 г. в ХДС / ХСС оставалось менее

10% женщин-членов бундестага [Fuhrmann 2005: 100]. Только в 1994 г. доля женщин-депутатов бундестага возросла до 26,3%. Доля женщин на постах министров составляла 17,6%. В 1998 г. число мандатов бундестага повысилось до 30,9%. В период с 2002 по 2006 г. женщины занимали 46,2% мест в кабинете министров. Их доля среди депутатов бундестага увеличилась до 32,8% [Fuhrmann 2005: 104]. До недавнего времени женщина занимала пост федерального канцлера Германии, еще 5 женщин занимают посты в кабинете министров (33,3%), доля женщин в парламенте составляет 32,1%. Интересным является факт, что Европарламент в 2012 г. принял резолюцию, предлагающую ввести квоты на участие женщин в политике и бизнесе («Поддержка участия женщин в деятельности политических партий»). По мнению авторов документа, для достижения гендерного баланса в руководящих органах ЕС на должность еврокомиссаров должны в обязательном порядке выдвигаться кандидаты обоих полов. В течение последнего десятилетия гендерные квоты были введены в ряде стран-участниц ЕС в целях достижения гендерного баланса в принимающих решения выборных органах, например, в парламентах (национальных, региональных и европейских), правительствах и местных советах. Квоты устанавливаются минимальный фиксированный процент, от 20 до 50%, необходимый для представительства женщин в списках кандидатов и, соответственно, в выборных органах. Отметим, что гендерная политика канцлера Германии А. Меркель привела к растущему числу женщин в правительстве. Согласно исследованиям Фонда Генриха Бёлля, число женщин в немецком бундестаге с 1990 по 2017 г. выросло с 20,5% до 30,9% [Frauen... 2018]. Статистика сайта de.statista.com показывает число женщин в составе политических партий Германии к концу 2018 г.: партия Зеленых насчитывает 40,5% женщин, Левая партия — 36,4%, СДПГ — 32,6%, ХДС — 26,3%, СвДП — 23,7%, ХСС — 20,7%, АдГ — 17,1% [Frauenanteil... 2021].

В мировом масштабе в период с 60-х годов XX в. по настоящее время демократически избранными главами государств и правительств стали более 20 женщин. Первой женщиной, возглавившей правительство, стала С. Бандаранайке (1960, Шри-Ланка), первой женщиной-президен-

том — И. Перон (1974, Аргентина), первой женщиной, занявшей президентский пост в результате выборов, — В. Финнбогадоттир (1980, Исландия), первой женщиной, возглавившей правительство в мусульманской стране, — Б. Бхутто (1988, Пакистан).

Таким образом, мы видим, что феминистское движение повлияло на общемировой процесс вовлечения женщин в политику, на становление женского политического дискурса. Феминистское движение Германии привело к появлению все большего количества активно действующих в политике женщин, в том числе на посту федерального канцлера (страной с 2005 по 2021 г. руководила женщина). Однако несмотря на достижения феминистских движений, политическая реализация равноправия между мужчинами и женщинами в немецком обществе не соблюдается в должной мере и в настоящее время. Так, к примеру, по данным сайта de.statista.com, в 2018 г. число женщин на руководящих должностях составляло 22,6% от общего числа сотрудников [Frauenanteil... 2023].

Изменение ролей женщин и мужчин в обществе и, в частности, в сфере политики повлияло на стремительный рост исследований, посвященных изучению гендерных особенностей коммуникативного поведения женщин и мужчин, действующих в политической сфере. Этим вопросом занимаются социологи [Айвазова 2017; Досина 2010; Рябова 2008; Abbot, Wallace 1997], психологи и гендерологи [Бендас 2000; Берн 2002; Бушуева 2010], политологи [Айвазова 2016; Овчарова 2016; Фёдорова 2008]. Лингвисты тоже не остаются в стороне от этого актуального направления исследований, они рассматривают не только реализацию фемининности и маскулинности в политической коммуникации, но и анализируют фемининные и маскулинные коммуникативные стратегии и тактики в политическом дискурсе.

Характерной особенностью современного политического дискурса служит то обстоятельство, что его равноправными участниками, как уже было показано выше, являются как мужчины, так и женщины. Однако до недавнего времени для политического дискурса характерным было стереотипное изображение женщины и ее роли в сфере политики: считалось, что женщина должна заниматься домашними делами

и не способна занимать руководящие должности. Мужчинам же общество предлагает жесткую борьбу и конкуренцию, от них ждут побед, наступательного поведения, доминировани без шанса на неудачи и поражения [Ашинова 2008: 115; Бушуева 2010: 144]. Фемининное поведение определяется как слабое, мягкое, эмоциональное. И если женщина проявляет «маскулинный» стиль поведения, ее, как правило, оценивают отрицательно и такое поведение считается скорее исключением, отхождением от нормы.

Лингвистические исследования политического дискурса были долго направлены в основном на описание маскулинности политической речи [Nietzsche 1996; Водолазов 2005]. И только когда изменилась роль женщины в обществе и женщинам был открыт путь в сферу политики, женщины укрепили свои позиции на политической арене, стало актуальным описание места женщины в сфере политики, выделение и исследование женского политического дискурса, который активно исследуется сегодня [Ашинова 2008; Бушуева 2010; Мукашева 2016; Рябова 2016; Фёдорова 2008; Abbot, Wallace 1997; Dörfler, Kaindl 2019; Kürschner 2010; Männle 1993; Richter 2006; Walczewska 2012 и др.]. Согласно проведенным исследованиям, женский стиль политического лидерства предполагает сочетание как «мужских», так и «женских» коммуникативных приемов и стратегий [Бушуева 2010: 145; Radcke 2001: 62; Richter 2006: 140].

Для мужского типа коммуникации характерны склонность к психологической «глухоте» по отношению к собеседнику [Земская, Китайгородская, Розанова 1993: 119], сконцентрированность мужчины на интересующей его теме и отсутствии ориентации на речевого партнера, игнорирование мнения собеседника, его вопросов или ответов [Мукашева 2016: 95]; доминирование в общении [Ашинова 2008: 115]; нежелание переключаться на бытовые, контактоустанавливающие темы, что является проявлением соперничества в коммуникации, желанием победить в коммуникативной битве [Земская, Китайгородская, Розанова 1993: 115—135].

Мужчины восприимчивы к языковым новшествам, охотно используют их в речи. Язык мужчин является более спонтанным, их речь

менее эмоциональна по сравнению с женской речью, это выражается в ограниченном использовании стилистических приемов [Каратышова 2015: 18]; использовании большого количества абстрактных существительных, частом употреблении вводных слов со значением констатации, преобладании глаголов активного залога [Земская, Китайгородская 1993: 115—135]. В разговоре мужчины чаще оспаривают мнения и утверждения партнера, чаще выражают несогласие. Мужчины больше женщин спорят, демонстрируют свою компетентность, доказывают свою правоту, приводят аргументы с целью убеждения [Скаженик 2006], склонны к выражению отрицательных эмоций [Каратышова 2015: 2], находят интересными обсуждение таких тем, как спорт, политика, экономика, история, и реже говорят о чувствах, предпочитают замалчивать личные проблемы. Мужчины общаются, чтобы получить информацию, укрепить свой статус, продемонстрировать свою независимость. Они прямолинейны, их речь конкретна и направлена на конкуренцию. Мужская коммуникация характеризуется как менее гибкая по сравнению с женской [Каратышова 2015: 2].

Все перечисленные языковые средства ведут к напряжению в диалоге, спору, конфронтации*. Однако следует отметить, что мужчина-политик ведет продуманную конфронтацию в коммуникации, где ее целью является убеждение партнера по коммуникации в правильности своих взглядов и суждений, склонение собеседника на свою сторону.

В соответствии с вышеизложенным мужское речевое поведение в политической коммуникации определяется нами как *конфронтационное*.

Реализация фемининности и маскулинности в политической коммуникации позволяет выделить черты женского речевого поведения, к которым относятся, на наш взгляд, следующие: женщины часто используют уменьшительно-ласкательные суффиксы [Бушуева 2010: 149]; прибегают, в отличие от мужчин, к косвенным речевым актам для вежливости или смягчения высказанной просьбы [Евтушенко 2017: 127]; жен-

* Конфликтология определяет *конфронтацию* (от лат. *con* — вместе, *frons* — лоб) как один из этапов грамотного поведения в конфликте, как подход к ведению переговоров, основанный на стремлении отстоять свои интересы и не дать партнеру реализовать свои интересы [Анцупов, Шипилов 2009].

щины лучше умеют сосредоточиться на речи собеседника [Кирилина 2005: 25]; речевое поведение женщин характеризуется в целом как более «гуманное», мягкое, дружелюбное, вежливое и эмоциональное в отличие от поведения мужчин [Ячкова 2008: 36]. Женщины больше мужчин склонны к сглаживанию острых тем в разговоре, компромиссам, нацелены на диалог и сотрудничество, всегда идут на контакт [Бушуева 2010: 148]. Так, большинство психологов, лингвистов и социологов утверждают, что женщина в диалоге высказывает больше сожаления, для речи женщин характерно улаживание конфликта, кооперация в разговоре [Анцупов, Шипилов 2013; Грошев 2012]. Они общаются, чтобы завязать новые знакомства, наладить коммуникацию и обменяться чувствами, избегают прямолинейности, их речь эмоциональна. Женщины имеют потребность в заботе, понимании, уважении, обязательствах, безопасности. Эти потребности выражаются чаще через косвенный призыв [Schürch 2009: 13]. Цели женщин и мужчин в политической коммуникации совпадают — это убеждение партнера по коммуникации. Разница лишь в том, что женщины-политики добиваются этой цели более мягко, используя при этом митигативные стратегии и тактики [Каракулова 2016; Тахтарова 2010].

Такое речевое поведение женщин-политиков определяется как направленное на сотрудничество и кооперацию*. Сотрудничество требует более кропотливой работы по сравнению с конфронтацией, так как сначала оба — политик и его собеседник — освещают свои взгляды, интересы, задачи, а затем совместно обсуждают их. Это хороший способ поиска результата, который устроит обоих собеседников и удовлетворит интересы обеих сторон. Целью такого общения является поиск компромисса.

Основой коммуникации является установка на кооперацию или отсутствие таковой. В связи с этим коммуникативные стратегии разделяются исследователями на два типа: *маскулинные коммуникативные стратегии соперничества (конфронтационные)* и *фемининные комму-*

* Сотрудничество определяется в конфликтологии как стратегия поведения в ситуации конфликта, ориентированная на совместный поиск решений, удовлетворяющих интересы всех сторон [Давлетчина 2005: 40].

никативные стратегии сотрудничества (кооперативные) [Ашинова 2008; Кириллова 2012; Мукашева 2016]. В отличие от кооперативных стратегий, в основе которых лежит принцип кооперации или сотрудничества, конфронтационные стратегии направлены на доминирование одного из участников коммуникации.

Типичные признаки женского речевого поведения, такие как уступчивость, кооперативность [Бушуева 2010: 148], меньшее по сравнению с мужчинами использование перформативов, эмоциональность и экспрессивность [Кирилина 2005: 26], направленность на собеседника [Щербакова 2013: 209], не способствуют восприятию содержания сообщений, так как создается впечатление о неуверенности говорящего. Стремление женщин соответствовать гендерному стереотипу выражается в использовании лексем, принадлежащих к семантическому полю «семья» [Буцык 2016: 93]. Так, на официальных Интернет-страницах в разделе личных данных канцлер Германии А. Меркель говорит о своей любви к совместным прогулкам с мужем и посещению футбольных матчей [Angela Merkel...].

Внешне женщины-политики сохраняют и подчеркивают свою женственность через определенный выбор одежды (юбки и платья вместо брюк), яркие аксессуары и предметы одежды, стильные женские прически, макияж. Наглядным примером является бывший канцлер Германии А. Меркель, предпочитающая носить яркие однотонные пиджаки разных цветов, представляющая абсолютно осознанно образ, состоящий из фемининно-маскулинного микса: внешней женственности в сочетании с жесткими по смыслу политическими темами [Våg 2010: 51]. Сопредседатель партии Левых К. Киппинг также выбирает агрессивный красный цвет в одежде и красную губную помаду. Этот цвет ассоциируется обычно с лидерством, доминированием, властью [Бабайцев 2007: 57].

Однако специфика современной политической коммуникации требует от женщин сочетания черт мужского и женского стиля в политических выступлениях. В качестве мужских тактик женщины-политики используют наступательность, решительность, категоричность, доминантность [Диасамидзе 2010: 10]. В меньшей степени в их речи

проявляются кооперативность, эмоциональность и дружелюбие [Щербакова 2013: 211]. Слушая выступления и интервью женщин-политиков, можно отметить уверенный тон в голосе, а иногда напористость, агрессию и импульсивность (особенно это типично для выступлений сопредседателя партии Левых К. Киппинг), выдерживание пауз с целью подчеркнуть важную информацию, сдержанность в жестике и мимике. От тона голоса зависит восприятие речи, поэтому женщины-политики вынуждены учиться говорить громко, акцентируя внимание на важном [Hamm-Brücher 1999: 334].

Выбор тем для обсуждения различается в интервью мужчин и женщин [Dörfler, Kaindl 2019: 29]. У женщин-политиков темы более приближены к жизни, они касаются семьи, молодежи, детей, образования, социальных проблем. Так, например, проблема безработицы чаще поднимается женщинами-политиками, а проблема экономического развития более интересна мужчинам [Roth 2010: 63]. Мотивом для политической работы со стороны женщин-политиков выступает потребность помогать другим, бороться против социального неравенства, дискриминации в обществе, в целом за большую демократию [Dörfler, Kaindl 2019: 32; Männle 1993: 125]. Можно сказать, что женщины привнесли с собой в сферу политики новые акценты и расширили спектр обсуждаемых политических тем.

Необходимость интеграции в сферу политики и, следовательно, объединения черт мужского и женского стилей поведения приводит к проявлению у женщин мужских черт и применению маскулинных стратегий в коммуникации, которые определены нами как конфронтационные, поляризирующие взгляды, мнения, суждения, цели адресанта и адресата, главной целью которых является убеждение собеседника в своей правоте (в большинстве случаев дискурс конфронтации ориентирован на разрешение спора), одержание победы в споре.

Конфронтационное общение основывается, таким образом, на противопоставлении своего мнения мнению оппонента и убеждении в истинности своих суждений. Следовательно, весь арсенал конфронтационных стратегий можно разделить на стратегии противопоставления и убеждения.

Стратегия противопоставления выражается в критике собеседника, опровержении его высказываний с целью дискредитации, оскорбления, унижения, упрека, обвинения, насмешки, конфронтации, а в итоге — создания конфликта. Здесь следует согласиться с мнением М.В. Грибовой о том, что противопоставление является одним из приемов языкового манипулирования.

Рассмотрим в следующем примере употребление сопредседателем партии Левых К. Киппинг маркеров стратегии противопоставления. К. Киппинг описывает плачевную ситуацию в Европе, обвиняет ЕС в негуманном отношении к беженцам, призывает ЕС не копировать поведение США в вопросе отношения к беженцам, а стать примиряющим звеном. Политик сравнивает ситуацию в США и Европе:

[1] *Kipping: Die Situation mit Blick auf Europa ist verheerend. Ich schlage eine EU-weite Fluchtumlage vor. Das bedeutet: Ein Verteilungsschlüssel gemessen an der Wirtschaftskraft und Bevölkerungszahl eines Landes bestimmt, wie viel Prozent der jährlich ankommenden Geflüchteten ein Land aufnehmen muss. Länder oder Regionen, die deutlich mehr aufnehmen müssten, bekämen deutlich höhere Förderungen aus Fonds. Damit würde man eine positive Anreizstruktur schaffen. Leider ist es in der EU gegenwärtig so, dass diejenigen sich finanziell einen schlanken Fuß machen, die sich unmenschlich gegenüber Flüchtlingen verhalten. Angesichts der USA mit Trump an der Spitze ist es umso wichtiger, dass die EU sich als Gegenkraft aufstellt. Sie darf den Weg der USA nicht noch einmal kopieren und als Weltpolizist und Militärmacht agieren, sondern muss Friedensmacht sein* [Illner 2018].

Мы видим, что для данной стратегии характерно использование сравнительной степени (...ist es umso wichtiger, dass...; bekämen deutlich höhere Förderungen aus Fonds...), маркеров чуждости (diejenigen), клише (Wirtschaftskraft, Bevölkerungszahl), лексем с негативной оценкой (einen schlanken Fuß machen). Обвиняя Европу в происходящем, К. Киппинг указывает на недостатки европейской политической деятельности, на отрицательное отношение к капитуляции СПГ и предлагает членам

партии СПГ, чувствующим себя некомфортно, перейти в партию левых. Осуждая партию СПГ и их политическую деятельность, К. Киппинг противопоставляет им себя и свои взгляды, представляет себя в лучшем свете, используя при этом усилительные слова (*natürlich, genau, nur*), отождествление (*mich als Linke*), чтобы звучать более убедительно:

[2] *Kipping: Natürlich lässt es mich als Linke nicht kalt, dass die SPD sich ins Abseits katapultiert hat. Es tritt jedoch genau das ein, was wir in der Vergangenheit bereits mit Sorge formuliert haben: Wenn die SPD sich wieder in eine Koalition mit der CDU begibt, wird sie ihr Ziel, die Partei zu erneuern, kaum umsetzen können. Ich kann nur sagen: Wir wollen denjenigen, die sich bei der SPD nicht mehr zu Hause fühlen, ein Angebot machen und eine Andockstelle bieten* [Illner 2018].

Противопоставляя свое мнение мнению оппонента, К. Киппинг зачастую представляет свое видение ситуации, прогнозирует возможные результаты, последствия и риски в случае, если она сложится иначе, чем предполагает сама говорящая. Акцентируя внимание на ошибках прошлого, К. Киппинг убеждает оппонента в правильности своих суждений, с помощью риторического вопроса заостряет внимание на проблеме и сама же на него дает ответ. Аппелляция к возможному результату придает высказыванию аргументативную силу.

Рассмотрим еще один пример. Сопредседатель партии Левых К. Киппинг при ответе на вопрос задает риторический вопрос с целью выделения важной информации и далее поясняет, что в случае противостояния людей разного происхождения задача Левых состоит в том, чтобы объединить их вместо того, чтобы поощрять их оппозицию. Предложение с *wenn* помогает К. Киппинг спрогнозировать ситуацию, упрекнуть партию Левых и представить себя как политика, более компетентного и разбирающегося в политических делах:

[3] *Kipping: Ich frage viel mehr in der Sache: Wer definiert denn, was „legitime“ Gründe sind, das eigene Land zu verlassen? Wenn Menschen unterschiedlicher Herkunft und mit unterschiedlichen Pässen gegeneinander*

ausgespielt werden, ist es die Aufgabe der Linken, sie zusammenzubringen, anstatt sie in dem Gegeneinander zu bestärken [Illner 2018].

Что касается коммуникативной стратегии убеждения, то она направлена на завоевание и удержание власти, что, как уже говорилось, является целью политического дискурса. Поэтому стратегию убеждения, на наш взгляд, можно считать основной стратегией политического дискурса. Как известно, при убеждении воздействие направлено на изменение отношения оппонента к окружающей действительности, к уже известной информации. Стратегия убеждения объединяет в себе тактики аргументирования, подчинения, захвата инициативы, в рамках стратегии убеждения критикуется собеседник, выражается несогласие с мнением оппонента, приводится аргументированное обоснование несостоятельности его доводов в пользу высказываемого убеждения [Синеокая 2019: 118]. Подобное речевое поведение в политической коммуникации практикуется для привлечения внимания слушателя и создания возможности манипулировать им, осуществляя воздействие в скрытой форме [Климинская 2011: 24].

Женщины-политики в своих интервью с целью убедить оппонента также охотно ссылаются на других политиков и известные личности или цитируют их. Так, например, вице-председатель партии АдГ Б. Шторх цитирует слова министра С. Листхауг, партия которой сравнима с партией АдГ. Тем самым политик выражает свое согласие с министром, как бы относя себя при этом к ее лагерю:

[4] *B. von Storch: Die norwegische Ministerin Sylvi Listhaug sagte, durch den islamischen Terror in Europa könnten die Europäer jetzt besser nachvollziehen, was Israel seit Jahrzehnten durchlebt. Listhaug gehört der Fortschrittspartei an, die politisch vergleichbar mit der AfD ist. Aus diesen Gründen bin ich für eine enge Kooperation mit Israel auf wirtschaftlicher, politischer und kultureller Ebene* [Fritz 2017].

Канцлер Германии А. Меркель довольно часто ссылается на известных людей или приводит их в пример:

[5] *Merkel: Auf dem G20-Frauengipfel hat die niederländische Königin Máxima eine Definition für Feminismus gefunden, der ich mich anschließen kann: Für sie ist es Feminismus, wenn ich dafür bin, dass Männer und Frauen die gleichen Lebenschancen haben* [Hensel 2019].

Ссылки на авторитет и опора на мнения известных персон помогают политику говорить более аргументированно. Электорату в таком случае политик кажется более профессиональным и убедительным.

Часто в интервью женщины-политики в качестве аргумента приводят *примеры из личной жизни* или примеры по обсуждаемой теме:

[6] *Merkel: Ich werde nie vergessen, wie ich als Jugendministerin türkischstämmigen Jugendlichen begegnet bin* [Hensel 2019].

Использование *усилительных частиц* также помогает выглядеть более убедительно и достаточно часто встречается в речах женщин-политиков:

[7] *Kipping: Natürlich werden weiterhin Güter produziert — nur mit weniger Personaleinsatz* [Illner 2018].

Репертуар тактик, реализующих кооперативную стратегию, разнообразен. К ним, по мнению разных ученых, относятся: тактика сближения, тактика демонстрации сдержанного отношения к собеседнику, принадлежащему к другой лингвокультуре или исповедующему иные принципы и политические взгляды, тактика отказа от предрассудков и условностей, тактики совета, просьбы, уточнения, извинения, согласия, уклонения от ответа, комплимента, похвалы, одобрения, умалчивания, принятия нейтралитета, сохранения паритета в общении, тактика просьбы, тактика уточнения, тактика извинения, тактика согласия, тактика комплиментации; тактика умалчивания, тактика принятия нейтралитета и тактика уклонения от ответа [Кошкарлова 2015: 30]. Стратегия кооперации направлена на уступку, сотрудничество и компромисс. Для реализации этой стратегии политические

деятели используют лексические единицы с положительной оценкой, опираются в своей речевой деятельности на такие свойства языка, которые позволяют найти компромисс в решении спорных вопросов, избежать деструктивных форм взаимодействия, агрессивного речевого поведения. Все языковые формы и приемы на службе реализации принципов кооперативного общения объединяются в арсенал стратегий митигации и консенсуса — основных стратегий кооперативного общения.

Митигативная стратегия используется с целью ослабить словесную конфронтацию и/или уменьшить напряженность (связанную с негативными эмоциями) в словесном конфликте.

Модальные глаголы в Konjunktiv (*könnte, müsste, sollte*) и страдательный залог употребляются с целью митигативного оценивания. В следующем примере вице-председатель партии АдГ Б. фон Шторх, обсуждая своего конкурента З. Габриэля, смягчает негативную оценку его деятельности при помощи неопределенно-личной конструкции (*man kann als... bezeichnen*), добавляет к этой фразе модус допущения *vielleicht*, указывая на степень истинности, уверенности в оценке. Затем Б. фон Шторх дает свою оценку происходящему и говорит, что в будущем такие вопросы следует решать иначе:

[8] *Storch: Sigmar Gabriel hat die Kandidatur von Steinmeier arrangiert, um ihn aus dem Außenministerium wegzuloben. Damit wurde das Amt des Außenministers für ihn frei. Er konnte dann die Position des Parteivorsitzenden und Kanzlerkandidaten an Martin Schulz abgeben, und sich damit aus der Affäre ziehen. So etwas kann man vielleicht als kluge Karriereplanung von Sigmar Gabriel bezeichnen, aber nicht als angemessene Art, einen Bundespräsidenten zu finden, der das ganze Volk repräsentieren soll. Das sollte in Zukunft in Deutschland anderes entschieden werden* [Fritz 2017].

Употребление модальных глаголов в сослагательном наклонении и страдательного залога с целью митигативного оценивания мы встречаем и в следующем примере:

[9] *Storch: Der Bundespräsident müsste in solch einem Fall die Unterschrift verweigern und das Gesetz zurückverweisen statt einfach der Erfüllungsgelhilfe der herrschenden Parteien zu sein* [Fritz 2017].

Использование вместе с модальными глаголами маркеров допущения смягчает побуждение и придает высказыванию рекомендательный характер:

[10] *vdLeyen: Für viele, viele Soldaten speist sich daraus heute schon ihr Selbstverständnis. Vielleicht müssen wir das noch stärker herausarbeiten* [Remme 2015].

Если говорить о гендерной принадлежности интервьюируемого, то следует упомянуть, что женщины больше склонны к похвале собеседника, они чаще соглашаются с партнером по коммуникации в целях создания комфортной атмосферы общения и больше нацелены на поиск компромисса в общении [Певнева 2009: 31]. Для женщины важно представлять определенный лагерь, который она ведет за собой, так как женщина не может быть одна.

Поэтому отличительными свойствами стратегии консенсуса являются различные способы выражения положительного отношения говорящего к адресату.

В своих интервью А. Меркель охотно соглашается с собеседником, используя при этом усилительные частицы и наречия:

[11] *Merkel: Vollkommen richtig. Und insgesamt gilt: Es gibt immer Herausforderungen, die wir am besten auf nationaler Ebene lösen können, und andere, über die Europa besser entscheiden kann als der Nationalstaat* [Zastrow et al 2017].

К примеру, А. Меркель часто в своих утверждениях использует лексемы общности (*Zusammenarbeit, Einstimmigkeit, gemeinsame europäische Positionen*). В следующем примере она указывает на совместную работу

(*Zusammenarbeit*) в политике безопасности и интерпретирует внешнюю политику как единогласие (*Einstimmigkeit*), а также призывает всех постараться достичь общих европейских позиций (*gemeinsame europäische Positionen*):

[12] *Merkel: Wir haben die strukturierte Zusammenarbeit in der Verteidigungspolitik jetzt sehr schnell vorangebracht. Es ist ja interessant, welche weiteren Möglichkeiten einer intensiveren Zusammenarbeit der EU-Vertrag noch hergibt, die wir noch gar nicht umgesetzt haben... Außenpolitik bedeutet Einstimmigkeit. <...> Zumindest müssen wir alles versuchen, gemeinsame europäische Positionen zu erreichen* [Zastrow et al 2017].

Употребление лексем общности, местоимений *wir, unser* позволяет женщинам-политикам отождествить себя с электоратом, обществом, государством, вербализовать свою причастность к происходящему. В одном из интервью А. Налес позиционирует себя частью общества, в котором люди-партнеры вместе решают задачи сегодняшнего дня:

[13] *Nahles: Jetzt ist entscheidend, dass wir nicht ständig über Umfragewerte reden, sondern für unsere Themen eintreten und unser Motto in den Vordergrund stellen: Zeit für mehr Gerechtigkeit* [Geyer; Vaters 2017].

Так, А. Налес находит поддержку у избирателей, представляя себя человеком со схожими с электоратом ценностями.

В целом, стремление к солидаризации позволяет эмоционально приблизить и расположить к себе собеседника и избирателей, установить с ними контакт. Стратегия консенсуса выражается также через похвалу, которая характеризуется использованием речевых маркеров с положительной коннотацией, с целью признания заслуг обсуждаемых персон. Так, например, бывший канцлер Германии А. Меркель считает, что в создании женской ролевой модели современности сыграли более важную роль, чем она, другие женщины-политики: Хилари Клинтон и Тэреза Мэй:

[14] *Merkel: Na ja, das ist ein wenig übertrieben. Dazu haben auch andere Frauen in der Politik erheblich beigetragen: Hillary Clinton, Theresa May* [Hensel 2019].

Таким образом, политическая коммуникация характеризуется маскулинными (конфронтационными) и фемининными (кооперативными) стратегиями коммуникации. Маскулинные конфронтационные коммуникативные стратегии, к которым относятся стратегия противопоставления и стратегия убеждения, направлены на критику оппонента, несогласие с его мнением и убеждение в истинности своих мыслей и взглядов. Выделенные и описанные нами кооперативные коммуникативные стратегии митигации и консенсуса имеют одну цель — избежать конфликта, способствовать кооперации в коммуникации. Все они имеют контактоустанавливающую функцию и направлены на сотрудничество. Анализ нашего материала показывает, что в политическом интервью митигативная и кооперативная стратегии используются скорее женщинами-политиками. Маскулинные конфронтационные стратегии используются значительно реже, в специфических условиях политической коммуникации, требующих от женщин-политиков принятия жестких (мужских) решений и определенной доли агрессии в речевом поведении.

Глава 2 ГЕНДЕР В ЗЕРКАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Художественная литература во все времена стремилась ответить на основные вопросы человеческого бытия. Не проходит она и мимо гендерных отношений в современном обществе, отвечая на эти изменения новым витком развития современной гендерно-ориентированной литературы. В текстах, транслируемых этой литературой, очевиден кризис коллективной и индивидуальной гендерной идентичности, его результатом является ревизия гендерных отношений, изменение гендерных ролей и фиксация гендерных перверсий, которые во многом конструируются и транслируются текстами художественной литературы [Афанасьев 2017].

В настоящем разделе монографии авторы обращаются к творчеству двух современных немецких писателей, творчество которых концентрируется на отражении гендерных отношений и конструировании специфической гендерной картины мира. В ее основе — дихотомия «мужское / женское», каждый член которой понимается, с одной стороны, как самостоятельная субкультура, а с другой стороны, вступает во взаимоотношения со своим противочленом, дополняет его [Афанасьев 2017: 13]. Взгляд в гендерное «зеркало» немецкой литературы позволяет реконструировать концептуальные взгляды современных писателей на природу маскулинности / феминности и на способы их репрезентации в художественном тексте.

2.1. О мизогинии в творчестве Томаса Бернхарда (1931—1989): перипетии исследовательского сюжета

«Женская природа изначально чревата предательством. Она создана для подкопов и минирования. Это яд для духа мужчины, для духа вообще, для мужской сути. <...> С научной точки зрения женщина воплощает в себе надругательство над мужчиной... Заклятые враги мысли... Они запрещают мужьям даже газеты читать... Лишь бы не думали... Женщина — орудие разрушения и не способна к дружеским чувствам... Зачинательницы браков и детей, они не лгут только во время родов... Женщины годятся только для постели. Женщина не смыслит в игре. Она — орудие дьявола и виновница трагедии мужского племени» [Бернхард 2000: 321—322]. Эти инвективы в адрес женского пола звучат из уст художника Штрауха, героя дебютного романа «Стужа» (Frost, 1963) классика австрийской литературы Томаса Бернхарда (1931—1989). Они направлены в адрес хозяйки гостиницы, где поселился Штраух. По словам художника, эта женщина живет лишь ради телесных ощущений, «во тьме, образованной жиром и убогими истинами, которые можно пересчитать по пальцам» [там же: 95]. Надоевшего ей мужа она выдает полиции, а в ночь, когда супруга уводят, предается утехам с любовником.

Уничтожающая сила женщины в бернхардовских произведениях оказывается сконцентрирована в образе жестокой матери. Он появляется уже в ранних рассказах писателя «Свинопас» (Der Schweinehüter, 1956), «Унгенах» (Ungenach, 1968), и др. [Ronge 2009a: 52], затем в романе «Корректур» (Korrektur, 1975) и пяти автобиографических повестях (1975—1982) и, наконец, достигает своего наиболее зримого воплощения в *opus magnum* Бернхарда — романе «Изнитожение» (Auslöschung, 1986). Мать главного героя, убежденная национал-социалистка, объявляется главным источником всякого зла в родовом замке Вольфсэгг.

В свою очередь, женщины в произведениях Бернхарда нередко выступают жертвами мужского насилия. В романе «Известковый завод»

(Das Kalkwerk, 1970) насилие закладывается в основу сюжета: герой ставит научные опыты над своей калекой-женой, а после убивает ее. В романе «Корректур» сестра героя погибает в выстроенной им для нее башне. Насилие над женщиной оказывается включено в более широкий контекст насилия в семье. Желая подробнее познакомиться читателя с этой темой в творчестве Бернхарда, издательство «Зуркамп» в 2008 г. выпустило отдельной книгой избранные отрывки из произведений писателя, снабдив их красноречивым названием «Брачный ад» (Die Ehehölle). За семейным насилием, в свою очередь, открывается еще более широкая перспектива — интерес к властным отношениям как таковым. «Одержимость» властью (Machtbesessenheit) [Ruthner 2004: 5] характерна для бернхардовских героев и творческой вселенной Бернхарда в целом.

Пожалуй, явственнее всего женские персонажи предстают жертвами мужского деспотизма в театральных произведениях писателя. В. Хунтеман относит более половины всех пьес Бернхарда к типу, который называет «монологической самопрезентацией художника» (monologische Selbstdarstellung des Künstlers) [Huntemann 1990: 119]. На сцене — персонаж, ведущий непрерывный монолог о проблемах искусства. Им непременно является мужчина. Его окружают молчаливые героини-статисты, безмолвно выполняющие приказы или изредка подающие отдельные реплики. Мужчины в пьесах полностью присваивают себе речь, оставляя протагонистов-женщин немymi слушателями: ср. пьесы «Сила привычки» (Die Macht der Gewohnheit, 1974), «Лицедей» (Der Theatermacher, 1984) и др. «Не говорю, следовательно, не существую», — переформулировав картезианский тезис, описывает В. Ронге положение бернхардовских героинь [Ronge 2016: 202]. Даже том случае, когда женщина что-то произносит, она лишь повторяет слова мужчины и, в итоге, снова оказывается лишена собственных слов, как в драме «Спаситель человечества» (Der Weltverbesserer, 1979) [там же].

Насилие представлено в пьесах не только в его коммуникативном варианте. Бессловесные женские персонажи постоянно становятся участниками сцен, связанных с унижением. Они нередко превраща-

ются в отдельные интерлюдии посреди основного действия. Героиня «Силы привычки» Внучка полностью лишена собственных слов. Касающиеся ее ремарки рисуют образ покорной хозяйину механической игрушки. По приказу деда она «подходит», «показывает ноги», «открывает рот и показывает зубы», «вскидывает руки вверх», «еще дважды вскидывает руки вверх», «от толчка кружится, словно волчок» [Бернхард 1999: 64—67]. В пьесе «Лицедей» жена Брюскон массирует мужу ступни, полирует ему ботинки, убирает осколки разбитого им стекла.

Сара приносит шкатулку, и Брюскон подправляет грим на лице у Госпожи Брюскон:

Больше черного вокруг глаз
я знаю ты черного боишься
До чего же противно подводить черные круги
на твоём лице <...>

(Продолжает гримировать ее до тех пор, пока лицо ее не чернеет почти полностью) [там же: 615].

Центральным, «программным» героем бернхардовских произведений — как романов, так и многих театральных пьес — выступает персонаж, которого сам автор называл «человеком духа» (Geistesmensch) [Bernhard 2005b: 141]*. Он неизменно наделен биографическим сходством с писателем Томасом Бернхардом и занят работой над рукописью: научным трактатом (так, Рудольф в романе «Бетон» (Beton, 1982) пытается написать научный труд о композиторе Феликсе Мендельсоне) или исследованием мемуарно-автобиографического характера (Мурау в «Изнитожении» записывает историю своей семьи). «Человек духа» представляет собой не только особый, уникальный тип героя. По мысли О. Ярауса, эта фигура являет собой «организующий принцип» (Konstitutionsprinzip) бернхардовской прозы: именно речь этого пер-

* Этот тип героя довольно хорошо изучен: Podszun J.F.G. Untersuchungen zum Prosawerk Thomas Bernhards. Die Studie und der Geistesmensch. Entwicklungstendenzen in der literarischen Verarbeitung eines Grundmotivs [Podszun 1998]; Jahraus O. Von Saurau zu Murau. Die Konstitution des Geistesmenschen als Subjekt im Werk Thomas Bernhards [Jahraus 2002] и др.

сонажа и составляет в итоге текст произведения. «Я»-повествование при этом намеренно оказывается организовано таким образом, что провоцирует истолковать монолог героя как высказывание самого автора романа [Jaraus 2002: 69]. Именно «человеку духа» и оказывается в итоге противопоставлена женщина.

Неудивительно, что за австрийским писателем довольно скоро закрепилась репутация мизогина. Весомый вклад в ее создание внесла молодая исследовательница Риа Эндрес (р. 1946), защитившая в 1979 г. во Франкфуртском университете диссертацию по философии на материале прозы Бернхарда. В 1980 г. текст исследования был опубликован отдельной книгой: «Достигнув конца. На примере мрачного безумия мужских образов Томаса Бернхарда» (Am Ende angekommen. Dargestellt am wahnhaften Dunkel der Männerporträts des Thomas Bernhard) [Endres 1980]. Открыто признаваясь в антипатии к творчеству писателя, Эндрес атаковала его с феминистских позиций, обличив Бернхарда в мужском шовинизме.

За истекшие тридцать лет после этой первой попытки осмыслить «женский» вопрос в творчестве австрийского автора было написано более двадцати работ на тему гендерной проблематики в его произведениях. Необходимо указать на ряд исследований М. Таба [Tabah 1995, 2002, 2013, 2018 и др.] и В. Ронге [2009a, 2009b; 2013, 2016 и др.]. Ронге принадлежит вторая после работы Р. Эндрес монография, целиком посвященная рассматриваемому вопросу [Ronge 2009a]. Стоит также отметить работы К. Хаас [Haas 2007], С. Ташкенова [Ташкенов 2010], С. Краммера [Krammer 2013] и ценные замечания в работах М. Миттермайера [Mittermayer 1988, 1995]. Со временем за выпадами в адрес женщин в бернхардовских книгах открылась более сложная картина, чем та, что обнаруживалась в диссертации Р. Эндрес. В настоящей работе рассматривается постепенная смена литературоведческих точек зрения на гендерную проблематику в произведениях писателя*.

* Необходимо указать на содержательный очерк М. Таба [Tabah 2018]. Однако наше исследование претендует на более полный критический обзор источников, включающий и работы отечественных литературоведов.

«Мрачное безумие»: взгляд с позиций феминистской критики 1970-х годов

Диссертация Р. Эндрес была написана на излете 1970-х годов — десятилетия, связанного с подъемом в западных странах феминизма так называемой второй волны. Повестка этого движения была проникнута стремлением продемонстрировать патриархатные, маскулинные основания европейской культуры, показать, что за женщиной в ней закреплены исключительно телесные функции: деторождение и секс. Работа Эндрес представляла собой скорее яростный феминистский памфлет, чем собственно академическое исследование. Невиданная для научного труда резкость выпадов, направленных против Бернхарда, побудила одного из рецензентов назвать ее актом «экзорцизма» [Michaelis 1980]. Указывая на броские подзаголовки-лозунги в духе «*La femme n'existe pas*» («Женщина не существует») и „Now“ («Сейчас»), он справедливо отмечал, что в радикализме полемики Эндрес угадывались отголоски студенческих протестов 1968 г. [там же].

Исследовательница диагностировала у писателя «фаллоцентризм» [Endres 1980: 25]. Символом привилегированной маскулинности бернхардовских героев, основным репрезентантом их фаллического начала Эндрес при этом объявляла интеллект. Впрочем, персонажи-интеллектуалы — князь Заурау в романе «Помешательство» (*Verstörung*, 1967), художник Штраух в «Стуже», Конрад в «Известковом заводе» и др. — были заняты, по ее мнению, лишь непрерывным монологизированием, связанным с бесконечными повторами. Тавтологию исследовательница назвала «мотором бернхардовского маньеризма» [там же: 29]. Вместо того чтобы производить гениальный интеллектуальный продукт, герои лишь объясняли, почему он не может быть произведен [там же: 51]. Не проводя четких различий между персонажем и реальной личностью писателя, Эндрес сосредоточила усилия на разоблачении и обличении маскулиненной патриархатной «говорящей машины» (*Sprachmaschine*) [там же: 37], с которой сталкивался читатель Бернхарда. Казус ненаписанного произведения, составляющий

жизненную трагедию бернхардовских героев, исследовательница объясняла их творческим бесплодием, «импотенцией» [Endres 1980: 25].

По мнению Эверс, герои Бернхарда боятся женщин и вытесняют свою сексуальность. Женщины или вовсе не присутствуют в произведениях (трагедия оказывается привилегией мужчины), или их присутствие оказывается сведено к минимуму. В этом случае героини незаметны, молчаливы, а их существование сконструировано как квинт-эссенция «другого»: в романе «Известковый завод» жена Конрада обозначена как «Конрадша» (*die Konrad*) [там же: 98]. «Бессловесная женщина не думает, а если, вопреки ожиданиям, думает, то не говорит. А если говорит — не думает» [там же: 12]. Сюжеты бернхардовских романов истолковывались Эндрес в духе грубо упрощенного фрейдизма: так, например, башня-конус, которую Ройтхамер в романе «Корректур» возводит для своей сестры, трактовалась как фаллос, а сам акт постройки — как сублимация инцестуального акта.

Работа Эндрес с ее гротескными преувеличениями, полемически заостренными выпадами и повторами — повествующее «я» в произведениях Бернхарда именуется «машиной», «говорящей машиной», «головной машиной», «машиной желаний» (*Maschine, Sprachmaschine, Kopfmaschine, Wunschmaschine*) — сама выдавала стилистическое влияние бернхардовского письма. При всей своей колоритности это первое погружение в названную тему не давало исчерпывающего ответа на вопрос о специфике взгляда на пол в произведениях Бернхарда. В дальнейшем книга Эндрес не раз служила объектом критики для многих исследователей [Tabah 2002; Ташкенов 2010 и др.].

«Фаллоцентричная дихотомия»: рецепция Отто Вейнингера и Артура Шопенгауэра

Границы между литературой и философией в прозе и театральных пьесах Бернхарда нередко были размыты. Дальнейшее рассмотрение гендерной проблематики в его произведениях оказалось связано с попыткой обнаружить влияние мизогинных дискурсов особенно зна-

чимых для писателя философов. Усилия такого рода были предприняты в работах М. Миттермайера [Mittermayer 1988], М. Хубера [Huber 1992], К. Хаас [Haas 2007].

Бестселлер начала XX в., трактат «Пол и характер» (1903) Отто Вейнингера (1880—1903), только между 1903 и 1912 гг. выдержал в Австрии двенадцать переизданий [Le Rider 1985: 50]. Интерес к книге существенно подхлестнуло загадочное самоубийство ее двадцатитрехлетнего автора, последовавшее вскоре после публикации. Эта книга — задуманная как научно-философский трактат, на деле же — скорее выдающееся произведение эссеистического толка или «псевдонаучный “экспериментальный роман”» [Жеребин 2011: 274] — трактовала человека как существо, изначально содержащее в себе мужское и женское начала. Жизнь любого индивида определялась, по мнению ее автора, преобладанием того или иного из них. Противопоставляя мужское и женское, Вейninger объявлял женское начало неполноценным, закрепляя за мужчиной сферу духа, волю, оригинальность, за женщиной — сферу телесного, безволие, жизнь исключительно чужими (мужскими) интересами. Подобные взгляды, как указывает Э. Хобсбаум, отражали весьма распространенные в 1890—1900-е годы опасения по поводу набирающей обороты эмансипации женщин: «В рамках наиболее типичной реакции, которую можно встретить в различных версиях и с разным градусом истеричности у Отто Вейнингера, Карла Крауса, Мёбиуса*, Ламброзо, Стриндберга, в тогдашнем прочтении Ницше, подчеркивалось, что извечная женская сущность исключает интеллект, а значит, соперничество женщин в областях, прежде считавшихся мужскими, было в лучшем случае бессмысленным, а в худшем — влекло за собой катастрофу для обоих полов» [Хобсбаум 2017: 135].

Среди большого числа интеллектуалов первой половины XX в., на которых работа венского мыслителя произвела впечатление, оказался и родной дед Бернхарда, литератор Иоганнес Фроймбихлер (1881—1949). Фактически заменив Бернхарду отца, он оказал решающее влияние на

* Пауль Юлиус Мёбиус (1853—1907) — немецкий невролог, психиатр, автор эссе «Физиологическое слабоумие женщины» (Über den physiologischen Schwachsinn des Weibes, 1900).

детство и юность писателя. Согласно дневниковым записям Фроймбихлера, труд Вейнингера мог бы оказать человечеству неоценимую услугу: помочь «исцелить мир от идиотского почитания женщин, которое повинно во всех бедах последнего столетия и довело Европу до гибели» [цит. по Judex 2006: 99]. «Социальный вопрос — женский вопрос!» — добавлял автор [там же]. В дневниках Фроймбихлера можно обнаружить те же сокращения — «М» (M) и «Ж» (W — das Weib), которые использовал Вейninger в своем трактате для обозначения мужского и женского пола. В них можно найти и россыпь замечаний о женщинах в вейнингеровском духе: «Женщина лишена органа, отвечающего за духовные оценки, она как будто постигает вещи лишь телесно» [там же: 98], женщина пригодна «лишь для секса и не для чего более» (Sexualwesen, und sonst nicht) [там же: 99] и др.

О том, что Бернхард был знаком с трактатом, свидетельствует текст пьесы «Знаменитые» (Die Berühmten, 1976). Один из ее героев, издатель, сообщает о своей работе над названной в честь философа книжной серией «Пол и характер», попутно относя Вейнингера к числу великих знатоков человеческой природы [Bernhard 2005a: 336]. Имя Вейнингера несомненно встречалось Бернхарду и на страницах работ одного из наиболее значимых для него философов — Людвиг Витгенштейна (1989—1951)*.

Первым на связь «женоненавистнических» установок Бернхарда с философскими размышлениями Вейнингера указал еще при жизни писателя Ж. Ле Ридер [Le Rider 1985: 240—243]. Ссылаясь на него и на других исследователей, М. Миттермайер отмечает, что Бернхарду удалось создать художественный язык, адекватно отражающий дух философии венского мыслителя [Mittermayer 1988: 54]. Именно в вейнингеровских представлениях о женщине, по мнению Миттермайера, следует искать корни гинофобии бернхардовских героев.

Она связана с противопоставлением мужского начала как наделенного духом женскому началу, тождественному материи (природе) без-

* Для Л. Витгенштейна взгляды Вейнингера представляли значимость скорее в контексте критики современной культуры как таковой. См.: Wittgenstein Reads Weininger [Stern 2004].

духовному и даже враждебному духу. Исследователь приводит многочисленные высказывания бернхардовских героев, свидетельствующие о том, что страх перед женщиной для них прежде всего — страх перед бездуховностью [Mittermayer 1988: 55]. «Я всю жизнь вынужден был обороняться. Прежде всего — от женщин. <...> Берегитесь женщин, но пуще всего — женского начала в вас самом, оно спит и видит, как бы вас уничтожить» [Бернхард 2000: 321]; «Женщины — как большие реки, их не переплыть, ночь часто оглашается криками утопающих» [там же: 369], — предупреждает своего собеседника художник Штраух.

Несколько позже обратило на себя внимание исследователей родство высказываний о женщинах в произведениях Бернхарда и работах Артура Шопенгауэра (1788—1860) [Huber 1992; Naas 2007].

Отсылки к Шопенгауэру, чей пессимистический взгляд на человеческое бытие был чрезвычайно близок Бернхарду, часто встречаются в текстах писателя. В частности, М. Хубер насчитывает 27 произведений, где упоминается имя философа [Huber 1992: 17]*.

Негативные замечания Шопенгауэра о женщинах в изобилии рассыпаны по тексту трактата «Мир как воля и представление» (1819). Однако в наиболее концентрированном виде они представлены в эссе «О женщинах» (*Über die Weiber*) из сборника “*Parerga und Paralipomena*” (1851). Женщина — «нечто среднее между ребенком и мужчиной, который и есть настоящий человек» [Шопенгауэр 2001b: 475] — предстает в нем как существо, от природы неспособное на значимые умственные усилия, невосприимчивое к искусствам, несправедливое, расточительное, склонное к измене и по своей природе обреченное на извечное повиновение мужчине. «Низкорослый, узкоплечий, широкобедный и коротконогий пол» [там же: 478] необходим, по мнению философа, исключительно для продолжения рода. Его слабость следует шадить, однако чрезмерное почтение,

* О рецепции философии Шопенгауэра см. также: Jurdzinski G. *Leiden an der “Natur”*. *Thomas Bernhards metaphysische Weltdeutung im Spiegel der Philosophie Schopenhauers* [Jurdzinski 1984]; Atzert S. *Schopenhauer und Thomas Bernhard. Zur literarischen Verwendung von Philosophie* [Atzert 1999].

оказываемое женщинам, унижает мужчин в глазах самих женщин [там же: 480].

Утверждения Штрауха о женской природе в романе «Стужа» схожи с утверждениями Шопенгауэра, полагает М. Хубер [Huber 1992: 106]. Еще более отчетливую связь исследователь усматривает в пьесе «Лицедей». Ее герой, сообщая сыну, что женщины ничего не смыслят в искусстве и неспособны к занятиям философией, прямо упоминает имя немецкого философа: «Можешь ты себе представить / чтобы мы с твоей матерью / беседовали о Шопенгауэре / Такого отродясь не было / Полная бездуховность...» [Бернхард 1999: 593].

К. Хаас подчеркивает, что рассуждения о женщинах не являются у Шопенгауэра неким «побочным» продуктом философствования, а, напротив, органично встраиваются в его философскую систему [Naas 2007: 80]. Речь идет о концепции гения, к которой непрестанно возвращается философ в трактате «Мир как воля и представление». По мысли Шопенгауэра, один лишь гений со своей способностью к бескорыстному созерцательному наблюдению способен к объективному познанию мира. Лишь он оказывается способен ускользнуть от власти Воли, которой подчинены прочие существа. Женскому полу философ решительно отказывает в гениальности: «Женщины могут иметь значительный талант, но не могут быть гениальны, ибо они всегда остаются субъективными» [Шопенгауэр 2001a: 328]. К. Хаас также указывает на близость воззрениям Шопенгауэра взглядов художника Штрауха. В частности, с шопенгауэровскими представлениями согласуется мысль о том, что сексуальность есть нечто, что должно быть преодолено [Naas 2007: 83].

Мизогиния художника, как утверждает Хаас, не является случайной причудой: она становится результатом его философских выводов, философии отрицания воли к жизни в духе Шопенгауэра. При этом мизогинный дискурс «Стужи» несет на себе выраженный отпечаток двойственности. Если его основные посылки близки шопенгауэровским (женщина — существо, лишненное интеллекта и представляющее угрозу интеллекту мужчины), то представление о том, что женский пол несет мужскому гибель, у Шопенгауэра нигде не артикулировано.

Изображение женщины как воплощения Танатоса (Tanatosfiguration) Хаас приписывает исключительно влиянию вейнингеровского трактата [Haas 2007: 84].

Прослеживающуюся в бернхардовском творчестве дихотомию, в рамках которой за мужским началом оказывается закреплен дух, а за женским — тело, литературоведы, придерживающиеся традиции феминистской критики, обозначают как «фаллоцентричную»* [Tabah 2018: 435].

Отметим, что мизогинный дискурс отчетливо проявляет себя и в сочинениях другого значимого для Бернхарда философа — Фридриха Ницше (1844—1900). Но если у Шопенгауэра или Вейнингера речь в большей степени идет о бездуховности женской природы и необходимости подавления сексуальности, то Ницше скорее предупреждает о женском коварстве («Двух вещей хочет настоящий мужчина: опасности и игры. Поэтому хочет он женщины как самой опасной игрушки»; «Пусть мужчина боится женщины, когда она ненавидит: ибо мужчина в глубине души только зол, а женщина еще дурна» [Ницше 1996: 47]) и призывает к властному контролю над женщиной. Подобная установка оказывается в меньшей степени релевантна для бернхардовских «героев духа».

«Позитивно окрашенные» женские образы

«Что устоит против машины разрушения. Позитивно окрашенные образы в прозе Томаса Бернхарда» — в центр этой статьи Д. Пфайферовой [Pfeiferová 2010] помещена отнюдь не гендерная проблематика. Примечательна, однако, отразившаяся в названии постановка вопроса: в мрачном космосе бернхардовских произведений «позитив-

* Термин «фаллоцентризм», которым широко оперирует постмодернистская феминистская критика, приходит из работ Жака Деррида (1930—2004), в частности, «О почтовой открытке: от Сократа до Фрейда и не только» (La carte postale: De Socrate à Freud et au-delà, 1980).

ные» образы в целом довольно редки и потому заслуживают отдельного рассмотрения.

Со временем стало очевидно, что ряд женских персонажей плохо вписывается в обрисованную выше «мизогинную» картину. Сестра Ройтхамера в «Корректуре», Персиянка в повести «Да» (Ja, 1978), Йоана, подруга героя в романе «Рубка леса» (Holzfällen, 1984), жена Регера, главного героя романа «Старые мастера» (Alte Meister, 1985) и, наконец, поэтесса Мария, подруга князя Мурау в «Изничтожении» — эти женские фигуры словно исключены из общего контекста «поношения» и унижения женщин.

Как следует из работы М. Хубера [Huber 1992], отношение к взглядам Шопенгауэра на женщин у писателя меняется. В некоторых поздних произведениях («Да», «Старые мастера», «Изничтожение») шопенгауэровские послышки становятся предметом иронической игры. О Персиянке герой-рассказчик повести «Да» сообщает, что она стала для него «помогающим восстановить душевные силы партнером по прогулкам и размышлениям, разговорам и философствованию» (einen mich durch und durch regenerierenden Geh- und Denk- und also Gesprächs- und Philosophierpartner), а на прогулках они оба занимаются не чем иным, как обсуждением философской теории Шопенгауэра [цит. по: Huber 1992: 108]. Спасительным называет свое знакомство с будущей женой Регера. Всегда, по его собственным словам, ненавидевший женщин; с женой он знакомится в тот момент, когда обдумывает некое высказывание Шопенгауэра. «Не из эссе ли “О женщинах”»? — задается вопросом М. Хубер [там же]. Вопреки утверждениям автора «Мира как воли и представления» о том, что женщины неспособны на создание значительных произведений искусства, Мария в «Изничтожении» названа великим художником [там же: 108].

Наибольшего исследовательского внимания в немногочисленном ряду «положительных» героинь удостоилась именно Мария [Tabah 1995; Gehle 1995; Hoell 2000 и др.]. Сходство биографических деталей — в романе упоминается родной город Марии Клагенфурт и сообщается о жизни героини в Риме — выдает стоящую за этим образом фигуру австрийской писательницы Ингеборг Бахман (1926—1973), с

которой у Бернхарда в 1960-х годах завязались дружеские отношения [Gehle 1995]. М. Таба указывает на фонетическую близость имен Мурау и Марии. По ее мнению, Мария представляет собой женское воплощение «героя духа» [Tabah 1995: 154].

Дружба между Марией и Мурау носит платонический характер. Эта героиня, «икона Бахман» (Bachmann-Ikone) [Gehle 1995: 178], наделяется андрогинными чертами. Она предстает «мужским» духом, облаченным в женскую одежду, и в конце концов оказывается как бы лишенной пола. «Сильная, уравновешенная Мария приближается к идеалу “прекрасной души”^{*}, в котором представления о духе — прерогативе мужчины — и лишенной сексуального женской “природе” воссоединяются в гармоничный образец некоей возвышенной, просветленной женственности, назначение которой — в том, чтобы помочь мужчине двигаться к совершенству» [Tabah 1995: 156].

По мысли М. Таба, женское начало в «Изничтожении» раздваивается, предстывая одновременно в своей разрушительной, демонической (мать Мурау) и идеальной (Мария) ипостасях. Но в обоих случаях женщина выступает не субъектом, но лишь объектом, на который мужчина проецирует свои желания или страхи. Женщина превращается в некую производную в рефлексии мужчины относительно своей мужской сущности [там же: 157].

Кроме того, В. Ронге отмечает, что в образе Йоаны из романа «Рубка леса» отражается звучащая у Новалиса утопическая идея раннего романтизма о женщине как о воплощении природной гармонии, изначальной целостности, которой лишен мир. Она, впрочем, не достигает реализации — к началу повествования Йоана уже мертва, а роман является своего рода реквиемом в ее честь [Ronge 2009a: 22].

^{*} Выражение «прекрасная душа» (schöne Seele) здесь восходит к термину античной этики «калокагатия» (греч. *καλοκαγαθία* — от *καλός* — прекрасный и *ἀγαθός* — добрый), обозначающему нравственную чистоту. Определение этому понятию дает Ф. Шиллер в работе «О грации и достоинстве» (Über Anmut und Würde, 1793).

«Это мужчина? Это женщина?»: деконструкция маскулинности

Дихотомия «мужское — духовное» и «женское — лишенное духа», уходящая корнями к мизогинным дискурсам Вейнингера и Шопенгауэра и принимающая у Бернхарда, на первый взгляд, характер жесткой «антропологической константы» [Ronge 2009a: 53], и набор не вписывающихся в эту дихотомию «положительных» женских образов в позднем творчестве писателя (вторая половина 1970-х годов) — такой гендерная проблематика в творчестве Бернхарда представала довольно долго. Ее дальнейшее исследование оказалось связано с проблематизацией «маскулинности» бернхардовских героев и «маскулинного» модуса письма самого автора. Для интерпретации текстов в рамках этого подхода широко привлекался психоаналитический метод^{*}.

Представление об особом «женском» способе письма сформировалось в постструктуралистской феминисткой литературной критике во Франции 1970-х годов. Единой четко сформулированной теории женского письма так и не сложилось, однако в своих работах французские теоретики постмодернистского феминизма Элен Сиксу (р. 1937), Юлия Кристева (р. 1941), Люс Иригарей (р. 1930) единодушно утверждали наличие особой женской манеры письма, передающей специфически женский опыт и радикально отличающейся от навязываемого женщинам культурой маскулинного способа репрезентации себя в тексте. Термин «женское письмо» (*écriture féminine*) впервые появился в работе Элен Сиксу «Смех медузы» (*Le rire de la méduse*, 1975). Согласно Сиксу, женское письмо представляет собой не любой текст, написанный женщиной, но особый гендерный феномен. Оно противопоставлялось патриархатному логоцентрическому письму как сосредоточенное не на производстве смыслов, но на самом процессе создания текста и потому более близкое телесному опыту.

^{*} Необходимо отметить, что сам Бернхард выказывал равнодушие к идеям венского философа. По лаконичному замечанию Р. Лангер, «в литературном космосе Бернхарда психоанализа не существует» [Langer 2018: 360].

Противоречивость, кажущаяся нелогичность, обычно приписываемая женской манере высказываться, в работах французских теоретиков представлялась не как изъян, но как сигнал, указывающий на наличие в тексте скрытых ценностных и идеологических установок, и средство, помогающее их обнаружению.

Впервые мнение о «женской» манере письма Бернхарда было высказано М. Шрайнер. В небольшом эссе «Пишет ли Томас Бернхард женскую литературу?» [Schreiner 1996] она выдвигала курьезный тезис: «Томас Бернхард — женщина» [там же: 79]. Анализируя речь рассказчика в повести «Преферанс» (Watten, 1969), Шрайнер указывала на преобладание эмоций над рациональными аргументами, постоянные нарушения логики в рассказе и разнообразные сомнения, проступающие за кажущейся уверенной манерой рассказчика говорить [там же: 78]. Подобный способ саморепрезентации она объявляла типично женским.

С. Ташкенов [Ташкенов 2010] развивает наблюдения Шрайнер в логике идей Юлии Кристевой из ее работы «Революция поэтического языка» (La révolution du langage poétique, 1974). Кристева сосредоточивается в ней на рассмотрении символического и семиотического измерения текста. Если символическое измерение соотносено со знаковыми структурами и полностью зависит от сознания, то семиотическое измерение связано, по ее мнению, со сферой бессознательного, восходит к доэдипальному периоду и стремится прорваться за рациональные категории. Символическое, полагает Кристева, связано с мужским, отцовским началом, семиотическое — с женским, материнским. Бернхардовская проза с ее ритмизацией, настойчивыми повторами и постоянным нарушением синтаксических норм, по мнению Ташкенова, идеально укладывается в семиотическое измерение поэтической речи в понимании Кристевой [Ташкенов 2010: 154—155]. За рациональными доводами и философскими выкладками бернхардовских героев парадоксальным образом проступает женская манера говорения. «Бернхардовские метастазы патриархальности феминны и близки женскому дискурсу “истерии”, расшатывающему традиционные формы и преодолевающему довлеющие грамматические и синтаксические законы языка», — заключает Ташкенов [там же: 157].

Еще одна попытка деконструкции «маскулинности» в творческом мире Бернхарда была предпринята в работах В. Ронге [Ronge 2007, 2009]. За многочисленными обвинениями женщин в бездуховности у Бернхарда Ронге не усматривает никакого «онтологического доказательства» [Ronge 2009a: 82]. Признанный отечественный специалист по творчеству писателя Н.С. Павлова так в свое время описывала эту характерную особенность бернхардовского письма: «Как в средневековых поношениях, важна не доказательность. Важно высказаться, задеть за больное место, войти в контакт и конфликт, самоутвердиться» [Павлова 2005: 285]. Беспочвенные поношения женщин в устах бернхардовских героев Ронге трактует как нарциссические тирады, служащие исключительно утверждению маскулинности самих протагонистов.

«Человек духа», как показывает В. Ронге, испытывает страх перед женской сексуальностью. Реакцией становится ее тотальное отвержение и отрицание («Стужа») или порабощение женщины, апофеозом которого выступает убийство («Известковый завод»). О страхе свидетельствует и восприятие героями женского как бестелесного, идеализированного, относящегося к сфере чистого духа (Мария в «Изнитожении», сестра Ройтхамера в «Корректуре», героиня повести «Да») [Ronge 2009a: 60—62].

В. Ронге обращает внимание на особый способ конструирования женских образов у Бернхарда, апеллируя к теории Зигмунда Фрейда (1856—1939) и феминистской критике психоанализа. Благодаря фрейдовскому тезису о зависти женщин к пенису и желании символического замещения отсутствующего полового органа*, женское начало в теории Фрейда предстает недостаточным. Сконструированная философией теории половых различий парадоксальным образом не предполагает дифференциации. Женщина не наделяется собственной сущностью, а предстает лишь неполноценным мужчиной. Именно в подобной логике мыслят, по мнению Ронге, бернхардовские «герои духа». Проецируя на женщину свои страхи и желания, они объявляют жен-

* Этот тезис звучит в работах философа «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908), «О нарциссизме» (1914), «О женственности» (1932).

ским началом свою противоположность. Так, негативный образ матери в «Изничтожении» становится точкой отталкивания, средством стабилизации собственной личности для Мурау*.

Ронге развивает уже звучавшую в работе Р. Эндрес идею о нематериальности фаллического у «человека духа». Научный трактат или философский труд, написанием которого занят бернхардовский герой, исследовательница называет «духовным фаллосом» (Geist-Phallus) [Ronge 2009: 108]. Она пишет об угрозе «духовной кастрации» или, во всяком случае, об ослаблении мужской духовной силы, которую несет с собой женщина герою Бернхарда. Так, Конрад в «Корректуре» постоянно имеет дело с деструктивным воздействием жены, препятствующей написанию его труда [там же: 109].

«Человек духа», по мнению Ронге, пытается утвердить фаллическое начало, прибегая к метанаррации. Он подробно пересказывает содержание будущего произведения, рассуждает о том, каким будет его зачин и финал, утверждает свою принадлежность к мировой духовной культуре, занимаясь бесконечным перечислением имен любимых писателей и философов**. Утверждение мужского начала и его репрезентация вовне осуществляется у бернхардовских героев с помощью самоинсценировки, театральной игры. Чрезвычайно важную роль здесь играют атрибуты, подчеркивающие принадлежность протагониста к кругу интеллектуалов. В произведениях неизменно упоминаются пишущая машинка; одежда, выделяющая героя среди обывателей; закрытые помещения, предстающие особыми пространствами духа, где герой затворяется для работы над рукописью [Ronge 2009: 118—119]. Однако, несмотря на все предпринимаемые усилия, «человек духа» терпит поражение в написании труда. Не имея возможности

* По мнению М. Таба, начало подобному прочтению было положено еще в 1990-е годы в работах М. Миттермайера [Mittermayer 1988, 1995], отметившего, что унижение женщин служит для бернхардовских героев поддержанию их мужской идентичности [Tabah 2018: 433].

** Прием получил у бернхардоведов название name dropping («набрасывание, перечисление имен») [Nonneger 2013: 164]. С его помощью создается некая литературная генеалогия, свидетельствующая о принадлежности героя той или иной духовной традиции.

утвердить свою маскулинность, он обнаруживает в самом себе женское начало. Именно этим, по мнению Ронге, и объясняется его страх перед встречами с женщиной.

Попытки персонажей выстроить жесткую дуалистическую картину «мужское — духовное», «женское — бездуховное» оказываются, по мнению исследовательницы, несостоятельными. Подобная схема обнаруживает свою зыбкость. «Это мужчина? Это женщина?» (Ist das ein Mann? Ist das eine Frau?) — спрашивает Ронге в заглавии своей работы. Она приходит к выводу, что Бернхард не утверждает, но изображает дуализм полов как данность, чтобы показать искусственность, условность такого разделения: создает и затем разрушает созданную картину.

Необходимо указать и на иные попытки поколебать представление о том, что Бернхард создавал исключительно «патриархальную» литературу [Ronge 2009: 7], а его герои видели своим идеалом традиционный тип маскулинности*. М. Таба отмечает, что представление о жестком дуализме полов у Бернхарда «размывают» образы женщин, перенимающих на себя властные функции (главная героиня пьесы «Праздник для Бориса», мать в пьесе «У цели» (Am Ziel, 1981)) или олицетворяющих собой духовное начало (Мария в «Изничтожении», Персиянка в «Я») [Taba 2018: 434]. Стоит упомянуть и исследования гомоэротических мотивов. И. Дюрхаммер [Dührhammer 2006] указывает на наличие в различных бернхардовских произведениях своего рода «тайных посланий», связанных с гомоэротической тематикой. Своего рода кодовым словом, шифром в них выступает слово «лесорубы» (Holzfäller). В ранней повести «Амрас» (Amras, 1964), чрезвычайно значимой для писателя (именно это произведение писателя Бернхарда рекомендует своему ученику князь Мурау в «Изничтожении»), описывается имеющая инцестуальный характер связь двух братьев.

* Имеется в виду так называемая гегемонная маскулинность (hegemonic masculinity) [Connell 1987] — тип мужского поведения, основывающийся на представлениях о символическом господстве мужчины над женщиной. Подобная, нормативная в европейской культуре, маскулинность подразумевает гетеросексуальность.

После смерти своего брата герой-рассказчик знакомится с работающими в окрестностях лесорубами. В тексте прямо говорится о том, что эти мужчины вступают между собой в половые связи, и упоминается сексуальный интерес героя к одному из них. В дальнейшем эта тема звучит и в некоторых других произведениях писателя. Необходимо также упомянуть очерк Г. Хёллера, посвященный ранней повести Бернхарда «Два друга» (*Zwei Freunde*, 1962) [Höller 2014]. Тесная привязанность героев друг к другу в ней может быть истолкована как любовные отношения, разворачивающиеся на фоне утопии венского Пратера. На гомоэротические мотивы в пьесах «Праздник для Бориса» (*Ein Fest für Boris*, 1970) и «Елизавета II» (*Elisabeth II*, 1987) указывает и С. Краммер [Krammer 2016: 182].

«Маскарад» маскулинности

«В моих книгах все *искусственно*, т.е. все персонажи, события, происшествия выступают на сцене...», — признавался писатель в фильме-интервью «Три дня» [Bernhard 2015: 58]. Вспомнив об этом поэтологическом принципе, а также указывая на иронию и самопародирование, характерные для творчества Бернхарда, литературоведы предложили не отождествлять мизогинные высказывания его героев с точкой зрения самого автора. Свое внимание они обратили на карнавальную природу мизогинии. Именно подобная точка зрения оказалась закреплена в недавнем фундаментальном энциклопедическом труде «Бернхард: справочник. Жизнь — Творчество — Влияние» (2018), представляющем сумму знаний, накопленных на сегодняшний день германистикой о творчестве писателя [Tabah 2018].

М. Таба, В. Ронге, С. Краммер доказывают, что австрийский писатель ставит под сомнение и подвергает осмеянию патриархатные культурные установки. По мнению исследователей, необходимо говорить о «реинсценировке» (*Reinszenierung*) [Ronge 2009a: 9; Tabah 2018: 435], «подрыве», «ниспровержении» (*Subversion*) [Ronge 2013: 162], «маскараде» (*Maskerade*) [Krammer 2013: 176] маскулинности в бернхардов-

ских текстах. «Бернхард не занимается — как это часто ставится ему в вину — аффирмативным воспроизведением гендерных стереотипов, но прибегает к ниспровергающей эти стереотипы насмешке и к реинсценировке этого дискурса. Тем самым его тексты лишаются своей мизогинной природы и позволяют угадать иную правду по ту сторону претендующих на однозначность гендерных стереотипов — правду об искусственном характере пола» [Ronge 2013: 173].

В подобном прочтении отражается состоявшаяся в XXI в. под влиянием постмодернистской феминистской критики интеграция гендерного подхода в сферу гуманитарного знания, в том числе, и в область литературоведческих исследований. В рамках этого подхода отвергается гендерный эссенциализм. Дихотомию, в рамках которой мужчина предстает олицетворением логоса и обладателем личности, а женщина воплощает собой лишённую личности внелогосную сущность, он объявляет искусственным продуктом, порождением исключительно мужского сознания. Гендерные различия при этом понимаются как социальный конструкт.

Особое значение для названных литературоведов приобретают идеи наиболее значимой представительницы американского постмодернистского феминизма Джудит Батлер (р. 1956), развивающей в своих работах* перформативную концепцию гендерной субъективности [ср. Tabah 2009; Ronge 2016; Krammer 2016]. По мысли Батлер, не существует некоей предзаданной гендерной идентичности. Представления о «мужском» и «женском» усваиваются индивидом как конструкты, навязанные господствующим культурным дискурсом. В работе «Лакан, Ривьер и стратегия маскарада» (1990), апеллируя, в свою очередь, к психоанализу Жака Лакана (1901—1981), Батлер утверждает, что гендерная идентичность формируется с помощью разыгрывания в ходе некоего гендерного спектакля — «гетеросексуальной комедии», «маскарада» — определенных нормативных, уже принятых в обще-

* «Субъекты желания: гегельянские рефлексии во Франции в XX столетии» (*Subjects of Desire: Hegelian Reflections in Twentieth-Century France*, 1987), «Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности» (*Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*, 1990) и др.

стве стратегий поведения, своеобразных моделей мужского и женского [Батлер 2005: 426].

М. Таба, автор более десятка работ, посвященных гендерной проблематике в произведениях писателя, выступает против их некритического прочтения, при котором автору приписываются мизогинные установки. По ее мнению, маскулинность, суверенное мужское начало в произведениях Бернхарда обнаруживает себя лишь как маска, культурный конструкт [Tabah 2002: 140]. В карикатурной форме изображая маниакальную приверженность своего героя фаллоцентричному дискурсу, представляя его в виде монструозного патриарха, видящего женщину как воплощение «другого» по отношению к мужскому логосу, Бернхард вскрывает несостоятельность фаллоцентризма как основы всей европейской культуры [Tabah 2008; 2009].

Образ «сильного» мужчины подвергается у Бернхарда деконструкции и пародийному осмеянию, полагает и В. Ронге. Так, в «Силе привычки» директор цирка Карибальди, пытаясь принудить свою труппу сыграть квинтет Шуберта, раздражается по ходу действия все более или более абсурдными приказами. Усилия, которые предпринимает мужчина, чтобы утвердить свою маскулинность, становятся подчеркнуто явными. Герой пьесы «На покой» (*Vor dem Ruhestand*, 1979) для легитимации своей власти над сестрами вынужден каждый раз в день рождения Гиммлера облачаться в униформу СС [Ronge 2016: 205].

Язык, по мнению исследовательницы, оказывается «закреплен» у Бернхарда за мужчиной в полном согласии с мыслью Лакана о патриархатном символическом порядке, устанавливаемом Отцом, из которого женщина оказывается исключена [Ronge 2013: 166—167]. Однако женское молчание в пьесах Ронге предлагает трактовать не как недостаток, «нехватку» коммуникации, но как ее конститутивный элемент*. На прагматическом, семантическом и синтаксическом уровнях оно наделяется свойствами высказывания, формируя перспективу, задавая контекст речи главного героя [Ronge 2016: 206].

* О скрытой диалогичности произведений писателя, лишь на первый взгляд выстроенных вокруг непрерывного монолога центрального персонажа, немало написано отечественными исследователями: [Ромашко 2004; Ташкенов 2009 и др.].

Прагматический уровень лучше всего иллюстрирует молчание Клары из пьесы «На покой». Прикованная к инвалидному креслу, полностью зависимая от своих брата и сестры, героиня своим молчанием саботирует ежегодное празднование дня рождения Гиммлера, который ее родственники, убежденные национал-социалисты, превратили в семейное торжество. Воздействие этого «неговорения» столь велико, что в итоге переворачивает представление о властных отношениях в семье, представление о палачах и жертвах [Ronge 2016: 207]. Когда у брата в финале пьесы случается инфаркт, вторая сестра прямо обвиняет в этом Клару: «Все ты виновата / с молчанием твоим / с вечным твоим молчанием» [Бернхард 1999: 406]. На семантическом уровне молчание способствует образованию смысловых лакун, которые читателю предлагается заполнить самостоятельно. Исследовательница ссылается на мысль Вольфганга Изера о том, что в акте чтения пробелы и умолчания стимулируют к тому, чтобы принять невысказанное за подразумеваемое. Молчащая женщина олицетворяет собой, по мнению Ронге, вытесненную интеллект, духом (*Geist*) говорящего мужчины телесность [Ronge 2016: 208]. Наконец, на синтаксическом уровне молчание оттеняет нередко бессвязную, подчиняющуюся случайным ассоциативным сцеплениям, насыщенную повторами и распадающуюся на фрагменты речь героев (например, речь Брюскона из пьесы «Лицедей»). Она сигнализирует о том, что идентичность героя не целостна, его сознание распадается, и это, в свою очередь, снова переворачивает представление о власти мужских фигур [Ronge 2016: 210].

Вторит исследовательнице и С. Краммер [Krammer 2013]. Брюскон, тиран, подавляющий домочадцев своим непрерывным говорением, оказывается наделен двойной властью: он одновременно является главой семьи и главой театра, в котором играют его домашние. Однако обличенный неконтролируемой властью герой терпит поражение, наталкиваясь на женское сопротивление. Оказываясь не в состоянии подтвердить свой властный авторитет, он превращается в «трагикомическую марионетку» своих собственных представлений о мужественности [Krammer 2013: 180]. Жена встречает его реплики молчанием, а затем обличающим смехом. Пассивность дочери, полностью игнорирующей

замечания отца, делает коммуникацию несостоятельной. Провал, который терпит Брюскон как глава семейства, подвергает сомнению идею патриархальной семьи как таковой [Krammer 2013: 181].

«Женщина, возьми постель свою и ходи»: выводы

Еще раз очертим основные этапы эволюции исследовательских взглядов на проблему мизогинии в произведениях Бернхарда: 1) констатация мизогинной природы творчества писателя с позиций феминистской критики 1970-х годов (Р. Эндрес); 2) изучение влияния мизогинных дискурсов Отто Вейнингера и Артура Шопенгауэра (М. Миттермайер, М. Хубер, К. Хаас); 3) рассмотрение эволюции женских образов и констатация ослабления мизогинных тенденций в позднем творчестве писателя (начиная со второй половины 1970-х годов) (Х. Геле, М. Таба); 4) попытки поколебать представление о мизогинном характере бернхардовского письма с помощью деконструкции «маскулинности» его персонажей или способа письма (С. Ташкенов, В. Ронге); 5) рассмотрение мизогинии как предмета критического изображения в произведениях писателя в русле идей постструктуралистской феминистской критики (М. Таба, В. Ронге, С. Краммер).

Названные этапы отражают постепенную интеграцию феминистских теорий в сферу литературоведения. Необходимо отметить, что психоаналитический метод (будь то прямое обращение к идеям З. Фрейда или апелляция к психоанализу Ж. Лакана) — интеллектуальная база феминистской критики — будучи избран в качестве основного и единственного, существенно обедняет трактовку бернхардовского, как, впрочем, и в целом любого, литературного творчества. Едва ли корректно сводить драму бернхардовского «человека духа» к неудаче в утверждении фаллического начала и провалу в написании труда, поскольку результатом интеллектуальных усилий в данном случае является не законченный текст, а сам процесс творческой рефлексии. Неоднозначной в контексте модернистской литературы представляется и сама проблема «поражения». Центральная роль феномена неудачи, крушения

экзистенциально-художественного проекта в романах Бернхарда, как указывает В. Котелевская, лучше всего может быть осмыслена в духе мысли Теодора Адорно (1903—1969) о «критике успеха» в модернистской культуре. Общая для многих писателей-модернистов (Ф. Кафки, С. Беккета и др.) установка на поиск превалирует в данном случае над установкой на создание завершеного произведения, а неудача рассматривается как способ самообретения и, в итоге, как парадоксальная форма жизненной победы [Котелевская 2018: 27].

Не стоит забывать, что проза Бернхарда — ролевая проза (Rollenprosa) [Huntemann 1990], построенная на принципах театральной игры, намеренно провоцирующая к отождествлению высказываний персонажей и автора. И потому не стоит приписывать утрированно-оскорбительные тирады героев Бернхарда, адресованные женщинам, самому автору. Однако необходимо помнить о том, что взгляды Бернхарда на женщин были во многом обусловлены общим консервативным контекстом культуры 1950-х годов — временем, на которое пришлось юность автора и начало его писательского пути. В деталях их помогает представить пространная дискуссия о женском вопросе, завязавшаяся у писателя в 1981 г. с одним из его интервьюеров — Кристой Фляйшман [Bernhard 1991: 107—127]. За редким исключением [Zimmerman 2014: 159] исследователи практически не ссылаются на текст этого интервью. Однако без его внимательного прочтения всестороннее обсуждение гендерной проблематики в бернхардовском творчестве, на наш взгляд, невозможно.

В разговоре с журналисткой писатель высказывает мнение о том, что отнюдь не история, а сама природа способствовала тому, что женщины оказались вытеснены в общественной жизни на второй план. По его мнению, это логичное положение вещей, которое «нельзя изменить» (Kann man ja net ändern) [Bernhard 1991: 110]. Причина кроется в отсутствии стойкости и неспособности держать жизненные удары. «Ведь то и дело видишь: женщины горазды кричать в газете или в какой-нибудь комнатухе, где они пишут анонимные эссе, когда лепят там что-нибудь такое — текст какой-нибудь против мужчин. А когда их на самом деле изберут в парламент и они там выступают, то говорят дрожащим голосом. Все трясется, и даже бумажка, по которой они

читать должны, начинает дрожать, и они совершенно не способны мысль сформулировать. *Это* ведь, собственно, правда. Женщины не в состоянии и о своих-то проблемах спокойно рассказать, не говоря уже о том, чтобы менять что-то в так называемом мужском мире» [там же: 112—113]. Вопросы самоутверждения женщин не касаются мужчин вовсе [там же: 114]. Не существует ни женщин-поэтов, ни женщин-философов [там же: 117], ни женщин-ученых [там же: 125]. Вопрос об одинаковой оплате труда лишен смысла, поскольку женщины не способны выполнять ту же работу, что и мужчины: не важно при этом, идет ли речь о физическом или умственном труде [там же: 123—124]. Женщины чересчур эмоциональны и лишены объективности в суждениях [там же: 124]. Высказываясь на «мужские» темы, они воруют результаты интеллектуального труда мужчин, снабжая свои выкладки ссылками на их работы [там же: 126].

На замечание журналистки о том, что мужчинам следовало бы помочь женщинам в борьбе за права, писатель возражал: «Это как если бы вы хотели во что бы то ни стало убедить безногого, что ему нужно ходить, потому что у него есть ноги. <...> То же происходит и когда хотят женщинам сказать, мол, восстаньте против мужского мира и возьмите историю в свои руки и идите. “Женщина, возьми постель свою и ходи”. Она не может. Это губительное предложение, это невозможно» [там же: 118]. И далее: «Женщинам делают добро, когда постоянно говорят, что у них есть чувства (Gefühl), но нет разума (Verstand), и причиняют зло, когда признают за ними какой-то разум, поскольку в этом случае подставляют их под ветер такой силы, с которым они просто не справятся» [там же: 126—127]. На вопрос интервьюера, считает ли он женщин существами второго сорта, Бернхард отвечает, что не ранжирует людей и все они для него более или менее равны, однако каждый выполняет свои функции: «Это не означает, что один — ниже, а другой — выше <...>, но существует некое распределение задач, ролей, прямо как в театре» [там же: 110].

Необходимо отметить, что представления о «маскараде» гендерных ролей в целом действительно удачно гармонируют с принципами бернхардовской поэтики, основанной на театральных принципах. Однако

учитывая представленные выше суждения писателя о женщинах, необходимо с осторожностью относиться к попыткам усмотреть в его произведениях намеренный отказ от эссенциалистских представлений о мужском и женском начале или приписать ему революционный пафос деконструкции представлений о гендере, характерный для феминистской мысли 1990-х годов.

Кроме того, здесь, вероятно, можно провести любопытную параллель с Ницше. Наличие мизогинных высказываний в работах философа, с одной стороны, и горячее стремление феминистски настроенных исследовательниц привлечь его на свою сторону, — с другой, порождают нелегкий казус. «Его (Ницше. — С.Н.) интеграция в феминистский и прогрессивный дискурс связана с тяжким бременем использования самых изощренных риторических приемов» [Голуб 2019: 68]. В данном случае «неудобные» с феминистской точки зрения взгляды, высказанные Бернхардом в интервью, попросту замалчиваются.

На наш взгляд, подмеченная исследователями диалектика утверждения и одновременно осмеяния «фаллоцентрической» модели простирается из самого способа творческого мышления писателя — требования постоянной релятивации любого высказывания. Не становится исключением и высказывание о «духовности» мужчины и «бездуховности» женщины. По словам Бернхарда из другого интервью: «Должны быть люди, которые все время говорят “но”. Есть лишь те, кто устанавливает порядок вещей. И никогда не слышно “но”. Правда же в конце концов возникает тогда, когда добавляешь “но” и заканчиваешь предложение» [Bernhard 2012: 101].

2.2. Современный немецкий «розовый» роман: женщины о женщинах для женщин (на примере романа И. фон Кюрти „Mondscheintarif“)

В этом разделе речь пойдет о современном так называемом дамском — «розовом» — романе, предназначенном для восприятия женщиной и отражающем картину мира, «вселенную» женщины. Авто-

ром дамского романа по-прежнему является исключительно женщина, в центре его внимания тоже находится женщина, она все также является главным действующим лицом и основной героиней повествования, которое ведется от ее лица, поступки, переживания, чувства и мысли женщины являются основным содержанием романа. Но изменения в гендерной структуре общества, в проявлениях гендерных особенностей не могут не отразиться на содержании и элементах традиционного «розового» романа: являясь своего рода «слепком эпохи», он демонстрирует рожденную в соответствии с гендерными канонами и обыденными стереотипами модель личности нового века [Черняк 2015].

Роман „Mondscheintarif“ («Тариф на лунный свет») точно соответствует всем признакам дамского романа, описанным Е.В. Улыбиной [Улыбина 2004], а его автор — Ильдико фон Кюрти — как нельзя более точно соответствует имиджу писательницы-эмансипе, поэтому успех этой ее первой книги и последующих книг* не выглядит случайностью в массовой культуре Западной Европы. Этот роман написан от лица некой свободной и молодой женщины Кору 33 лет с говорящей фамилией Хюбш**, которая гениально обыгрывается в одном из эпизодов романа: *Hübsch wäre ja auch wirklich eine beleidigende Untertreibung*. Ситуация, описанная в романе, банальна: после любовного свидания с понравившимся ей мужчиной (в книге оно названо «секс») Кора ждет от него звонка. Весь роман, хронологически четко фиксируемое время действия которого — субботний вечер с 17.12 до 00.01, представляет собой череду внутренних размышлений и воспоминаний героини, которые вращаются вокруг возможного ответа на один вопрос: позвонит или не позвонит? Каждый эпизод опосредован интеллектуальными и эмоциональными всплесками Кору, безрезультатно пытающейся отговорить себя от мыслей о господине Хоффмане. На таком притяжении-отталкивании и выстроен весь рисунок психологической амплитуды переживаний героини.

* И. фон Кюрти написано 17 романов о женщинах и от имени женщин, последний из которых вышел в свет в 2022 г. (информация о романах: <https://www.ildikovonkuerthy.de/meine-buecher>).

** В переводе с немецкого *hübsch* означает «милый, симпатичный».

При всей традиционной «розовости» романа „Mondscheintarif“ он является ярким примером отражения в легкомысленном, на первый взгляд, жанре существенных изменений в общественном сознании, которые, с одной стороны, отражают динамику культуры, с другой стороны, выстраивают стратегии конструирования идентичности женщин в изменившихся условиях. Мы можем говорить о феномене «гибридного» литературного жанра — иронического дамского романа, в котором гендерный взгляд автора (взгляд «изнутри») накладывается на ее ироничное отношение к миру*. Сюжет в нем вторичен, на первом плане находится самоирония как инструмент самоопределения: Кора — главная героиня — отождествляет себя со своими чувствами, она отлично понимает, что делает глупости, но не боится признаться в этом. Она рушит стереотипы «правильной» гендерной идентификации — женского архетипа как хранительницы очага, добродетельной матери, верной жены и т.д. Мужа у Кору нет, в доме она убирает, лишь когда это необходимо (о том, что надо бы, наконец, выбросить рождественскую ель, стоящую на балконе с позапрошлого года, Кора вспоминает случайно), она сама зарабатывает деньги и решает бытовые проблемы (*Ich weiß zwar nicht, wie man den Premiere-Decoder anschließt, kann aber einen entsprechenden Techniker bezahlen*). Но при этом отчетливо проводится идентификация себя с образом женственности — при всех переживаниях Кора все время думает о том, как она выглядит, понравилась ли она своему избраннику.

Вместо стереотипов, характерных для недавнего времени, — образов деловой и настоящей женщины — И. фон Кюрти рисует нам женщину реальную, среднестатистическую (*ich <...> gehöre zu der Mehrheit von Frauen, die auch in fortschreitendem Alter hauptsächlich mit einer Problemzone rumschlägt*), не совершенную, но от этого еще более привлекательную. И в этом смысле ирония И. фон Кюрти — больше, чем просто литературный прием. Иронии придается статус смысловой стра-

* В отношении к англоязычной прозе этот жанр называют чиклит (англ. *chick lit* — «женское чтение», «литература для цыпочек» — термин придуман К. Мазой и Д. Шеллом в 1995 г. В качестве заголовка к антологии постфеминистской прозы [см., например, Гергель, Иксанова 2019; Черняк 2015 и др.].

тегии, направленной на постижение «закадрового», истинного смысла читателем. Ирония И. фон Кюрти — это и технический инструментарий для передачи информации читателю (риторическое переворачивание смысла), и косвенный, иронический стиль мышления, который скрывается за этим текстом. Иронизируя, героиня романа критикует, высмеивает себя как представителя женской половины человечества и мужчин как противоположный пол.

С самых первых строк И. фон Кюрти начинает эмоционально-идейное обличение объекта — женщин с их «странным» мировосприятием: роман начинается словами *Der Fuß ist eine weitgehend unerschlossene weibliche Problemzone. Ein Satz, wie in Stein gemeißelt*. Философские размышления лежащей в ванне главной героини по поводу возможных форм ступни женской ноги (такая понятная каждой женщине тема!) — это ли не смех над собой умной и понимающей абсурдность таких размышлений женщины. Но трезвость ума не исключает эмоциональное восприятие мира, и поэтому неумение установить «дружественные отношения со своими ногами» рождает критическое описание образцов некрасивых, по мнению героини, ног: *Meine Zehen sind krumm wie die Zähne im Mund eines Schuljungen, der sich beharrlich weigert, eine Zahnspange zu tragen. In meiner Bauch-Beine-Po-Gruppe ist eine, deren Zehen sind so kurz, als seien sie ihr in jungen Jahren von einer scharfkantigen Glasplatte guillotiniert worden. Und meine Freundin Johanna hat Füße wie andere Leute Oberschenkel. In ihren Pumps hätten sich noch einige Zweite-Klasse-Passagiere von der Titanic retten können*. Абсурдные и гиперболизированные до наивысшей степени сравнения (пальцы ног сравниваются с кривыми детскими зубами, а ступни подруги — со спасательной лодкой для пассажиров «Титаника») вызывают улыбку, но не недоумение. Напротив, такое знакомое женское недовольство собой, удивительно тонко подмеченное и умело изображенное автором, легко узнается каждой женщиной и, следовательно, является абсолютно реальным фактом.

В каждом эпизоде романа читательницы узнают себя, свой образ мыслей. Этим И. фон Кюрти демонстрирует важную особенность нового типа идентичности современной женщины — презента-

онность, подиумность женского сознания, когда вместо характеристик существенных на первый план выходят характеристики демонстрируемые. Так происходит становление критериев нового женского образа — автор предлагает читательницам опыт идентификации с «Я», иначе говоря, роман имплицитно внушает уверенность, что женская идентичность героини, а значит, читательницы, и есть подлинная. Демонстрируемыми характеристиками Кору оказываются в первую очередь уход за внешностью, стремление быть стильной и современной. Как истинная женщина Кора с особой педантичностью готовится к свиданиям, понимая, что власть и сила ее женственности заключается в ее соблазне. С большим трепетом она подбирает косметические средства, заранее определяя аромат для волос или для тела, считая данное занятие намного серьезнее, чем, к примеру, заполнение налоговых деклараций: *18.00 Uhr — Körperpflege — Duschen (mit Kiwi-Duft-Gel); Haarewaschen (mit Orangen-Duft-Shampoo); Kur-Packung (mit Cocos-Duft-Conditioner); Eincremen (mit Vanille-Duft-Lotion)*. Действия героини расписаны по минутам, учтена каждая мелочь, заранее определены и письменно зафиксированы все нюансы.

Что еще выносит на всеобщее обозрение Кора? Характеристику, неразрывно связанную с заботой о внешности — вечное недовольство ею: ни одна женщина не может быть абсолютно удовлетворена результатами своей активной деятельности по созданию «лица». Бесконечные страдания по поводу нестандартных размеров той или иной части тела (*Null Brust. Null Hintern. Aber Oberschenkel wie Oliver Bierhoff und Waden, die auch ohne mich, jede für sich allein, überleben könnten*) или неумения правильно пользоваться косметикой (*Mit Wimperntusche ist das so eine Sache. Meist verklebt sie sich klumpig, sodass die Wimpern aussehen wie die Beine einer arthritischen Vogelspinne*) приводят Кору часто к отчаянному сравнению себя с новомодной шваброй (*Ich sah aus wie ein Wischmopp, mit dem man auch gut in die Ecken kommt*). Или к выводу о причинах отсутствия знаков внимания мужчины: *Weiß jetzt, warum er nicht anruft. Bin zu dick*. Это и есть круговорот мыслей каждой второй женщины, независимо от национальности и возраста: не звонит, не обращает внимания, значит, что-то не так с моей

внешностью. А что может быть не так? Конечно, недостаточная стройность!

Сомнения в собственной привлекательности, основанные на мнении о лишнем весе, — настоящая проблема для целой армии женщин, олицетворяемых Корой, посвятивших годы борьбы с этим видимым «врагом». Но автор демонстрирует в образе Кору нормальную (т.е. абсолютно нелогичную) современную женщину, которая не мучит себя диетами и голодовками, а любит вкусно поесть, полакомиться сладким, но... все свободное время после этого вынуждена проводить в спортивном клубе: *Ja, ich gehöre zu den schwitzenden Idiotinnen, die eine Stunde lang auf dem Stair-Master eine imaginäre Treppe hochsteigen.* В итоге депрессия по поводу своей фигуры бесконечна: *Mein größtes Hobby ist Fettverbrennung. <...> Es gibt Zeiten, in denen ich zunehme. Es gibt Zeiten, in denen ich abnehme. Ich habe keine Freizeit.*

Кора постоянно находится под прицелом внутреннего объектива, в состоянии боевой готовности, ее мозг как мощный компьютер учитывает каждую мелочь в ежесекундно меняющейся ситуации: женщина должна помнить, в каком ракурсе она выглядит лучше, маскировать проблемные зоны своей фигуры (*Weiß sie, wie es ist, einen ganzen Abend mit eingezogenem Bauch zu verbringen?*) и т.д. Нельзя расслабиться ни на мгновение, даже во время беседы на самые серьезные темы Кора думает о том, как она выглядит: *Ich glaube, ich habe total entspannt und lebenslustig gewirkt, obschon ich mich ständig fragte, ob:*

- a) meine Hochsteckfrisur gerade dabei war, sich in eine ehemalige Hochsteckfrisur zu verwandeln,
- b) sich Essensreste zwischen meinen Schneidezähnen platziert haben könnten,
- c) *mein helles Kleid womöglich im nächsten Moment eine verhängnisvolle Affäre mit der Tomatensoße anfangen würde.*

Хороший аппетит Кору тоже является в какой-то мере вынужденно используемым инструментом в достижении перспективной цели — завоевания внимания потенциального партнера: *Wenn ich eins gelernt habe, dann ist es, dass Männer Frauen mögen, die richtig zulangen. Das zeugt von Sinnlichkeit und Genussfreude.* Кроме того, каждый знает: хоро-

ший аппетит — показатель здоровья, необходимого для жизнеспособного потомства. Это генетически заложенное в нас безусловное знание управляет поведением женщины при общении с мужчиной в релевантных ситуациях. Но и здесь включается сознательный контроль — важно не переборщить с усердием, иначе все усилия могут сойти на нет и столь желанная «добыча» будет упущена: *Wichtig ist natürlich, dass die Frau, obwohl sie gerne isst, dennoch schlank ist. Sonst wirkt sie undiszipliniert.* В этих размышлениях Кору «просвечивает» ее вынужденное целеориентированное стремление соответствовать нормативным предписаниям и ожиданиям гендера.

И. фон Кюрти откровенно демонстрирует самые интимные подробности создания Корой соблазнительно-женственного «лица». Красота, как известно, требует жертв, поэтому женщины вынуждены терпеть самые неприятные моменты, связанные с этим процессом. Например, эпиляцию, которая, по мнению Кору, сравнима с удалением аппендикита без наркоза: *Genauso könnte man sagen, die Entfernung eines Blinddarms ohne Narkose würde bloß ein wenig ziepen.* Эпиляция рассматривается Корой как элемент инициации женщины, как одно из явлений в ряду жизненно значимых: *Es sind die geheimen Initiations-Riten im Leben einer heranwachsenden Frau: Menstruation. Geschlechtsverkehr. Sich im Restaurant über das Essen beschweren. Putzfrau anheuern. Erstmaliges Überziehen des Dispokredits. Beinthaarung. Geburt. Mit einem fünfzehn Jahre jüngeren Mann schlafen. Mit zwei fünfzehn Jahre jüngeren Männern gleichzeitig schlafen. Scheidung.* Представление Кору об этапах инициации значительно шире общепризнанных социальных атрибутов, к которым традиционно относят начало сексуальной жизни, замужество, рождение детей. Для нее в процессе приобретения социально-психологической зрелости не менее важным является осмеливание действовать вопреки природным инстинктам и придуманным обществом правилам, переключение психической энергии на новое и необычное, приобщение к тайне, необходимо сопровождающееся физическими испытаниями. Безусловно, и эти размышления Кору полны иронии, но, как известно, в каждой шутке есть доля правды.

Секс, интимные отношения тоже являются элементом инициации*. Эта сторона исключительно важна для Кора, она думает о ней, страдает при отсутствии интимного партнера (*Alle, alle werden im Verlauf dieses Abends Sex haben. Nur ich nicht*). Но ее не устраивают отношения с первым встречным только ради удовлетворения физиологической потребности, ее не устраивает и скучный секс «по обязанности», ему она предпочитает самоудовлетворение: *Verglichen mit dem Sex, den Marianne mit Rüdiger hat, ist jede Selbstbefriedigung ein rauschhaftes Erlebnis*. Кора рассказывает о своих любовных связях как о самом обыденном, само собой разумеющемся. Секс для нее — неотъемлемая часть жизни, от которой зависит душевное состояние. Разумеется, каждый из партнеров, о которых вспоминает Кора, имел свои плюсы и минусы, которые легко систематизируются Корой (*Betroffenheitsbumser, Egorammler* и др.). Для оценки отношений, отвечающих ее представлению об идеале, Кора использует красивые метафоры: *Es war wie... wie... der erste Schluck Champagner nach langer Abstinenz... wie am ersten Urlaubstag jubelnd mit Kleidern ins Meer rennen... wie ins Bett gehen, wenn man müde ist... wie hellwach aufstehen... wie Tiramisu nach einem guten Essen*.

Налицо еще одно доказательство той самой подиумности сознания Кора — для нее нет табу в выборе тем**, она без стеснения рассказывает, какие моменты в интимной игре ей нравятся и какие ее раздражают (*Ich bin auch keine Freundin von den Zungen, die sich in meine Ohrmuschel bohren oder Kopulationsstellungen, die mehr als eine durchschnittliche Gelenkigkeit voraussetzen*). Она сообщает нам и то, что она достигла совершенства в симуляции оргазма: *Mein Fachgebiet ist die naturgetreue Nachbildung von Interesse, Mitleid und Orgasmen*. Рассуждая об отношениях с мужчинами — бывшими партнерами, Кора

* О. Вайнштейн называет розовый роман в целом жанром «сказки о женской инициации» [Вайнштейн 2000].

** Р. Барт в своей книге «Фрагменты речи влюбленного» замечает, что в современной культуре непристойность — это не порнография или шокирующая сексуальная трансгрессия, а скорее чувствительность или даже сентиментальность [Барт 2015: 118].

сетует на то, что в отдельных случаях симуляция оргазма представляет собой определенные трудности — в случае, если партнер не дает внешней «команды» начать такую симуляцию: *Nichts ist schlimmer, als die Kerle, die ohne Vorankündigung fertig sind. Wie soll man denn da glaubwürdig einen Orgasmus simulieren?* Очевидно, что до встречи с Даниэлем Кора в сексуальных отношениях действовала по неким неписаным правилам, одно из которых гласит: секс с женщиной — подарок для мужчины. Эта точка зрения объясняет многое: симуляция оргазма является кульминационной фазой такого подарка, секс категоризируется женщиной как услуга.

Именно следствием такого взгляда на интимные отношения является страх Кора потерять партнера при открытой демонстрации интереса к нему: *Wenn ich ihn jetzt anrufe, wird er glauben, ich hätte Interesse an ihm. Weiß doch jedes Kind, dass man damit jeden Mann vergrault*. Правда, Кора оговаривает, что осторожность необходима до момента, пока женщина не будет уверена в том, что она любима (*Wenn du irgendwann geliebt wirst, kannst du so sein, wie du bist*). Но до наступления фазы такой уверенности следует подчиняться еще одному непреложному, по ее мнению, правилу: *Nach dem ersten Sex rufst du ihn nicht an. Nie. Unter keinen Umständen. Und zu dieser Regel gibt es keine Ausnahme*. В этом мнении опять демонстрируется традиционное представление о женщине как о «вторичном поле» и об «универсальности и всепроникаемости маскулинности» [Брандт: 28], который всегда вправе. Представление о том, что никто не смеет опережать мужчину в его действиях: *Ein Mann fühlt sich seiner Männlichkeit beraubt, wenn eine Frau ihm zuvorkommt*. Представление о том, что мужчина всегда должен соответствовать норме твердости, конструирующейся не только вокруг физической силы и высокой биологической активности (потенции), но и вокруг эмоциональной сдержанности: *Männer empfinden Freiheit als einen Wert an sich, den einsamen Wolf als Ideal vom Mannsein*. Однако описанная ситуация только внешне репрезентирует образец патриархальной идеологии. Кора бессознательно рассматривает построение отношений как «игру, в которую играют люди» (здесь в ней обнаруживается сущность Афродиты, которая проявляется в примитивных трюках и игре

инстинктов). Она просчитывает свои действия на несколько ходов вперед и понимает, что если она выдержит напряжение и дождетя-таки звонка, то шах и мат будут за ней: *Die Stunden oder Tage, die zwischen dem ersten Sex und seinem nächsten Anruf liegen, sind die einzige Zeit, in der das Männchen Herr der Lage ist*. Дальше наступит время «женской фаллокрации» [Бодрийяр: 41].

В этой двойственности (неуверенность в себе и служение мужчине, с одной стороны, и стремление завладеть ситуацией и взять верх над мужчиной, — с другой) суть женщины третьего тысячелетия, которая генетически детерминирована психологическим и биологическим доминированием мужчин, но уже предприняла попытки демаркации, преодоления рамок культурно-исторической матрицы и гендерного контракта, предполагающего культ семьи и женской верности-чистоты.

И. фон Кюрти рисует двойную перспективу картины мира современной женщины, «заблудившейся» в различных сценариях отношений: Кора не любит детей и боится беременности, но, встретившись с Даниэлем, робко примеряет на себя его фамилию, несмело мечтает о замужестве: *Cora Hoffmann. Cora Hoffmann-Hübsch. Cora Hübsch-Hoffmann. Klingt doch gar nicht schlecht*. Кора отвергает роль домашней хозяйки, которая представляется ей незавидной и непрестижной, она демонстрирует знание насущных социально-политических проблем, лихо декламирует известные политические лозунги (*Ich, Kämpferin für die Unterdrückten, Retterin der Armen. Die Jeanne d'Arc der Klofrauen! Nieder mit dem Kapital! Wir sind das Volk!*), но потенциально уже готова отказаться от профессии и сосредоточиться на личном. Стратегически планируя встречи и телефонные разговоры с господином Хофманном и стремясь произвести впечатление на него, Кора пытается показать себя умной и эрудированной женщиной, удостаивающей своим вниманием только серьезную классическую музыку и литературу, взыскательные телевизионные передачи. Но она обыкновенная, ничем не выдающаяся женщина и свою естественность скрывать не умеет, она проявляется в ней практически с первых минут общения: *Ich war genau so, wie ich immer bin. Das Blöde an mir ist nämlich, dass ich nichts Besseres zu tun habe, als all die Taktiken, die ich mir zurechtlege, nicht*

nur nicht anzuwenden, sondern — viel schlimmer noch — auszuplaudern. Кора хочет быть выдержанной и невозмутимой, ни в коем случае не показать Даниэлю степень своей влюбленности, но страдает безмерно, ожидая звонка от него, поскольку чувство оказывается для нее абсолютно превалирующей, единственно релевантной частью жизни. В конце романа она, устав от борьбы с условностями и противоречиями, решает быть самой собой, такой, какой ее создала природа: *Ich werde ganz ich selbst sein*. Но и тут вопрос остается открытым: *Wie bin ich eigentlich?* Какая гендерная роль наиболее приемлема для женщины постмодерна? И. фон Кюрти предлагает нам самим решить, стоит ли так жестко детерминировать представления о «женском» и «мужском». От гендерной амбивалентности сегодня не уйти, значит, для нас, современных мужчин и женщин, актуализируется задача деконструкции сложившихся и реконструкции новых, альтернативных представлений о гендере.

Таким образом, роман «Mondscheintarif», как и другие произведения И. фон Кюрти в жанре ироничного женского романа отражает устоявшиеся стереотипы об отношении полов в современном обществе, а также новые представления о социальной роли современной женщины, определяя идеальный постмодернистский женский образ — образ современной независимой женщины, проявляющей свое женское начало после встречи со «своим единственным».

ЗАКЛУЧЕНИЕ

Изложенные в настоящей монографии наблюдения за репрезентацией отдельных аспектов гендера в немецкой культуре доказывают, что гендер как продукт культуры отражает стереотипные представления народа о женственности и мужественности, они фиксируются в наивной картине мира — в фольклоре, в традициях, в языке, в речевом поведении полов. При этом очевидно различие социальных ролей мужчин и женщин — тоже регламентированных, подчиненных стереотипам, задающих программу поведения. Такое неосознанное стереотипное восприятие действительности, характеризуясь устойчивостью, играет значимую роль в защите социальных ценностей общества и влияет на формирование ожиданий определенного типа поведения представителей гендерных групп.

Стереотипные представления о мужчинах и женщинах отражаются в культуре в виде утверждений, что «мужчины рациональны, женщины эмоциональны», «мужчина обладает силой, а женщина слаба», «мужчины отважны, женщины боязливы», «мужчины доминантны, женщины покорны» и под. Такие укоренившиеся в сознании и выраженные в традиционных фольклорных текстах (паремии, анекдоты) и речевых формулах (оскорбительные клише) стереотипы нивелируют ценность женщины в обществе и свидетельствуют о ярко выраженном андроцентризме немецкого языка — он даже формально ориентирован на мужчин (понятия мужчина и человек (*Mann*) в нем тождественны, имена существительные женского рода (наименования профессий) производны от соответствующих существительных мужского рода, имена существительные мужского рода могут употребляться для обозначения женщин). Иначе говоря, немецкая языковая картина мира основана на точке зрения мужчин, женское предстает в немецкой тра-

диционной культуре в роли объекта или инструмента удовлетворения потребностей, наслаждения.

Рассмотрение коммуникативных стратегий мужчин и женщин (на примере политической коммуникации) показывает, что в речи женщин превалируют формы вежливости и смягчения, женское речевое поведение характеризуется как более гуманное, внимательное, направленное на партнера. Женщина ориентируется на тактику коммуникативного сотрудничества — она легче идет на компромисс, не стремится управлять диалогом в отличие от мужчины, старающегося доминировать в разговоре, контролировать его ход, действующего в рамках «тактики коммуникативного соперничества». Осторожность, недирективность, косвенность речи женщин часто приводит к неверному выводу об их неуверенности, даже некомпетентности, что не может не наносить ущерб в профессиональной, например, сфере. Но изменение речевого поведения не дает обратного результата, мужской стиль речи в арсенале женщины создает образ не располагающей к себе грубой, агрессивной особы и тоже может привести к коммуникативным неудачам — такое положение дел Р. Лакофф называет «ситуацией двойной связанности» [Lakoff 1975: 90—94].

Несмотря на сказанное — казалось бы, очевидное и неоднократно доказанное, — мы понимаем, что речевое поведение и особенности речи женщин и мужчин непоказательны, они могут быть в равной степени обманчивы и не должны становиться ярлыками. Ведь языковой регистр и речевое поведение представителей гендерных групп могут меняться в зависимости, например, от статусного положения партнера по коммуникации: в разговоре с высокостатусным партнером (руководителем) и мужчинами, и женщинами используется женский регистр, в разговоре с подчиненным — «мужской». Гендерная картина мира меняется и под влиянием внешних обстоятельств, в ней все теснее переплетаются традиционное и новое, следовательно, меняются и «заклейменные» как стереотипные характеристики гендерных ролей. Чтобы выстоять в наше сложное, кризисное время, женщине приходится быть умной, энергичной, активной, предприимчивой, т.е. за ней закрепляются черты, которые до недавнего времени

считались прерогативой мужчин. Мужчинам же — супругам таких активных женщин — нередко приходится брать на себя обязанности по дому, воспитывать детей — играть «женскую» социальную роль, которая, собственно, как таковая больше не воспринимается в обществе.

Равное отношение полов требует и своего выражения в языке: сторонники гендерного равенства считают, что в современное словоупотребление должны быть введены элементы, справедливо репрезентирующие гендерные характеристики, элиминирующие языковую дискриминацию по признаку пола. Немецкий язык в последние годы обогатился широким спектром попыток решить вопрос гендерной асимметрии, которая выражается, например, в использовании мужского рода для обозначения множественного числа лиц обоих полов (*generisches Maskulinum*), местоимений *niemand, jemand, wer* и их согласовании по мужскому роду, неопределенно-личного местоимения *man*, не имеющего соответствующей формы женского рода, и др. Поборники гендерной справедливости выступают за исключение таких «патриархализмов» [Samel 2000: 47—48] из употребления, это движение приносит свои плоды: в обиход вводятся сплиттинговые формы, отдельные номинации (*Fräulein*) меняют регистр употребления и переходят в разряд инвектив, принимается ряд официальных документов с рекомендациями по устранению гендерного неравенства (сексизма) в языке. Кроме того, современное положение дел требует учета факта, что в языке отсутствуют формальные показатели для номинаций лиц, не признающих бинарное разделение на два пола. Оппоненты гендерно-справедливой точки зрения настаивают на сохранении сложившейся в течение веков ситуации в системе языка и речевом употреблении, считая, что не следует мешать языку свободно развиваться и насаждать насильно новые, порой откровенно странные формы.

Гендерный «прожектор» немецкой культуры направлен не только на язык, он «освещает» и вторую важную часть — художественную литературу. Взгляд на творчество двух современных авторов — язвительного Томаса Бернхарда и ироничной Ильдики фон Кюрти — показывает две разные точки зрения на женское начало.

Т. Бернхард, мастерски владеющий «искусством поношения», представляет патриархальный взгляд на мир женских образов: женщины в нем детерминируются исключительно своей сексуальностью и поэтому лишены морали и вкуса. Они репрезентированы как средоточие глупости и греховности, разложения и подлости, лицемерия и жадности, ненависти и коварства; они — зло и поэтому противопоставлены мужчине, которого Т. Бернхард представляет «человеком духа», гением.

И. фон Кюрти остроумно пишет о том, что думает и испытывает сама, «выворачивая» себя наизнанку: о жизни современной среднестатистической женщины и ее внутреннем мире, о страхах, установках, о любви. Это женский взгляд на мир и на женщин в нем, он отличается высоким психологизмом восприятия действительности: автор, опираясь на собственный опыт, показывает особую ранимость героини, ее интуитивность в принятии решений, которая ведет порой к парадоксальным результатам.

Разные авторы, но их творчество, по сути, сводится опять к стереотипному изображению представителей гендерных групп и традиционному отражению гендера в зеркале немецкой культуры. Конечно, многие скажут, что делать выводы, опираясь на творчество всего лишь двух авторов, неверно. Мы и не ставили перед собой задачу расставить все точки над гендерным *i*, это сделать сегодня в принципе невозможно — оценки в эпоху постмодернизма изменчивы и субъективны, а истина множественна. Однако Т. Бернхард и И. фон Кюрти — не проходные авторы, они в какой-то мере являются лицом современной немецкой литературы. Следовательно, можно утверждать, что они в своих книгах транслируют эталоны и стереотипы культурно-национального миропонимания, воспроизводят установки национальной культуры и формируют ее, опираясь при этом на существующие идеологические установки, традиционные и новые социальные и культурные практики.

Настоящая монография не исчерпывает всей полноты и многоаспектности отражения гендера в немецкой культуре. Перспективы исследования в этом направлении видятся нам широким полем деятельно-

сти: было бы интересно рассмотреть репрезентацию гендера в других типах фольклорных текстов (потешки, частушки, сказки, мифы и легенды, народные песни и др.), в разных дискурсах и разных типах речевых актов, в творчестве классических и современных писателей и поэтов, в разные периоды развития немецкой культуры, в произведениях живописного искусства, символику гендера в обычаях и традициях немецкого народа. Такая палитра исследовательских векторов важна для создания единой немецкой гендерной картины мира, свободной от манипулятивной интерпретации, по-настоящему отражающей положение дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазова С.Г. Феминизм // Политология: лексикон / под ред. А.И. Соловьёва. М.: РОССПЭН, 2007. С. 708—724.
2. Айвазова С.Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 3—13.
3. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 3-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2010.
4. Арестова А.А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности. Тамбов: ТОИПКРО, 2006. 131 с.
5. Ахмадеева К.Н. Конструирование гендерных стереотипов в управлении: тематический репертуар дискурсивных практик и стратегий: дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2011. 199 с.
6. Ашинова И.В. Маскулинность и фемининность в рекламном дискурсе // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4 (29). С. 115—117.
7. Бабайцев А.В. Политический символизм цвета // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та, 2007. С. 56—62.
8. Бабаян С.С. Гендер и межкультурная коммуникация: потенциальные поля пересечения // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2009. № 15. С. 285—289.
9. Баранов Д.А., Баранова О.Г., Зимина Т.А. и др. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 688 с.
10. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 320 с.
11. Батлер Дж. Лакан, Ривьер и стратегии маскарада / пер. с англ. А. Гараджи // Гендерная теория и искусство. Антология 1970—2000 / под ред. Л.М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 422—442.
12. Белая Н.В. Гендер как фактор социальных отношений в английской, американской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 18 с.
13. Белик Е. В. Лингвистическая гендерология как самостоятельное научное направление // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. М., 2003. Вып. 2. С. 17—27.

14. Бендас Т.В. Гендерная психология. СПб., 2005. 431 с.
15. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 318 с.
16. Бернхард Т. Стужа / пер. В. Фадеева. СПб.: Симпозиум, 2000. 491 с.
17. Бернхард Т. «Видимость обманчива» и другие пьесы / пер. М. Рудницкого. М.: Ad Marginem, 1999. 718 с.
18. Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1. Факты и мифы. Т. 2. Жизнь женщины: пер. с фр. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 831 с.
19. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 48 с.
20. Брандт Г.А. Природа женщины. М.: Уральнаука, 1999. 165 с.
21. Будде Г.-Ф. Пол истории // Пол, гендер, культура. М.: РГГУ, 1999. С. 131—154.
22. Буцык Е.Д. Особенности формирования имиджа политика в предвыборной гонке: гендерный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 1. С. 91—98.
23. Бушуева Н.В. Сравнительный анализ мужского и женского лидерства // Власть. 2010. № 5. С. 27—29.
24. Вайнштейн О. Розовый роман как машина желаний // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33—37.
25. Вайнштейн О. Российские дамские романы: от девичьих тетрадей до криминальной мелодрамы // Новой литературное обозрение. 2000. № 41. С. 441—447.
26. Вейнингер О. Пол и характер: принципиальное исследование. М.: Академический Проект, 2012. 389 с.
27. Водолазов Г.Г. Наш современник Сократ // Общественные науки и современность. М., 2005. № 5. С. 109—117; № 6. С. 128—134.
28. Воробьева С.Ю. Проблема «женского письма» в контексте теории гендера // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2013. № 1 (17). С. 183—184.
29. Воронина О.А. Пол / гендер как категории феминистской философии // Философские исследования. 1995. № 4. С. 80—99.
30. Воронина О.А. Гендерный поворот в философской антропологии // Наука, образование, культура. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-povorot-v-filosofskoy-antropologii>
31. Гергель О.В., Иксанова Р.М. Современная женская англоязычная проза как объект гендерной лингвистики // Евразийский союз ученых. 2019. С. 40—43. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.6.61.44
32. Голуб Р.Ч. Нище и женский вопрос // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 1. С. 65—70.

33. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании. URL: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm>
34. Горошко Е.И. Функциональная асимметрия мозга, язык, пол: аналитический обзор. М.; Харьков: ИД «Инжэк», 2005. 285 с.
35. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005.
36. Грошев И.В. Гендерные корреляты непосредственного поведения процесса общения // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 87—95.
37. Грошев И.В. Индивидуально-личностные и гендерные особенности стилевых паттернов поведения в межличностном конфликтном взаимодействии // Социальный мир человека. Вып. 4: мат-лы IV Всерос. конф. с междунар. участием «Человек и мир: психология конфликта и риска инноваций» (Ижевск, 28—30 июня 2012 г.) / под ред. Н.И. Леонова. Ижевск, 2012. С. 52—56.
38. Диасамидзе Л.Р. Гендерный аспект реализации речевых стратегий в российских и американских политических блогах // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2010. Вып. 1 (31). С. 95—99.
39. Досина Н.В. Гендерные исследования в социологии. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 148 с.
40. Дутова Н.В. Гендерные особенности функционирования невербальных компонентов в коммуникативном поведении языковой личности: межкультурный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2014. 24 с.
41. Евграфова Ю.А. Мужики и бабы: гендер в паремиологической картине мира (на материале русского, английского, немецкого и итальянского языков). М.: ФЛИНТА, 2020. 136 с.
42. Евтушенко О.А. Специфика кооперативной коммуникативной стратегии в административном дискурсе // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 2. С. 126—129.
43. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Иностранная литература, 1958. 404 с.
44. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 90—136.
45. Жеребин А.И. Вертикальная линия. Венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2011. 533 с.
46. Каган М.С. Анекдот как феномен культуры. Вступительный доклад // Анекдот как феномен культуры: мат-лы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 5—16.

47. Каракулова С.Ш. Митигативные стратегии и тактики в политических интервью с германскими политиками: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 22 с.
48. Каратышова М.А. Репрезентация мужского доминирования в речевом поведении // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № S26. С. 16—20.
49. Кирилина А.В. Гендер. Лингвистические аспекты. М., 2000. 155 с.
50. Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1998. №2. С. 51—58.
51. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2 (22). С. 22—43.
52. Климинская С.Л. Лингвостилистические средства реализации стратегий и тактик убеждения в аргументативном дискурсе (на материале англоязычных телевизионных дискуссий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 28 с.
53. Ключко О.И. Гендерная асимметрия социализации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 1999. 17 с.
54. Коврикова О.И. Гендерные стереотипы в наследство и их проявление сегодня // Женщина в зеркале социологии. Иваново, 1999. Вып. 2.
55. Котелевская В.В. Томас Бернхард и модернистский метароман. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2018. 351 с.
56. Кошкарова Н.Н. Политическое интервью межкультурного уровня: реализация конфронтационной и кооперативной стратегий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (157). С. 148—152.
57. Либин А.В. Дифференциальная психология на пересечении европейских, российских и американских традиций. М.: Смысл: Per Se, 2000. 549 с.
58. Малишевская Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции Мужчина / Женщина) // Фразеология в контексте культуры. М.: Наука, 1999. С. 180—184.
59. Малыгина А.В. Гендерные аспекты как тексты культуры (на примере моды середины XX — начала XXI в.): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008.
60. Мельничук Н.В. Речевой конфликт и его регулирование средствами аргументации // *Lingua mobilis*. 2013. С. 37—40.
61. Мукашева Р.М. Концепты «фемининность» и «маскулинность» в языках различных типов // Вестник Московского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 6 (745). С. 94—108.
62. Мясникова И.А. Когнитивные аспекты конструирования гендера // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 3. С. 52—57.

63. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. 892 с.
64. Носков В.В. История и «гендерная история» // Гендерная история: pro et contra. СПб.: Нестор, 2000.
65. Овчарова О.Г. Реализация биографического метода в гендерной политологии // Известия Саратовского университета: новая серия. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12. Вып. 4. С. 97—101.
66. Павлова Н.С. Природа реальности в австрийской литературе. М.: Языки славянской культуры, 2005. 311 с.
67. Певнева И.В. Особенности реализации коммуникативных стратегий в конфронтационных ситуациях общения // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 321. С. 30—31.
68. Першай А. Семантика пола: репрезентация гендерных отношений во фразеологии. Вильнюс: ЕГУ, 2014. 178 с.
69. Петренко М.С. Современный анекдот в текстовом, жанровом и дискурсивном аспектах: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2004. 216 с.
70. Рабжаева М.В. Гендерная антропология: концептуальная и институциональная характеристика // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 2. С. 133—147.
71. Ромашко С.А. Достоевский и Томас Бернхард: говорящий субъект как организующий момент текста // Вопросы филологии. 2004. № 1 (16). С. 81—86.
72. Рябова Т.Б. Пол власти: Гендерные стереотипы в российской политике. Иваново: ИвГУ, 2008. 246 с.
73. Рябова Т.Б., Овчарова О.Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 3—23.
74. Роттердамский Э. Похвала глупости. URL: <http://lib.misto.kiev.ua/FILOSOF/ERAZM/pohwala.txt>
75. Серова И.Г. Возможности теоретического описания гендера в терминах когнитивной лингвистики // Сознание и речевая деятельность: социо- и лингвокультурологические аспекты. Материалы междунар. научной конф. памяти проф. В.Я. Шабеса. СПб., 2014. С. 58—61.
76. Синеокая Н.А. Лексические маркеры фемининности в политическом дискурсе (на примере интервью женщин-политиков Германии) // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 128—134.
77. Синеокая Н.А. Маскулинные коммуникативные стратегии и тактики (на материале интервью женщин-политиков Германии) // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1 (16). С. 115—122.

78. Ситникова И.О., Смолоногина Е.А. Влияние языковой гендерной политики на речевую практику в немецкоязычных странах // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. № 6 (848). С. 171—181. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_6_848_171
79. Скаженик Е.Н. Деловое общение. Таганрог: ТРТУ, 2006. URL: http://www.aup.ru/books/m161/6_1.htm
80. Слина Л.Я., Нифонтова Д.Е. Гендерная справедливость как объект любительской языковой критики в немецких СМИ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Язык и литература. 2021. Вып. 18 (4). С. 847—862. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.413>
81. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты). Волгоград: ВолГУ, 2009. 382 с.
82. Ташкенов С.П. Проза Томаса Бернхарда: кризис языка и проблема диалогического слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.
83. Ташкенов С.П. Томас Бернхард: метастазы патриархальности и женское письмо // Гендерная проблематика в современной литературе: сб. науч. тр. Сер. «Теория и история литературоведения». М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2010. С. 140—160.
84. Тимченко Е.И. Проявление гендерного фактора в современном немецком языке // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 2. С. 479—483. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.2.36
85. Ткачева В.А. Гендерные стереотипы в современной России и влияние на них массовой культуры. Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2020. № 12 (1). С. 261—264.
86. Трофимова Н.А. Ласкательные вокативы: деривационный аспект // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 1. С. 95—103.
87. Туманова Г.А. Коммуникативная стратегия убеждения и особенности ее реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков). М., 2015. 283 с.
88. Улыбина Е.В. Субъект в пространстве женского романа // Пространство жизни субъекта: единство и многомерность субъектнообразующей социальной эволюции. М.: Наука, 2004. С. 538—555.
89. Уэст К., Зиммерман Д. Создание тендера // Гендерные тетради. Труды СПб филиала ИС РАН, 1997. С. 94—124.
90. Федорова Т.В. Гендерные стереотипы как фактор формирования имиджа политика: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2008. 168 с.
91. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. Минск, 2001. 455 с.
92. Хитрук Е.Б. Гендерная проблематика в современной философии. Томск: ТГУ, 2015. 60 с.

93. Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке // пер. с англ. Н. Охотина. М.: АСТ: Corpus, 2017. 379 с.
94. Холод А.М. Мужская и женская картина мира в русском языке // Вербальные и невербальные дейксисы маскулинности и фемининности. Кривой Рог: ЧЯПК, 1997. С. 101—121.
95. Цветкова Е.Б. Языковые маркеры женского политического дискурса в аспекте прагмалингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11. Ч. II. С. 196—198.
96. Черняк М.А. Пятьдесят оттенков розового современного любовного романа // Библиотечное ДБЛО. 2015. № 19 (253). С. 9—14.
97. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Терра, Республика, 2001a. Т. 2: Мир как воля и представление. 560 с.
98. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Терра, Республика, 2001b. Т. 5: Parerga и Paralipomena: в 2 т. Т. 2: Paralipomena. 527 с.
99. Щербакова О.А. Оппозиция «маскулинность-фемининность» и ее реализация в языке и речи // Вестник МГЛУ. 2013. № 5 (665). С. 207—221.
100. Эпштейн М. Любовь. М.: РИПОЛ классик, 2018. 568 с.
101. Юнг К. «Анима и Анимус» // Юнг К. Психология бессознательного. М., 1996. С. 253—281.
102. Ячкова О.В. Языковые средства, реализующие кооперативную стратегию в реалити-шоу (на материале русского языка) // Вестник ВятГУ. 2008. Т. 2. № 3. С. 32—38.
103. Abbot P., Wallace C. An Introduction to Sociology. Feminist Perspective. London: New York: Routledge, 1997.
104. Angela Merkel im Porträt. URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/content/im-portraet-1842916>
105. Ashmore R.D.; Del Boca F.K. The Social Psychology of Female-male Relations: A Critical Analysis of Central Concepts. New York, 1986.
106. Basow S.A. Gender stereotypes and roles. Pacific Grove, 1992.
107. Bär D. Zur medialen Darstellung von Frauen in der Politik Berlin. Perfekter Sitz. Die Frisur hält // Frauen in der Politik. 2010. Hrsg. I. Kürschner. S. 47—55.
108. Bebel A. Die Frau und der Sozialismus (Internationale Bibliothek. Bd. 9, 2. Nachdr. der 1929 ersch. Jub.-Ausg). Berlin: Dietz (Originalarbeit erschienen 1879), 1979.
109. Bernhard Th. Die Berühmten // Bernhard Th. Werke: in 22 Bdn. Bd. 16: Dramen I / Hrsg. von W. Schmidt-Dengler, M. Huber. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005a. 417 S.
110. Bernhard Th. Drei Tage // Bernhard Th. Werke: in 22 Bdn. Bd. 22: Journalistisches, Reden, Interviews. Teil 2: Reden; Interviews; Postume Veröffentlichungen /

- Hrsg. von W. Bayer, M. Huber und M. Mittermayer. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2015. 1488 S.
111. Bernhard Th., Fleischmann K. Thomas Bernhard — eine Begegnung: Gespräche mit Krista Fleischmann. Wien: Edition S: Verlag der Österreichischen Staatsdruckerei, 1991. 280 S.
  112. Bernhard Th. Ich könnte auf dem Papier jemand umbringen. Interview mit Hellmuth Karasek und Erich Böhme // Bernhard Th. Der Wahrheit auf der Spur. Reden, Leserbriefe, Interviews, Feuilletons. Berlin: Suhrkamp, 2012a. S. 183—199.
  113. Bernhard Th. Korrektur // Bernhard Th. Werke: in 22 Bdn. Bd. 4: Korrektur. Hrsg. von W. Schmidt-Dengler, M.: Huber; Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005b. 380 S.
  114. Bickes Z., Brunner M. Muttersprache frauenlos? Männersprache Frauenlos? PolitikerInnen ratlos? Wiesbaden: Rathausdruckerei, 144 S.
  115. Borisov W. Kommunikationsstrategien und Selbstdarstellung im politischen Fernsehinterview. Dr. phil. Berlin, 2012. 255 S.
  116. Braun F. Sprachliche Aspekte von Ungleich- und Gleichstellung der Geschlechter. Kiel, 1992.
  117. Braun F. Was hat Sprache mit Geschlecht zu tun? Zum Stand linguistischer Frauenforschung // Braun F., Pasero U. (Hrsg.) Frauenforschung in universitären Disziplinen. „Man räume ihnen Kanzeln und Lehrstühle ein...“. Opladen: Leske & Budrich, 1993. S. 189—229.
  118. Braun F., Gottburgsen A., Sczesny S., Stahlberg D. Können Geophysiker Frauen sein? Generische Personenbezeichnungen im Deutschen // Zeitschrift für Germanistische Linguistik (ZGL). 1998. Bd. 26. S. 265—283.
  119. Braun F., Sczesny S., Stahlberg D. Das generische Maskulinum und die Alternativen. Empirische Studien zur Wirkung generischer Personenbezeichnungen // Germanistische Linguistik. 2000. H. 167—168, 2002. S. 77—87.
  120. Bußmann H., Hellinger M. Engendering female visibility in German // Bußmann H., Hellinger M. (Hrsg.) Gender across languages. Amsterdam: Benjamins, 2003. Vol. 3. P. 141—174.
  121. Butler Judith P. Gender trouble: feminism and the subversion of identity. Routledge: Chapman & Hall, Inc., 1990. 170 p.
  122. Connell R. Gender and power: Society, the person, and sexual politics. Stanford: Stanford University Press, 1987. 334 p.
  123. Dackweiler R. „Wir sind der Nukleus der globalen Zivilgesellschaft“ — Zusammenspiel und Wechselverhältnis der internationalen und nationalen Frauenbewegungen am Beispiel des österreichischen Gewaltschutzgesetzes // Lenz I., Mae M., Klose K. (Hrsg.) Frauenbewegungen weltweit: Aufbrüche, Kontinuitäten, Veränderungen. Opladen: Leske & Budrich. 2000. S. 167—198.

124. Dehnavi M. Das politisierte Geschlecht. Biographische Wege zum Studentinnenprotest von ›1968‹ und zur Neuen Frauenbewegung (Histoire, Bd. 44). Bielefeld: transcript. 2013.
125. Demarmels S., Schaffner D. Gendersensitive Sprache in Unternehmenstexten // Demarmels S., Kesselheim W. (Hsg.): Textsorten in der Wirtschaft, Zwischen textlinguistischem Wissen und wirtschaftlichem Handeln. 2011. Wiesbaden: VS Verlag. S. 98—120. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-531-94041-0_7
126. Diewald G. Gendergerechte Sprache. Was ist das? Was soll das? Wie geht das? // Der Sprachdienst. 2018. Bd. 62. Nr. 6. S. 195—208.
127. Doleschal U. Das generische Maskulinum im Deutschen. Ein historischer Spaziergang durch die deutsche Grammatikschreibung von der Renaissance bis zur Postmoderne // Linguistik online. 2002. Nr. 11 (2). DOI: 10.13092/lo.11.915.
128. Dörfler S., Kaindl M. Gender-Gap in der politischen Partizipation und Repräsentation (Forschungsbericht). 2019. 165 S.
129. Duden: Die Grammatik. Mannheim u.a.: Dudenverlag, 2005. Bd. 4.
130. Dührhammer I. Geheime Botschaften: homoerotische Subkulturen im Schubert-Kreis, bei Hugo von Hofmannstahl und Thomas Bernhard. Wien u.a.: Böhlau, 2006. 567 S.
131. Eagly A.H., Karan, S.J., Makhijani, M.G. Gender and effectiveness of leaders: a meta-analysis // Psychol. Bull. 1995. Vol. 117. No. 1.
132. Empfehlungen für eine geschlechtergerechte Verwaltungssprache: Informationsflyer der Landeshauptstadt Hannover. 2019. URL: https://www.hannover.de/content/download/756032/18968385/file/Flyer_Geschlechtergerechte_Sprache.pdf
133. Enders R. Am Ende angekommen. Dargestellt am wahnhaften Dunkel der Männerporträts des Thomas Bernhard. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1980. 118 S.
134. Eyssen S. Der Aufbruch der Frauen in der SPD: die Entwicklung der Frauenarbeitsgemeinschaft während der 1970er und 1980er Jahre. Opladen: Budrich UniPress Ltd., 2019. URL: <http://doi.org/10.3224/86388794>
135. Frank K. Sprachgewalt: Die sprachliche Reproduktion der Geschlechterhierarchie. Elemente einer feministischen Linguistik im Kontext sozialwissenschaftlicher Frauenforschung. Tübingen: Niemeyer, 1992. 169 S.
136. Frauenanteil in den politischen Parteien in Deutschland. 2021. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/192247/umfrage/frauenanteil-in-den-politischen-parteien/>
137. Frauenanteil in Führungspositionen in Deutschland nach Unternehmensgröße. 2023. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/182510/umfrage/frauenanteil-in-fuehrungspositionen-nach-unternehmensgroesse/>

138. Frauen in der Politik: Der weite Weg zur geschlechtergerechten Repräsentation (Heinrich-Böll-Stiftung): Über die Frage, warum geschlechtergerechte Repräsentation eigentlich so wichtig ist und welche Faktoren dabei eine Rolle spielen. 2018. URL: <https://www.boell.de/de/2018/03/02/frauen-der-politik-der-weite-weg-zur-geschlechtergerechten-repraesentation>
139. Fuhrmann N. Geschlechterpolitik im Prozess der europäischen Integration. Forschungen zur Europäischen Integration. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. 2005. Bd. 11.
140. Gehle H. Maria: Ein Versuch. Überlegungen zur Chiffrierung Ingeborg Bachmanns im Werk Thomas Bernhards // Antiautobiografie. Zu Thomas Bernhards „Auslöschung“ / Hrsg. von H. Höller und I. Heidelberger-Leonard. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. S. 159—180.
141. Gerhard, U. Frausein und Feminismus. Über die Möglichkeiten politischen Handelns von Frauen // Scarbath H., Schlottau H., Straub V., Waldmann K. (Hrsg.) Geschlechter. Zur Kritik und Neubestimmung geschlechterbezogener Sozialisation und Bildung. Opladen: Leske & Budrich. 1999. S. 87—100.
142. Gottburgsen A. Stereotype Muster des Sprachlichen doing gender. Eine empirische Untersuchung. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. 293 S.
143. Haas Cl. Arbeit am Abscheu. Zu Thomas Bernhards Prosa. Paderborn; München: Fink, 2007. 255 S.
144. Hamelmann G. Helene Stöcker, der „Bund für Mutterschutz“ und „Die Neue Generation“. Frankfurt am Main: Haag und Herchen, 1992.
145. Hamm-Brücher H. „Ungehaltene Reden“ mündiger Bürgerinnen und Bürger. München, 1999.
146. Hausherr-Mälzer M. Die Sprache des Patriarchats. Sprache als Abbild und Werkzeug der Männergesellschaft. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 1990. 246 S.
147. Häberlin S., Schmied R., Wyss E.L. Übung macht die Meisterin. Ratschläge für einen nichtsexistischen Sprachgebrauch. München: Frauenoffensive, 1992. 110 S.
148. Hellinger M. Über dieses Buch // Hellinger M. (Hrsg.) Sprachwandel und feministische Sprachpolitik. Internationale Perspektiven. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1985. S. 3—9.
149. Hellinger M. Vorschläge zur sprachlichen Gleichbehandlung von Frauen und Männern. Empfehlungen für einen geschlechtergerechten Sprachgebrauch im Deutschen // Eichhoff-Cyrus K.M. Adam, Eva und die Sprache. Beiträge zur Geschlechterforschung. Mannheim u.a.: Dudenverlag, 2004. S. 275—291.
150. Hellinger M., Bierbach Ch. Eine Sprache für beide Geschlechter. Richtlinien für einen nichtsexistischen Sprachgebrauch. Hg. von der Deutschen UNESCO-

- Kommission. Bonn, 1993. URL: https://www.unesco.de/sites/default/files/2018-05/eine_Sprache_fuer_beide_Geschlechter_1993_0.pdf
151. Hillebrand B. Nietzsche und die deutsche Literatur. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1996.
152. Hoffmann U. Sprache und Emanzipation. Zur Begrifflichkeit der feministischen Bewegung. Frankfurt am Main; New York: Campus, 1979. 155 p.
153. Hornscheidt A. Sprache/Semiotik // Braun Christina von, Stephan Inge (Hrsg.) Gender & Wissen. Ein Handbuch der Gender-Theorien, Köln: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2009. S. 220—238.
154. Hoell J. Mythenreiche Vorstellungswelt und ererbter Alptraum: Ingeborg Bachmann und Thomas Bernhard. Berlin: epubl GmbH, 2014. 514 S.
155. Höller H. Der unbekannte Bernhard oder: Die Utopie des Wiener Praters in der frühen Erzählung *Zwei Freunde* // Höller H. Der unbekannte Thomas Bernhard. Mattighofen: Korrektur-Verlag, 2013. S. 145—162.
156. Huber M. Thomas Bernhards philosophisches Lachprogramm. Zur Schopenhauer-Aufnahme im Werk Thomas Bernhards. Wien: WUV-Universitätsverlag, 1992. 208 S.
157. Humboldt W.von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues (1827—1829) // Humboldt W.von. Werke / hrsg. von A. Leitzmann. Berlin: Behr's, 1906, Bd. VI. S. 111—303.
158. Huntemann W. Artistik und Rollenspiel. Das System Thomas Bernhard. Würzburg: Königshausen u. Neumann, 1990. 245 S.
159. Hippel Theodor Gottlieb. On Improving the Status of Women. Detroit: Wayne State University Press, 1979.
160. Irmen L., Köhncke A. Zur Psychologie des „generischen“ Maskulinums // Sprache und Kognition. 1996. Nr. 15. S. 152—166.
161. Jahraus O. Bernhards „Geistesmensch“ // Bernhard-Handbuch: Leben — Werk — Wirkung / Hrsg. von M. Huber, M. Mittermayer. Stuttgart: J.B. Metzler, 2018. S. 368—372.
162. Jahraus O. Von Saurau zu Murau. Die Konstitution des Geistesmenschen als Subjekt im Werk Thomas Bernhards // Wissenschaft als Finsternis? Jahrbuch der Thomas-Bernhard-Privatstiftung / Hrsg. von Martin Huber, Wendelin Schmidt-Dengler. Wien u.a.: Böhlau, 2002. S. 65—82.
163. Jespersen O. Die Sprache. Ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. Hildesheim; Zürich; New York: Olms-Weidmann, 1925 (2003). 440 S.
164. Judex B. Der Schriftsteller Johannes Freumbichler: 1881—1949. Leben und Werk von Thomas Bernhards Großvater. Wien u.a.: Böhlau, 2006. 331 S.
165. Jurdzinski G. Leiden an der „Natur“. Thomas Bernhards metaphysische Weltdeutung im Spiegel der Philosophie Schopenhauers. Frankfurt am

- Main: Lang, 1984; Stephan Atzert. Schopenhauer und Thomas Bernhard. Zur literarischen Verwendung von Philosophie. Freiburg: Rombach, 1999.
166. Kegyese Szekeres E. Sprachlicher Sexismus und sprachliches Gender Mainstreaming im Fokus der europäischen Sprachpolitik // *European Integration Studies*, Vol. 4 Nr. 2. S. 25—44. URL: <http://www.ceeol.com/aspx/getdocument.aspx?logid=5&id=5902B0C6-AD73-44CB8F94-8E3E275769B6>
167. Klann-Delius G. Sprache und Geschlecht. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2005. 230 S.
168. Konrad P. Frauensprache, Männersprache? So haben Frauen mehr Erfolg im Unternehmen // mein-wahres-ich.de vom 27. März 2018. URL: <https://www.mein-wahres-ich.de/magazin/frauensprache-maennersprache/>
169. Kothhoff H. Das Gelächter der Geschlechter: Humor und Macht in Gesprächen von Frauen und Männern. Konstanz: Univ.-Verl. Konstanz, 1996. 288 S.
170. Krammer St. Maskeraden der Männlichkeit. Bernhards subversives Geschlechtertheater // *Persiflage und Subversion* / Hrsg. von M. Tabah und M. Mittermayer. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2013. S. 175—186.
171. Künzel A. Zum Verhältnis von feministischer Theorie und Praxis bei Gender Mainstreaming in Kommunen: Diss. zur ... Dr. phil. der Humboldt-Universität zu Berlin, 2009. 157 S.
172. Kürschner I. Frauen in der Politik // *Argumente und Materialien zum Zeitgeschehen*. München: Hanns-Seidel-Stiftung e.V., 2010. 87 S.
173. Lakoff R. *Language and Woman's Place*. New York: Harper & Row, 1975.
174. Langer R. Krankheit und Tod // *Bernhard-Handbuch: Leben — Werk — Wirkung* / Hrsg. von M. Huber, M. Mittermayer. Stuttgart: J.B. Metzler, 2018. S. 358—367.
175. Lenz I. Frauenbewegungen: Zu den Anliegen und Verlaufsformen von Frauenbewegungen als soziale Bewegungen // R. Becker, B. Kortendiek (Hrsg.) *Handbuch Frauen- und Geschlechterforschung. Theorie, Methoden, Empirie (Geschlecht und Gesellschaft. Bd. 35. 1. Aufl.)*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. S. 665—675.
176. Le Rider J. *Der Fall Otto Weininger. Wurzeln des Antifeminismus und Antisemitismus*. Wien u.a.: Löcker, 1985. 292 S.
177. Lips H.M. *Sex and Gender: An Introduction*. Radford University Press, 1997.
178. Männle U. *Frauenpolitisches: Politik für Frauen! — Politik für Männer?! — Politik von Frauen!* // *Jahrbuch für Christliche Sozialwissenschaften*. 1993. Bd. 34. S. 114—131.
179. Michaelis R. Totenschein für die Mann-Maschine // *Zeit*. April 1980. Nr. 4. Режим доступа: <https://www.zeit.de/1980/15/totenschein-fuer-die-mann-maschine> (дата обращения 8.06.2021).

180. Mittermayer M. *Ich werden. Versuch einer Thomas Bernhard-Lektüre*. Stuttgart: Heinz, 1988. 339 S.
181. Mittermayer M. *Thomas Bernhard*. Stuttgart; Weimar: Metzler, 1995. 220 S.
182. Neubacher A. *Leichter gendern mit Phettberg* // „Der Spiegel“ vom 20.03.2021. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/gendergerechte-sprache-leichter-gendern-mit-phettberg-kolumne-a-ae5da027-0002-0001-0000-000176418810>
183. Oelkers S. „Der Sprintstar und ihre Freundinnen“. Ein empirischer Beitrag zur Diskussion um das generische Maskulinum // *Muttersprache*. 1996. Nr. 1. S. 1—15.
184. Pankow Chr. *Sprache und Geschlecht. Zum Sprachwandel und Sprachgebrauch unter dem Einfluß der Frauenbewegung in Deutschland* // *Moderna Språk*, 1998. 1. S. 171—173.
185. Paulus J. 19. Januar 1919 — Erstmaliges aktives und passives Wahlrecht für Frauen in Deutschland. 2007. URL: <http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/portal/Internet/>
186. Pawlik W. *Umfrage unter Jugendlichen zu den beliebtesten Gesprächsthemen nach Geschlecht 2019* // [statista.com](https://www.statista.com) vom 08.11.2022. URL: [e.statista.com/statistik/daten/studie/1036882/umfrage/umfrage-unter-jugendlichen-zu-den-beliebtesten-gespraechsthemen-nach-geschlecht/#:~:text=Das%20beliebteste%20Gespraechsthema%20der%20M%C3%A4nner,Jugendlichen%20gerne%20über%20das%20Thema](https://www.statista.com/statistik/daten/studie/1036882/umfrage/umfrage-unter-jugendlichen-zu-den-beliebtesten-gespraechsthemen-nach-geschlecht/#:~:text=Das%20beliebteste%20Gespraechsthema%20der%20M%C3%A4nner,Jugendlichen%20gerne%20über%20das%20Thema)
187. Pfeiferová D. Was der Zersetzungsmaschine standhält. Positiv konnotierte Bilder im Prosawerk Thomas Bernhards // „Ist es eine Komödie? Ist es eine Tragödie?“ Ein Symposium zum Werk von Thomas Bernhard / Hrsg. von A. Bombitz, M. Huber. Wien: Praesens, 2010. S. 37—57.
188. Podszun J.F.G. *Untersuchungen zum Prosawerk Thomas Bernhards. Die Studie und der Geistesmensch. Entwicklungstendenzen in der literarischen Verarbeitung eines Grundmotivs*. Frankfurt am Main u.a.: Lang, 1998. 175 S.
189. Preut M. *Gender-Forschung: Stereotypen: Schubladen für Mann und Frau* // *FOCUS Online*. URL: http://www.focus.de/gesundheit/ratgeber/psychologie/gesundepsyche/tid-5586/psychologie_aid_54529.html
190. Pusch L. *Das Deutsche als Männersprache*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag; Auflage 14, 1984. 208 S.
191. Pusch L. *Alle Menschen werden Schwestern. Feministische Sprachkritik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. 245 S.
192. Pusch L. *Die Frau ist nicht der Rede wert*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999. 224 S.
193. Radcke A. *Das Ideal und die Macht. Das Dilemma der Grünen*. Berlin, 2001.
194. Richter R. *Frauen in politischen Machtpositionen: Diss. ... Dr. der Wirtschafts- und Sozialwissenschaften*. Hamburg, 2006. 224 S.

195. Roßhart J. Bedrohungsszenario Gender. Gesellschaftliches. Geschlechterwissen und Antifemenismus in der Medienberichterstattung zum Gender Mainstreaming. Magisterarbeit zur Erlangung des ak. Gr. einer Magistra Artium der Sozial- und Wirtschaftswissenschaften. 2007. 120 S.
196. Ronge V. Alles nur Theater. Die Inszenierung männlicher (Sprach-)Macht und weiblicher (Sprach-)Ohnmacht in den Dramen Thomas Bernhards // Thomas Bernhard Jahrbuch: 2007—2008. Bd. 5 / Hrsg. von M. Huber, B. Judex, W. Schmidt-Dengler, M. Mittermayer. Wien u.a.: Böhlau, 2009b. S. 73—85.
197. Ronge V. Frauenfiguren im dramatischen Werk Thomas Bernhards. Zur Subversion der (sprach)machtlosen Frau // Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur. Thomas Bernhard, 2016. Heft 43. S. 200—212.
198. Ronge V. Ist es ein Mann? Ist es eine Frau? Die (De)Konstruktion von Geschlechterbildern im Werk Thomas Bernhards. Köln u.a.: Böhlau, 2009a. 290 S.
199. Ronge V. Subversion und Geschlecht — die (De)Konstruktion von Geschlechterbildern im Werk Thomas Bernhards // Thomas Bernhard: Persiflage und Subversion / Hrsg. von M. Tabah, M. Mittermayer. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2013. S. 159—173.
200. Roth D. Wie wählen Frauen? // Frauen in der Politik / Hrsg. I. Kürschner. 2010. S. 55—65.
201. Ruthner Cl. Macht-Spiele. Kulturwissenschaftliche Kategorien als Propädeutik zum Werk Thomas Bernhards // Germanistische Mittelungen. Nr. 60/61. UnterOrdnungen — Herrschaft, (Ohn)Macht und Anarchie bei Thomas Bernhard / Hrsg. von Cl. Ruthner, S. Malzner. 2005. S. 5—19.
202. Samel I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin: Erich Schmidt, 2000. 247 S.
203. Scheffler G. Schimpfwörter im Themenvorrat der Gesellschaft. Marburg: Tectum Verlag, 2000. 192 S.
204. Schönthal G. Feministische Linguistik - linguistische Geschlechterforschung. Ergebnisse, Konsequenzen, Perspektiven. (Germanistische Linguistik.) Hildesheim; Zürich; New York: Olms, 1998. 356 S.
205. Schönthal G. Personenbezeichnungen im Deutschen als Gegenstand feministischer Sprachkritik // Zeitschrift für Germanistische Linguistik, Band 17, Heft 3, Berlin, 2009. S. 296—314
206. Schreiner M. Schreibt Thomas Bernhard Frauenliteratur? // Materialien. Bernhard-Tage Ohlsdorf 1996. Hrsg. von F. Gebesmair und A. Pittertschatscher. Weitra: Bibliothek der Provinz, 1996. S. 68—84.
207. Schürch E. Frauensprache-Männersprache? // Eine literarische Untersuchung geschlechtsspezifischer Unterschiede im Sprachverhalten. Zürich. 2009. 69 S

208. Sieburg H. Einführung // Sprache — Genus / Sexus. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997. S. 9—32.
209. Stern D. (Ed.) Wittgenstein Reads Weininger / Ed. By David G. Stern, Béla Szabados. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 197 p.
210. Tabah M. Dämonisierung und Verklärung. Frauenbilder in „Auslöschung“ // Antiautobiografie. Zu Thomas Bernhards „Auslöschung“ / Hrsg. von H. Höller, I. Heidelberger-Leonard. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. S. 148—158.
211. Tabah M. Geschlechterdifferenz im Werke Thomas Bernhards. Ansätze zu einer feministischen Interpretation // Wissenschaft als Finsternis? Jahrbuch der Thomas-Bernhard-Privatstiftung / Hrsg. von M. Huber, W. Schmidt-Dengler. Wien u.a.: Böhlau, 2002. S. 133—144.
212. Tabah M. Geschlechterrollen und Geschlechterverhältnisse // Bernhard-Handbuch: Leben — Werk — Wirkung / Hrsg. von M. Huber, M. Mittermayer. Stuttgart: J.B. Metzler, 2018. S. 433—436.
213. Tabah M. Narrentum und Anarchie. Thomas Bernhards subversive Poetik des Lächerlichen // Thomas Bernhard: Persiflage und Subversion / Hrsg. von M. Tabah, M. Mittermayer. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2013. S. 18—22.
214. Trömel-Plötz S. Frauensprache in unserer Welt der Männer. Konstanz: Universitätsverlag, 1979.
215. Trömel-Plötz S. Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen. Wien: Milena, 2004. 408 S.
216. Trömel-Plötz S. Gewalt durch die Sprache. Frankfurt am Main, 1984.
217. Trömel-Plötz S. Frauensprache: Sprache der Veränderung. München: Frauenoffensive, 2007. 220 S.
218. Venske R. Thesen zu einer feministischen Rhetorik // Rhetorik / Ein internationales Jahrbuch von Joachim Dyck. Stuttgart: Frommann-holzboog, 1980. Bd. 4. 258 S.
219. Walczewska S. Can Women in Polen speak? Diskursive Strategien polnischer Feministinnen gegen Ausgrenzung und Marginalisierung von Frauen in Polen // Gender Heft. 2012. Nr. 3. S.122—129.
220. West C., Zimmerman D. Doing Gender // The Social Construction of Gender / Ed. by J. Lorber, S. Farrell. London: Sage Publications. 1991. P. 13—37.
221. Wichterich C. Transnationale Frauenbewegungen und Global Governance. Die Politik des Möglichen zwischen Emanzipation, Selbstregulierung und Anpassung. 2007.
222. Wurms R. Kein einzig‘ Volk von Schwestern: Von 1890—1918 // Hervé F. (Hrsg.) Geschichte der deutschen Frauenbewegung (Neue kleine Bibliothek. Bd. 48. 6. Aufl.). Köln: PapyRossa. 1998.

223. Zimmermann E. Architekturen der verlorenen Mitte. Thomas Bernhard und der Kulturkonservatismus der fünfziger Jahre // Treibhaus. Jahrbuch für die Literatur der fünfziger Jahre. Bd. 10 „Österreich“. München: Edition Text + Kritik, 2014. S. 159—186.

Использованные словари

1. Давлетчина С.Б. Словарь по конфликтологии. ВСГТУ, 2005. 100 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989.
3. Петлеваный Г.П., Малик О.С. 400 немецких рифмованных пословиц и поговорок. М.: Высшая школа, 1980. 112 с.
4. Aman R. Bairisch-österreichische Schimpfwörterbuch. München: Hugendubel, 1996. 208 S.
5. Beyer A., Beyer H. Sprichwörterlexikon. München: Beck, 1985. 712 S.
6. DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/>
7. Wander: Deutsches Sprichwörter-Lexikon. URL: <http://www.zeno.org/Wander-1867/A/Frau>

Источники языкового материала

1. Blondinenwitze. URL: www.literaturasy.de/witze-2/blondinenwitze-witze-uber-blonde-frauen
2. Chase S. True Colours: Die Farbe des Glücks. Nordstedt: BoD, 2021. T. 2. 270 S.
3. Freitau v. Esch U. Wiedersehen im Zarenschloss. Königs-Roman. Bergisch-Gladbach: Bastei-Verlag, o. J. Nr. 69. 64 S.
4. Frauenwitze. URL: www.haha.at
5. Fritz J. Antisemitismus hat in der AfD keinen Platz // juergenfritz.com vom 12.10.2017. URL: <https://juergenfritz.com/2017/10/12/antisemitismus-in-afd-kein-platz/>
6. Geyer S., Vates D. Machen Sie sich keine Sorgen um die SPD // Kölner Stadt-Anzeiger vom 17.06.2017. URL: <https://www.ksta.de/politik/andrea-nahles-im-interview-machen-sie-sich-keine-sorgen-um-die-spd-326741>
7. Glöckner G. Das unheimliche Gasthaus. Nordstedt: BoD, 2019. 152 S.

8. Gutzitiert: Ausgewählte Zitate, Sprüche und Aphorismen. URL: <https://www.gutzitiert.de/>
9. Habicht A.C. Vater unser, lass uns glücklich sein. Berlin: epubli, 2022. 510 S.
10. Hamsun K. Hunger. Nordstedt: BoD, 2023. 256 S.
11. Hensel J. Parität erscheint mir logisch // Zeit online vom 27.01.2019. URL: <https://www.zeit.de/2019/05/angela-merkel-bundeskanzlerin-cdu-feminismus-lebensleistung>
12. Illner M. Katja Kipping: Die Linken-Chefin im Exklusiv-Interview // web.de vom 25.06.2018 URL: <https://web.de/magazine/politik/katja-kipping-interview-linken-chefin-33021234>
13. Kürthy von I. Mondscheintarif. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuchverlag, 2001. 142 S.
14. Lilienblom. Bitte schenk mir keine Rosen. Nordstedt: BoD, 2022. 336 S.
15. Louis S. Ein bisschen Freiheit, bitte! Nordstedt: BoD, 2021. 392 S.
16. Männerwitze. URL: www.witze.net
17. Männerwitze. URL: www.haha.at
18. Pierce B. Gejagt. NY: Lukeman Literary Management, 2016. 250 S.
19. Remme K. Europäische Armee ist die Zukunft // Deutschlandfunk vom 08.03.2015. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/verteidigungsministerin-von-der-leyen-europaeische-armee-100.html>
20. Sandtown L. Im Visier. BookRix, 2018. 75 S.
21. Schmidtbauer D.J. Dann stirb doch selber. Berlin: epubli, 2003. 430 S.
22. Steingruber P. Treue brachte ihr das Glück. Edelweißroman: Wo die Heimat am schönsten ist. Bd. 152. Hamburg: Martin Kelter, o.J. 64 S.
23. Tyran I. Das Opfer der geliebten Frau. Silvia-Roman. Bergisch-Gladbach: Bastei Verlag, o.J. Bd. 727. 64 S.
24. Uhl Y. Verzeih, dass ich dich weinen ließ. Silvia-Roman. Bergisch-Gladbach: Bastei Verlag, o.J. Bd. 617. 64 S.
25. Vier Maß und eine Schweinshaxe // TAZ vom 12.03.2009. URL: <https://taz.de/Vier-Mass-und-eine-Schweinshaxe/!703391/>
26. Witze über Frauen. URL: www.witzeland.de
27. Witze über Männer. URL: www.spitzenwitze.de
28. Witze über Männer. URL: www.witzeland.de
29. Zastrow V., Haupt F., Gutschker Th. Wir brauchen Mut // FAZ vom 10.09.2017. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/bundestagswahl/angela-merkel-im-interview-wir-brauchen-mut-15191126.html>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Новикова Светлана Юрьевна — кандидат филологических наук, независимый исследователь.

Синеокая Наталья Алексеевна — старший преподаватель департамента иностранных языков НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).

Трофимова Нэлла Аркадьевна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка СПбГУ, профессор департамента иностранных языков НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), профессор кафедры английской филологии и перевода СПбГЭУ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Постановка проблемы: вместо введения	3
Глава 1. Гендер в зеркале немецкого языка	7
1.1. Гендерные стереотипы	7
1.2. Гендер в зеркале немецких паремий	13
1.3. Гендер в зеркале немецких анекдотов	22
Женщины в немецких анекдотах	22
Мужчины в немецких анекдотах	32
1.4. Гендерный аспект оскорблений	40
1.5. Ласкательные вокативы: гендерный аспект	50
1.6. Феминитивы как тенденция к феминизации в современном немецком языке	55
1.7. Маскулинность и фемининность современной политической коммуникации	67
Глава 2. Гендер в зеркале немецкой литературы	89
2.1. О мизогинии в творчестве Томаса Бернхарда (1931—1989): перипетии исследовательского сюжета	90
«Мрачное безумие»: взгляд с позиций феминистской критики 1970-х годов	94
«Фаллоцентричная дихотомия»: рецепция Отто Вейнингера и Артура Шопенгауэра	95
«Позитивно окрашенные» женские образы	100
«Это мужчина? Это женщина?»: деконструкция маскулинности	103
«Маскарад» маскулинности	108
«Женщина, возьми постель свою и ходи»: выводы	112

2.2. Современный немецкий «розовый» роман: женщины о женщинах для женщин (на примере романа И. фон Кюрти „Mondscheintarif“).....	115
Заключение.....	126
Литература	131
Использованные словари.....	146
Источники языкового материала	146
Сведения об авторах	148

Научное издание

Новикова Светлана Юрьевна
Синеокая Наталья Алексеевна
Трофимова Нэлла Аркадьевна

**ГЕНДЕР
В ЗЕРКАЛЕ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Коллективная монография

Подписано в печать 08.11.2023. Формат 60×88/16.

Усл. печ. л. 8,84. Уч.-изд. л. 7.52.

Тираж 500 экз. Изд. № 6317. Заказ

ООО «ФЛИНТА», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17 Б, офис 324.

Тел.: (495) 334-82-65, 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru